

VIІ
УЙОМОВСЬКІ
ЧИТАННЯ
(2019)

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет

імені І. І. Мечникова

Факультет історії та філософії

VII

УЙОМОВСЬКІ ЧИТАННЯ

(2019)

Матеріали Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова

Одеса – 2019

УДК 1
У 32

*Рекомендовано до друку кафедрою філософії та методології пізнання
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
Протокол № 7 від 19 березня 2019 року.*

Редакційна колегія:

*д.філос.н., проф. Л. М. Терентьєва;
к.філос.н., доц. Л. Л. Леоненко;
к.філос.н. Д. М. Ляшенко;
к.філос.н., доц. О. В. Чайковський.*

У 32 VII Уйомовські читання (2019) : матеріали Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова / від. ред. К. В. Райхерт. – Одеса : Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2019. – 139 с.

Збірка містить тези доповідей, спогади та статті, представлені на сьому конференцію «Наукові читання пам'яті Авеніра Уйомова», яка відбулася 4 та 5 квітня 2019 року в місті Одеса, Україна, на базі факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Збірка адресована всім тим, хто професійно займається проблемами логіки, філософії науки, системології та синергетики, а також усім тим, кого цікавить сучасна філософія.

Тексти представлені в авторській редакції. Редакційна колегія не завжди поділяє точку зору авторів. За точність і достовірність викладеного матеріалу всю відповідальність несуть автори.

УДК 1

© Автори матеріалів, 2019
© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2019

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Афанасьєв Олександр Іванович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

Богата Лідія Миколаївна – доктор філософських наук, професор кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Бородіна Наталія В'ячеславівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

Василенко Ірина Леонідівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри політології, соціології та соціальних комунікацій Одеської національної академії зв'язку імені А. С. Попова.

Голубович Інна Володимирівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії й основ загальногуманітарного знання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Зобенко Оксана Ігорівна – аспірантка кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Івченко Анна Сергіївна – аспірантка кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Кирилюк Олександр Сергійович – доктор філософських наук, завідувач Одеської філії Центру Гуманітарної освіти НАН України.

Козаков Михайло Миколайович – магістр культурології.

Леоненко Леонід Леонідович – кандидат філософських наук, доцент.

Мандель Ігор Давидович – доктор економічних наук, віце-президент з статистики та економетрики компанії Телмар (Telmar) (Нью-Йорк, США).

Марійчак Ілля Ілліч – аспірант кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Нерубаська Алла Олександрівна – кандидат філософських наук, докторант кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Повторєва Світлана Михайлівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Національного університету «Львівська політехніка».

Прушковська Анастасія Юріївна – аспірантка кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Пунченко Олег Петрович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії й історії України Одеської національної академії зв'язку імені О. С. Попова.

Райхерт Костянтин Вільгельмович – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Савусін Микола Павлович – методист департаменту освіти та науки Одеської міської ради.

Спаський Ігор Дмитрович – аспірант кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Сумарокова Людмила Миколаївна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Національного університету «Одеська юридична академія».

Чех Наталія Борисівна – студентка факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Шевцов Сергій Павлович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Шелестова Олена Миколаївна – мистецтвознавець, завідувач відділу Музею-квартири Олега Соколова Одеського музею західного та східного мистецтва.

Шохв Олександр Сергійович – здобувач кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

ЗМІСТ

<i>Афанасьев О. И., Василенко И. Л.</i> РОЛЬ А. УЙОМОВА В ОДЕСЬКОМУ ФІЛОСОФСЬКОМУ СПІВТОВАРИСТВІ	7
<i>Богатая Л. Н.</i> О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И УРОВНЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	10
<i>Бородина Н. В.</i> ПАРАМЕТР ЦЕНТРИРОВАННОСТИ И ФИЛОСОФИЯ	16
<i>Голубович И. В.</i> «СИТУАЦИИ», «ПОВОРОТЫ», «СМЕРТИ» В ЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	18
<i>Зобенко К. И.</i> ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР СОЗНАНИЯ	22
<i>Ивченко А. С.</i> «ЗАБОТА О СЕБЕ»: НОВЫЕ РАКУРСЫ АНАЛИЗА	24
<i>Кирилюк О. С.</i> ІНСТИТУТ ФІЛОСОФІЇ З ФІЛОСОФІЄЮ У ДУЖКАХ (СПОГАДИ КОЛИШНЬОГО АСПІРАНТА)	27
<i>Козаков М. М.</i> ПОСТНЕКЛАСИЧНИЙ ПІДХІД У ВІЗАНТІЙСЬКИХ СТУДІЯХ	47
<i>Леоненко Л. Л.</i> ОБ «АНАЛОГЕ» ОПЕРАТОРА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АБСТРАКЦИИ В ЯЗЫКЕ ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ	50
<i>Мандель И. Д.</i> МЫСЛИТЕЛЬ	53
<i>Марийчак И. И.</i> ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ – АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ ВАЛЕРИЯ САВЧУКА	57
<i>Нерубасская А. А.</i> БИФУРКАЦИОННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ: СИСТЕМНО-ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	61
<i>Повторева С. М.</i> СЛОВО ОБ АВЕНИРЕ ИВАНОВИЧЕ: ДРУГЕ И МУДРЕЦЕ	64
<i>Прушковська А. Ю.</i> ІНТЕРІОРИЗАЦІЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕННЯ У «ВНУТРІШНЬОМУ ДОСВІДІ» Ж. БАТАЯ	69
<i>Пунченко О. П.</i> «ГЕОМЕТРИЯ» МЫШЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА А.И. УЕМОВА	71
<i>Райхерт К. В.</i> ТРИ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ВЕЩИ» В ЭМПИРИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ А. И. УЁМОВА	77
<i>Спаський І. Д.</i> ВИЗНАЧЕННЯ ГОСПОДАРСТВА В КОНТЕКСТІ ПАРАМЕТРИЧНОЇ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ	80

<i>Сумарокова Л. Н.</i> ПРАКСЕОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ: СИСТЕМНЫЙ АСПЕКТ	83
<i>Чех Н. Б.</i> ФІЛОСОФСЬКІ НАРАТИВИ В ФОТОСЕРІЇ Б. МИХАЙЛОВА «НЕЗАКІНЧЕНА ДИСЕРТАЦІЯ»	86
<i>Шевцов С. П.</i> АВЕНИР ИВАНОВИЧ УЁМОВ КАК ПРЕДМЕТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА: ВЕЩЬ, СВОЙСТВА, ОТНОШЕНИЯ	96
<i>Шелестова Е. Н.</i> ФЕНОМЕН ФИЛОСОФА АВЕНИРА УЁМОВА	101
<i>Шохов А. С.</i> ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА «ПАРАДИГМА» В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ВЫДЕЛЕНИЕ ПАРАДИГМОПОРОЖДАЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ	105
<i>Савусин Н. П.</i> СИСТЕМНЫЕ ДЕСКРИПТОРЫ КАК СРЕДСТВО КОНКРЕТИЗАЦИИ И ОБОБЩЕНИЯ СИСТЕМ	108

РОЛЬ А.УЙОМОВА В ОДЕСЬКОМУ ФІЛОСОФСЬКОМУ СПІВТОВАРИСТВІ

У 50-60-ті роки минулого століття філософське життя в Одесі зводилося до засідань кафедр та ідеологічних нарад. Нечасті наукові конференції в основному обмежувалися проблематикою марксистсько-ленінської філософії і були ідеологічно витримані в дусі критики «буржуазних концепцій». Одеське філософське співтовариство не мало свого власного обличчя. Все було так, як і в інших містах України та Радянського Союзу. Теоретичні філософські ідеї обговорювалися на засіданнях кафедр, часом дуже активно, але обов'язково в рамках марксистсько-ленінської філософії з дуже сильним ідеологічним стрижнем, що обумовлювало догматичний і пропагандистський характер досліджень. Про дійсну новизну проблематики майже ніколи не йшлося. Тому навіть поява нових текстів Маркса, Енгельса, Леніна та інших класиків марксизму-ленінізму мало що додавало в ідейний зміст обговорень і дискусій. Хрущовська відлига, яка благодворно позначилася на багатьох сферах життя країни, філософії торкнулася мало, в істотно меншій мірі, ніж, скажімо, художньої літератури. Хоча масові репресії припинилися, але постраждати від ідеологічних звинувачень було досить легко. Можна було провалити захист диплома або дисертації через малу кількість цитат класиків марксизму-ленінізму, недостатньої кількості їх творів або партійних документів в списку літератури. Останнє в той час свідчило про низький науково-теоретичний рівень роботи.

Правда, свіжим струменем в 60-і роки були публікації П.В.Копніна. Вони дещо пожвавили філософське життя. З'явилися прихильники творчого підходу до марксистсько-ленінської філософії і противники навіть проблиску творчості, які засуджували навіть досить невинні ідеї Копніна.

Істотним явищем в одеському філософському співтоваристві був переїзд до Одеси А.І.Уймова. Без перебільшення можна сказати, що одеське філософське співтовариство змінилося радикально, хоча офіційна духовна атмосфера, офіційний культурний та інтелектуальний капітал, офіційні мережі зв'язків змінилися мало. Але за офіційними межами зміни були досить помітні. Вони торкнулися як змісту філософських досліджень, так і структури спільноти. По-перше, завдяки А.Уймову в Одесі з'явилися системний метод, системний підхід, системні дослідження і, по-друге, значно активізувалися дослідження в руслі філософії та методології науки.

У структурному плані зміни виявилися в створенні філософського товариства, де стало обговорюватися широке коло питань, що виходили за межі ідеології і пропаганди. Але ще більш значною зміною було виникнення системного семінару під керівництвом Уймова. Важливо, що вирішальне значення мала не його структура, а нові нестандартні ідеї, творчий спосіб їх

обговорення, навіть несподівані форми публікації. Кількість авторів невеликих тез на конференцію могло переваляти за десяток. Дуже швидко склався новий культурний та інтелектуальний капітал, змінювався простір уваги, виникали нові мережі зв'язків. Для системщиків-уйомовців це мало професійне значення: швидко зростав обсяг знань щодо цього напрямку, захищалися дисертації, зростала кількість учнів і послідовників, склалася помітна філософська школа. Правда, цей термін тоді майже не вживався. Формування подібних шкіл викликало підозру у партійного і ідеологічного начальства і було небезпечним. Але набагато більше значення уйомовський семінар мав для зміни духовного клімату філософського співтовариства. Значна частина філософів не займалася системними дослідженнями, але сприйняла смак до новизни, творчості, відкрила для себе нову філософську нішу філософії науки, де догматичному марксизму вже не було місця.

Слід зазначити, що системоутворюючим фактором інтелектуального капіталу як і раніше залишалася марксистсько-ленінська філософія. Ніхто (або майже ніхто) не перестав бути марксистом-ленінцем. Тому в публікаціях з проблем системних досліджень або по філософії і методології науки обов'язково присутні еківоки в сторону марксистської методології, теорії пізнання, діалектики і цитування класиків марксизму-ленізму. Характерний приклад. Коли в кінці 60-х років з'явився переклад книги Т. Куна «Структура наукових революцій», багато хто відзначив помітну перекличку ідей Куна зі змістом п'ятого розділу книги В.Леніна «Матеріалізм і емпіріокритицизм», яку, зрозуміло, радянські філософи знали майже напам'ять. Багато хто дивувався, чому у Куна немає посилань на Леніна. Важко було уявити, що хтось, хоч і за кордоном, міг не читати Леніна. Більш того, деякі наші філософи стали активно шукати у Куна його рішення основного питання філософії, оскільки, за Енгельсом, це «велике питання всієї філософії» (питання про співвідношення матерії і свідомості) визначає обличчя філософа, його філософську концепцію, його прогресивність або реакційність тощо. Не знайшовши такого рішення у Куна, багато хто вважав природним, виключити його ідеї з філософської проблематики як нефілософські.

Системщики-уйомовці також широко шукали і знаходили зв'язок системних уявлень з діалектичним матеріалізмом. Докоряти їм в цьому заднім числом значить не розуміти не тільки історичних, а й інтелектуальних реалій. До речі, названі пошуки мали несподіваний наслідок: вони визначили більш культурне ставлення до самого марксизму. Ставало ясно, що останній не може замінити собою все філософське знання, а діалектика як метод, має свої межі. Тоді набула популярності така аналогія: велику рибу треба ловити великою мережею (діалектичним методом), а більш дрібну - мережею подрібніше (іншим методом). Для кондових марксистів це було неприйнятно: діалектика мала славу загального методу, отже, може бути застосована всюди. Партійному керівництву системні, логіко-методологічні та інші філософські новації, які набирали популярність, здавалися дуже підозрілими, що власне і зумовило цькування Уйомова і його «вихід» з викладацької роботи в університеті.

І все ж виник і був започаткований новий простір уваги, нова сфера філософських занять, своєрідна віддушину, де можна було проявити свої здібності. Слід пам'ятати, що викладачі філософії будували свої лекції в рамках канонічної програми, вихід за яку був не тільки небезпечний, але й нездійснений з точки зору інтелектуального капіталу, а, крім того, повинні були вести ідейно-виховну роботу на підприємствах і колгоспах, пропагуючи досягнення радянської економічної системи, радянського способу життя, торжество комуністичної ідеології. Це здавалося природним, але для багатьох рутинним і малоцікавим. Інтелектуальні сили і енергія переміщалися в зазначену віддушину, в область філософії науки та, зокрема, уйомовської системології. Значною мірою завдяки А.І.Уйому і цій віддушину Одеському філософському співтовариству вдалося відносно легко сприйняти горбачовську перебудову, ідеї незалежності і перебудувати сам інтелектуальний філософський капітал, увійшовши в світовий простір філософської думки.

Звісно, Уйомов працював не один. З ним в Одесу приїхали його учні, творчість яких стала помітним явищем інтелектуального простору не тільки Одеси і України. До них приєдналося чимало місцевих талантів. Серед них виділявся мабуть найбільш талановитий і послідовний його учень А.Ю.Цофнас, який усе життя присвятив системним дослідженням і прищепив любов до цього своїм учням, залишивши чималу наукову спадщину. Його статті відрізняються науковою глибиною і стилістичною легкістю, оригінальністю замислу і ґрунтовною проробкою, відточеністю буквально кожного слова. Неабияке значення мала і його талановита пропаганда системних ідей. Багато в чому саме завдяки йому системний семінар не зник після смерті Уйомова і продовжує працювати і після смерті самого Цофнаса.

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И УРОВНЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для того чтобы выйти на улицу или даже для того, чтобы утром открыть двери собственной комнаты для встречи с другими людьми, человеку необходимо надеть «социальную маску», складывающуюся из многих составляющих – одежды, улыбки, цели, которая направляет движение, отношения к людям, встречающимся на пути. Все это и многое иное – элементы социальных ролей, которые разыгрывает человек. Социальные роли прописываются самой Культурой.

Маски и роли бывают не только индивидуальными, но и коллективными. Они есть в любом профессиональном сообществе – строителей, учителей, предпринимателей, ученых. Эти роли традиционно исследуют психологи, но сейчас подобная тема может получить новое развитие в связи с процессами культурной дифференциации и, одновременно, интенсивного межкультурного взаимодействия.

Современному ученому уже недостаточно заявить о себе на уровне национального научного сообщества. Подобные сообщества поощряют, более того, требуют активных взаимодействий с другими национальными исследовательскими группами. Но на этом пути возникают сложности, связанные с необходимостью замены «исследовательской маски» при пересечении границы национального исследовательского локуса.

Метафора «маски» может показаться и не самой удачной, но она, по крайней мере, позволяет зафиксировать проблему, суть которой заключается в существовании *специфических культурных (национальных) влияний на продукты интеллектуальной деятельности*. Выявление подобных влияний становится особо актуальным в ситуации постколониального поворота.

Разговоры об одно- двух- трех- полюсных мирах в настоящее время все чаще дополняются попытками осмысления многополюсности, постколониальности. Понятно, что реальные политические постколониальные практики свидетельствуют пока о другом: представители национальных политических элит озабочены поиском новых культурных покровителей, метрополий, готовых под свое «культурное крыло» взять целые страны. Постколониальный поворот пока обнаруживает себя *колониальным переделом*, который, тем не менее, актуализирует проблему взаимодействия «колониальных культурных матриц».

Если раньше та или иная национальная культура развивалась в рамках одной колониальной матрицы, то теперь возникает необходимость осуществления культурного соотнесения, переосмысления особенностей тех или иных культурных оснований. Эти переосмысления особенно актуальны для гуманитарных наук, особо чувствительных к питающим их культурным коконам.

Взаимодействие с иной, более успешной, на первый взгляд, колониальной

матрицей, часто оборачивается игрой в «догоняющую культуру», развитием «догоняющих идеологий». Выход из-под того или иного колониального контроля актуализирует потребность в другом контролере. Однако свободу недостаточно провозгласить. Важно научиться жить без оглядок на ту или иную метрополию.

Обозначенная проблема усугубляется тем, что ситуации различных постколониальных изменений пытаются осмыслить с помощью старых «колониальных» конструктов - *почва, почвенничество*. Очень точно сомнение по поводу подобных конструирований высказал Б.Латур [4]. А еще один основатель акторно- сетевой теории (АСТ) – Дж.Ло предложил новый конструкт, с помощью которого можно обсуждать культурные влияния, оказываемые на те или иные научные исследования.

Научный хинтерланд¹: в поисках более точной метафоры

Вслед за Б.Латуром Дж. Ло совершенно справедливо замечает, что научная деятельность плоть от плоти того хинтерланда, из которого она произрастает. «Хинтерланд производит более или менее рутинизированные реалии и утверждения о них... Хинтерланд стандартизированных черных ящиков, по меньшей мере, формирует наши «решения» и «выборы»... Мы, то есть те, кто «выбирает», воплощает и носит в себе множество хинтерландов; ... хинтерланд производит определенные классы реалий и утверждений о них, но при этом не производит другие» [5, с.75]. Естественно, Ло задает вполне закономерный вопрос о том, должны ли представители науки довольствоваться уже существующими хинтерландами или «идти против течения и стараться реорганизовать хинтерланд для того, чтобы создать новый?» [5, с.77]. Видится, что на подобный вопрос не может иметь однозначного ответа. Одни исследователи будут продолжать развивать традицию определенного хинтерланда, другие, наоборот, начнут критиковать, преобразовывать ее. В ситуации постколониального поворота факт существования различных хинтерландов ощущается с особой очевидностью. С точки зрения модернистской риторики можно утверждать, что реальность другого хинтерланда является искаженной и ее не следует принимать во внимание. Но является ли подобное неприятие единственно возможным и правильным исследовательским выбором?

Об актуализации методологических практик

Постколониальная реальность требует существенно обновленных профессиональных (а не эмоциональных) переосмыслений, осуществляемых в духе новых времен. Видится, что в этой связи проявляется особое поле деятельности для методологов. По этой причине важно еще раз переосмыслить сам *предмет методологических исследований*. Чем, собственно, методолог призван заниматься?

---

¹ *Хинтерланд* – примыкающая к уже завоеванной колонии территория, на которую заявляет свои претензии колониальная держава.

Если обратиться к этимологической первооснове слова, то **метод** – это *путь* и методолог – это тот, кто исследует *различные варианты пути*. Но зачем изучать чужие пути? Люди «идут», оставляя свой неповторимый след. Есть ли необходимость наблюдать за теми, кто совершает свое «интеллектуальное» дело?

Едва ли необходимо специально развивать тезис о том, что *наблюдение* и *делание* это взаимодополняющие фазы человеческой активности. Прежде чем что-либо сделать человек *наблюдает*, затем – *делает*, затем – опять наблюдает. Режимы «наблюдения» и «действия» можно, вероятно, и совмещать, но возможно двигаться и последовательно. Методолог – это тот, кто развивает в себе способность к методологическим наблюдениям. Изучение чужих путей позволяет более осознанно совершать собственное познавательное движение. Просто *за человеком* (за человеком во всей его полноте) наблюдают писатели, психологи. Методолог же заинтересован *путем исследователя*: лингвиста, когнитолога, философа, теолога, этнографа... При этом он не претендует на некую выделенную «мета» позицию, понимая, что следит только за *определенной проекцией* того, что всегда значительно сложнее (полнее).

Необходимость в методологическом анализе оказывается особо востребованной в ситуации повышенной культурной плюральности, междисциплинарности, ибо, исследуя метод, можно увидеть общее в том, что достаточно различно. И при этом результат труда методолога может быть интересен всем, кто, пытаясь двигаться в собственном направлении, все же сохраняет способность наблюдать за тем, что происходит вокруг, избегая сложных погружений в дисциплинарные частности.

В.Г.Буданов [3], размышляя о новой методологии, сравнивает *методолога с врачом-терапевтом*. Терапевт ничем не лучше, чем хирург, ларинголог или офтальмолог. У терапевта – своя задача: понять состояние организма как целого. Врач-терапевт никак не может заменить работу стоматолога, психолога или священника. Каждый совершает свой труд. И каждый сам выбирает предметный срез для своего исследовательского внимания.

Уровни междисциплинарного методологического анализа

Словосочетание *методологический анализ* важно усилить словом *междисциплинарный*. При таком усилении подчеркивается факт того, что метод как таковой может быть интересен представителям различных дисциплинарных исследовательских направлений.

Развивая новый взгляд на возможности междисциплинарной методологии, обнаруживается основание для различения уровней соответствующего анализа.

Метауровень

Приставка *мета* является бесконечно привлекательной для исследователя-неофита. Кажется, что если только переместиться в эту желанную «мета» позицию, то сразу становятся понятными все то, что происходит на нижних уровнях. Но проблема заключена в том, что в эту особую позицию можно выйти, лишь преодолев силу тех или иных дисциплинарных, парадигмальных притяжений, а для этого (ни много – ни мало) необходимо выйти на новый

уровень понимания исследовательских процессов как таковых, что всегда значительно сложнее, нежели просто употребить слово «мета»².

К *мета* уровню методологического анализа достаточно естественно отнести:

– анализ современных *эпистем* как особых образований, предопределяющих формирование того или иного *эпистемического (знаниевого) порядка*, обуславливающего появление новых парадигм, «поворотов», подходов. Эпистемический мета анализ не следует путать с разнообразными и многочисленными вариантами эпистемологических исследований, изучающих знаниевую среду в том или ином ее конкретном срезе (социальная эпистемология, эволюционная эпистемология, феминистская эпистемология...).

– анализ актуальных *конструктов* и *концептов* (более подробно о необходимости различения *конструктов* и *концептов* речь шла в исследовании [1]). Соответствующий анализ – это совершенно особый вид методологических практик, требующих своего последовательного развития;

– категориальный анализ. Подобный вариант анализа традиционно осуществлялся философами и отмеченное является своеобразным свидетельством того, что *междисциплинарная методология* своим истоком имеет философию с ее нацеленностью на осмысление практик познания, мышления;

– парадигмальный анализ. В процессе столкновения постсоветской и западноевропейской знаниевых платформ само слово парадигма стало определенным различающим маркером. Термин парадигма прочно закрепился именно в постсоветской знаниевой среде и едва ли следует отказываться от этого методологического конструкта и от возможностей парадигмального анализа по причине того, что обращение к парадигме не так популярно у западных и американских коллег (коллеги, принадлежащих другому *хинтерланду*).

Макрометодология

Уровень макрометодологического анализа предполагает исследование конкретных теорий, концепций, обсуждение ключевых принципов, под воздействием которых формируются соответствующие построения. Этот уровень анализа традиционно развивался и развивается в рамках философии науки.

Микрометодология

Основная задача микрометодологии – наблюдение «тонких» процессов, направляющих развитие знаниевой среды. К микрометодологическому анализу можно отнести анализ метафор, креативных терминологических связей, терминологических гнезд [2], процессов концептуализации понятий, вариантов всевозможных рецептов. В рамках микрометодологии осуществляется предварительный анализ новых концептов и конструктов, реальный

---

² К примеру, нечто подобное произошло с вбрасыванием слова «метамодерн», заявленного современными нидерландскими исследователями Тимотеусом Вермуленом и Робинот ван ден Аккером.

эпистемический вес которых пока не определен.

Нанометодология

Как уже отмечалось выше, в разговорах о методологах и методологии нельзя игнорировать специфику той или иной культурной исследовательской среды.

Деятельность «чистых» методологов более характерна для постсоветского культурного пространства (московская метрополия). Вероятнее всего, это следствие слабого послевоенного развития гуманитаристики в СССР по сравнению с естественнонаучным знанием и математикой. В западноевропейской и американской традициях все происходило, скорее, наоборот. Французский постструктурализм и все последующие «постпроявления» были «замешаны» на публичном отречении от методологии. Возникавшие *методологические антипатии* вполне можно понять, ибо постструктуралистский взгляд был «нано» ориентированным. А это – совершенно новая методологическая технология, которую легко можно было принять за отсутствие метода как такового. Всевозможные искусственные *смеси, сборки, неестественные (неприродные) включения* – все это весьма характерно именно для нанотехнологий.

Последующий к концу XX века информационный взрыв в еще большей степени усилил антиметодологический тренд, ибо изменения происходили так быстро, что казалось, отпала сама необходимость в познании метода, след исчезал практически сразу после того, как он был зафиксирован. Методологи стали заниматься литературоведением, искусствоведением, когнитологией, урбанистикой. Но как оказалось, проблема метода при этом никуда не исчезла. Методология в современной западноевропейской и американской культуре жива как своеобразная *практикующая методология*. Метод обнаруживается и исследуется в ходе самого пути (фактически так, как это происходило у М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Делеза, Ф. Гваттари). Можно предположить, что отмеченное является следствием фактически параллельно протекающих фаз *наблюдения и делания*. Но даже в условиях «параллельного существования» *метод* сохраняется, а значит, есть потребность и в экплицирующей этот метод *методологии*.

Список использованной литературы:

1. Богатая Л.Н. Многомерная методология как одно из условий трансдисциплинарного синтеза // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания. Т. I. – Минск: Четыре четверти, 2018. – 310 с. – С.25-28.
2. Богатая Л.Н. Выявление терминологических гнезд как один из методов современной гуманитаристики // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2015. – С. 59-66.
3. Буданов В.Г. Третье рождение синергетики // Філософія освіти. – № 2(21). – 2017. – С. 57-71.
4. Латур Б. О возможной триангуляции некоторых современных политических позиций. «Глобальный мир», которого нет. Земля и новое политическое

сознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/19588>
5. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука /пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.

ПАРАМЕТР ЦЕНТРИРОВАННОСТИ И ФИЛОСОФИЯ

18 лет назад, во времена моей диссертации, аспиранты переживали мучительное расставание с основным вопросом философии: мир философии стал шире и материализм /идеализм вытеснился под наплывом более интересных вопросов.

Что же пришло взамен и можем ли мы говорить о том, что у философии есть центральный/основной вопрос?

Классический основной вопрос философии можно было вполне канонично вписать в рамки определения центрированных систем, принятое в параметрической общей теории систем: «В центрированных системах существует такой объект, что отношения между любыми другими элементами системы могут быть установлены лишь с помощью отношения к этому объекту, играющему роль центра» [1, с.61]. Центрированной системой в философии, можно назвать такую систему, которая предполагает, что философские проблемы не могут быть исследованы без исследования какой-либо проблемы являющейся, центром философии. То есть, вы должны сначала решить для себя эту проблему, а потом все остальные.

В истории философии можно вспомнить множество примеров «центрирования философии» вокруг проблем натурфилософии у досократиков, вопрос религиозных проблем в средневековой философии, а вот уже ближе к XX веку понятия центра начинает смещаться.

В прошлом году открытая лекция главного редактора журнала «Логос» Валерия Анашвили показала, что современная философия – эпоха без ключей и без героев. Больше нет вопроса, который позволял бы получить ключ к остальным вопросам, и нет человека, считающимся авторитетом по ключевой проблеме.

Плюс-минус авторитетом можно назвать Славоя Жижека, но он скорее откликается на модные проблемы, его стиль похож на блоггера с определенными тегами, к которым он может периодически возвращаться, но они не являются ключом к остальным вопросам.

Различные популярные исследования в русле когнитивистики группируются вокруг «проблемы работы мозга и сознания», но там проблемой является буквально все, и от исследования одной проблемы появляются множество новых вопросов. Ситуация больше даже напоминает анти-ключ: открывание одной замочной скважины проявляет множество других закрытых скважин, и вы понимаете, насколько еще много нераскрытых вопросов.

Кант и Витгенштейн пытались центрировать философию вокруг вопрос «чистки». Кант предупреждал, что прежде чем заниматься философией, нужно ответить на вопрос о достоверности априорных синтетических суждений. Витгенштейн считает ключевой проблемой очистку языка. В принципе, в рамках творчества отдельного философа достаточно часто можно найти попытки

заигрывания с центрированностью: тот же Энгельс, с его основным вопросом философии, который использовал этот вопрос для удобства классификации своего видения философии как приближения/удаления к этому вопросу.

Авенир Иванович Уемов еще до контекста обсуждения центрированности в философии обнаружил общесистемную закономерность: параметры с положительным значением блока организации (то есть центрированность, жесткость) представляют собой системы с низкой способностью к развитию (иерархия предполагает работу в рамках этой иерархии). И, соответственно, не коррелируются с параметрами блока устойчивости, то есть, если нет развития, системы нестабильны, они проходят свой цикл функционирования и уничтожения.

Таким образом, философия как ризома становится не чем-то вызывающим тревогу, а наоборот – нормальным состоянием философии, которое нужно для ее устойчивого развития.

Список использованной литературы:

1. Уемов А.И., Сараева И.Н., Цофнас А.Ю. Общая теория систем для гуманитариев. – Варшава: Universitas Rediviva, 2002. – 276 с.

**«СИТУАЦИИ», «ПОВОРОТЫ», «СМЕРТИ» В ЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

В языке описания современной культуры в наиболее общих ее характеристиках сложились определенные риторические фигуры и тропы, которые одновременно и открывают и закрывают возможности глубокого понимания важнейших социокультурных и цивилизационных феноменов и трансформаций. Хорошим тоном и интеллектуальной модой стал дискурс «смертей», «концов» и «поворотов». Принято говорить о «конце» цивилизации и культуры, о «смерти» Бога, человека, автора, героя, рассказчика, композитора и т.д.; о «поворотах» - лингвистическом, антропологическом, постметафизическом, прагматическом, коммуникативном, герменевтическом, диалогическом и далее бесконечно (См. об этом: [1]). Смягчали атмосферу всеобщих поминок по культуре тезисы о том, что «смерти» и «концы» все же скорее метафизические, нежели реальные, и о том, что вслед за «смертями» и «концами» последует череда «возвращений» и «возрождений». Вспомним, к примеру, один из наиболее оптимистичных мотивов у Михаила Бахтина в его обосновании концепта «большого времени»: у каждого смысла будет свой праздник возрождения! Когда мы говорим о том, что эти риторические фигуры обладают не только значительным эвристическим потенциалом, создают при корректном и умелом обращении с ними определенную исследовательскую оптику, но и затемняют, скрывают, забалтывают реальную ситуацию, подлинное состояние дел, не позволяют взглянуть в микрофизику мельчайших и тончайших изменений, которые уже завтра или даже «сегодня вечером» приведут к неожиданным и радикальным глобальным культурным и цивилизационным взрывам, мы имеем ввиду превращение их в модные шаблоны и лекала, на которые впору объявлять эпистемологический мораторий. Так когда-то Александр Пятигорский предлагал поступить с понятием «семиотика», которое также из хорошо настроенного теоретиками познавательного и герменевтического инструмента превратилось во всеобщий сленг (семиотика культуры, семиотика моды, семиотика запахов, семиотика всего, чего угодно).

Еще одно понятие, концепт, еще одна риторическая фигура нередко используется для характеристики современности во всей ее сложности и целостности. Это понятие «ситуация» и разворот размышлений о судьбах мира в сторону «фундаментальной ситуации культуры», «пограничной/экзистенциальной ситуации человека». Концепт ситуации более нейтрален, нежели «смерти», «концы», «повороты». И в этом смысле он менее чем они подвержен опасности превратиться в шаблон. Тем не менее, и «ситуация» в языке подобного описания легко теряет свои эвристические возможности, превращаясь всего лишь в фигуру речи, в «слепое пятно» высказывания, в котором пустотно и без-смысленно присутствует. Эти соображения были крайне важны для меня во время работы над кандидатской

диссертацией «Методологические проблемы ситуационного подхода и его применения в современных гуманитарных исследованиях»[2], предметом которой были самые различные смыслы «ситуации» и «ситуационного». Одним из поводов обращения к этой теме в рамках Уемовских чтений стал повод автобиографический. Авенир Иванович Уйюмов был членом специализированного совета по защите диссертаций по философии в Южноукраинском педагогическом университете имени К. Ушинского, где я защищала свою кандидатскую диссертацию в декабре 1997 г. Во время защиты он высказал ряд важных для меня замечаний и напомнил о своей причастности к разработке ситуационного подхода в управлении городом в Одесском отделении Института экономики Академии наук УССР, сотрудником которого некоторое время являлся. В институте тогда работал отдел ситуационного управления большими системами под руководством математика Людмилы Сергеевны Загадской, которая была одним из основателей школы ситуационного управления в СССР. Под ее руководством были впервые в стране созданы методология и методы систем ситуационного управления на семантических сетях [3].

Данный контекст разговора о ситуации не являлся для меня тогда центральным и определяющим, тем не менее, в диссертационном исследовании были фрагменты о ситуационном подходе в управленческой деятельности, в том числе, и на материале уникальных архивов еще одного сотрудника Одесского филиала Института экономики географа Петра Петровича Мамонтова, который сделал возможным проведение в Одессе серии семинаров по оргдеятельностным играм (ОДИ) философа-методолога Григория Щедровицкого. С ним также был хорошо знаком А.И.Уемов еще в годы учебы на философском факультете МГУ. Ограниченный объем тезисов не позволяет развернуть эту сюжетную линию более подробно, зарезервируем эту возможность для будущих публикаций об уникальной истории создания и деятельности в Одессе Института экономики, о невероятных траекториях жизненных и научных судеб ученых, которые там работали. Тем более что это и часть моей собственной семейной истории. В Институте работала моя свекровь, экономист Вера Ивановна Мוצаренко, ее захватывающие истории и впечатления о почти невозможном в советскую эпоху свободном, новаторском стиле жизнедеятельности Института на Французском (тогда Пролетарском) бульваре, я всегда слушала и воспринимала с огромным вниманием. Могу лишь сожалеть о том, что многое ушло из памяти, многое я в молодости еще не в состоянии была понять и осмыслить. Однако хорошо помню рассказы о встречах с сотрудником института - необыкновенным философом Авениром Уемовым, с которым я тогда не была лично знакома.

Возвратимся к главной теме и попробуем в первом приближении определить некоторые параметры разговора о «фундаментальной» или «экзистенциальной» ситуации, о «ситуационно-историческом» сознании, о ситуационном как таковом.

Констатация, которая на уровне обыденного сознания выглядит очевидной: человек всегда находится в исторически определенной ситуации и

«выпрыгнуть» из нее не может, достаточно поздно стала предметом философского осмысления. Пока в философии господствовал примат сущности, изъятый из мира явлений (в любом варианте), понятие «ситуация» было лишним, оно оставалось за пределами строгого философского знания. Только тогда, когда начинается поворот от познания сущности к аналитике и феноменологии конкретного существования, только тогда зарождается ситуационная проблематика. Основания ее мы находим в трудах Гегеля (попытка связать категорию «ситуация» с категорией «состояние»), Кьеркегора (обоснование основного принципа экзистенциального философствования: человек не может быть понят вне экзистенциального смысла «ситуации», в которую он погружен), Маркса (глубокая проработка идеи о том, что человек неразрывно слит с собственными обстоятельствами, с общественно-исторической практикой), Дильтея (методологическое обоснование основного принципа гуманитарного знания - принципа рассмотрения явлений духовного, культурно-исторического порядка из «точки конкретного жизнеединства»). Ситуационный импульс в философии XIX века смог получить свое развитие в рамках философских течений веков XX и XXI. В определенном смысле можно говорить о становлении ситуационно-исторического сознания как составной части духовного самосознания человека современной эпохи. В существующей тенденции к дискретизации историко-культурного континуума заложена существенная опасность чрезмерного дробления, расщепления, потери ориентиров и перспектив. Ситуационный подход обладает в этом смысле определенным дисциплинирующим эффектом, поскольку представляет собой один из способов определения действительного масштаба смыслообразующих доминант и инвариант человеческого бытия, одним из способов соединения частей и фрагментов социокультурного, исторического и духовного целого.

Важнейшие характеристики «ситуационного» дискурса/подхода (прежде всего, в экзистенциалистской его интерпретации):

1. Данный подход постулирует факт нахождения человека в границах исторически определенной ситуации, в рамках которой только и можно рассуждать о мире и человеке.

2. Отстаивается статус первоисторичности личности в ее ситуационном единстве, развивается онтологически-мировоззренческий принцип «из личностной точки»: вектор рассмотрения духовных, культурных, исторических феноменов прочерчивается из нее, при этом данные феномены обретают этический масштаб.

3. Ситуация рассматривается не столько как естественноисторическая, сколько как смысловая действительность. Единство смысловых связей скрепляет фрагментарные ситуации в исторический универсум. Именно это смысловое отношение расширяет границы ситуации.

4. Используется драматический оттенок значения термина «ситуация» - «ситуация-сцена». Это позволяет внести трагико-драматический, персонажный ракурс в размышления о бытии человека в мире, выстраивать типологию личностных ролей (не столько социального, сколько поведенческого,

экзистенциального уровня): роль-трагедия - роль фарс, принудительная роль - роль-миссия, роль-призвание.

5. Проблематика «человек - мир» рассматривается, прежде всего, в контексте отношения между ними. Анализу подвергается не столько сам человек и не столько сам мир в субстратных своих характеристиках. Внимание сосредотачивается на характере связи человека и объемлющего, на «сфере Между». Происходит обращение к месту, «звену» включения человека в бытийно-исторические связи.

6. Обосновывается допущение, что этимологическая близость терминов «ситуация» и «этика» не случайна и чревата неожиданными смыслами. («Ситуация» - местоположение, видоположение, «этика», «этос» - от греч. местопребывания, место обитания, людское жилище). Восстанавливается изначальный, «топосный» смысл этического. Ситуация здесь предстает как пространство, локус человеческого поступка.

7. Особый акцент делается на обращение к «пограничным ситуациям». Подчеркивается, что факт присутствия угрозы физической, моральной гибели не делает ситуацию «пограничной». Только когда человек в кризисных, предельных условиях открывает для себя трансцендентный мир, только когда сквозь предметное просвечивает иной план бытия - "экзистенция", т.е. ноуменальный мир человеческой свободы и самости, внеположенной всему предметному, только тогда ситуация становится «пограничной».

Учет этого далеко не полного перечня характеристик ситуационного дискурса/подхода, естественно, не гарантирует того, что мы в своих глобальных и персонцентричных «размышлизмах» о судьбах мира, истории, человечества избежим указанных опасностей и рисков интеллектуальной моды или седиментации смыслов. Они лишь задают ориентиры.

Список использованной литературы:

1. Голубович И. В., Петриковская Е. С., Тихомирова Ф. А. Проблемы современной антропологии. Ч.1. Самоопределение современной антропологии. Структура антропологического знания. Учебное пособие (для студентов философских факультетов). Одесса: «Акватория», 2015. 132 с.
2. Голубович И. В. Методологические проблемы ситуационного подхода и его применение в современных гуманитарных исследованиях. Дис...канд. филос.н. Специальность: 09.00.03 - социальная философия и философия истории. Одесса: Южноукраинский государственный педагогический университет имени К. Ушинского, 1997. 203 с.
3. Волкова В., Болотов Э. Памяти Л. С. Болотовой // Прикладная математика / Journal of Applied Mathematics. 2016. № 6(60). С.128.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР СОЗНАНИЯ

Рене Декарт объяснял, что я могу сомневаться во всем, но не могу сомневаться, что я сознательное существо. Феноменологический взгляд на сознание сводится к постижению его сущностных черт в «практике наблюдения и описания содержания элементов опыта - так, как они поступают в сознание». [2; 78] Сознание и его содержание не идентичны. Содержание моего сознания может быть иллюзорным, но пока мое сознание существует, должно быть что-то существующее отдельно от моего сознания. Следовательно, должно быть какое-то содержание опыта, хотя оно может быть представлено иллюзорным образом.

Сознание - это реальное явление, и потому что оно реальное явление, оно непревратимое. Поскольку, сознание имеет первичное лицо или субъективную онтологию, следовательно, не может быть сведено к чему-либо, что является третьим лицом, или объективной онтологией.

Сознание человека обладает такими особенностями, как квалиа и интенциональность; квалиа представляет сознательное осознание, субъективность или феноменальность, тогда как интенциональность представляет понимание или объектную направленность. Сам термин «интенциональность» был введен Францем Brentano для того, чтобы различать психические и физические состояния. Согласно его концепции «интенциональность» связана с направленностью или оговоркой психических состояний - тем фактом, что, например, мышление не о чем или мышление о чем-то. Интенциональность включает в себя и иногда воспринимается как эквивалент того, что называется «ментальная репрезентация» [1; 17-19].

Понимание же природы сознания опосредованно объяснением феномена интенциональности. А интенциональность же, как направленность сознания по отношению к объекту может быть только сознательность по своей форме. В концепции Джона Серля, ментальное состояние сознания - есть биологическая (физическая) характеристика мозга. Убеждения, желания и прочее всегда чьи-то, принадлежащие кому-то (даже тогда, когда их не понимают) [3; 48-52]. Дж. Сель подчеркивает, что интенциональные состояния такие как, значение, понимание, интерпретации, убеждения и желания имеют место в пределах фоновых способностей, которые сами по себе не являются интенциональными. Таким образом, интенциональные состояния функционируют не автономно, а в рамках некоторой сети других состояний. Но даже такая сеть невозможна без поддержки фоновых способностей. Среди таких способностей есть способности, порождающие другие состояния сознания; это биологические и культурные факты о человеке.

Интенциональные состояния, согласно Дж. Серлю, всегда имеют «аспектуальный» характер, то есть представляют вещь «как-то», под определенным углом или в соотношении с какой-то категорией.

Аспектуальность представляется как до-лингвистическая структура, укорененная на уровне функционирования сознания (как естественная избирательность сознания). Любые сознательные акты - это «чи-то» акты, имеющие неэлиминируемую субъективность, которая накладывает свой отпечаток на воспринимаемую картину мира. Уделять внимание перспективному характеру сознательного опыта - это хороший способ напомнить себе о том, что любая интенциональность аспектуальна. Например, «видение предмета с некоторой точки зрения есть видение в одних аспектах, но не в других» [3; 131]. Интенциональность здесь понимается определенной формой внутреннего опыта. Кроме того, любое интернациональное состояние, - утверждает Дж. Серль, - имеет интенциональный смысл и психологический модус [3; 139]. Сначала психологическими модусами является восприятие и намерение, но в классификационных целях, в качестве базовых модусов лучше рассматривать их производные формы - убеждение и желание, «и во многих случаях интенциональность таких состояний может быть объяснена любыми убеждениями и желаниями» [3; 135].

Фактически Джон Серль утверждает позицию невозможности редукции интенциональных актов к чему-либо за пределами внутреннего мира сознания.

Список использованной литературы:

1. Brentano F. Die vier Phasen Der Philosophie und ihr augenblicklichen Stand – Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1926. – P. 3–35.
2. Searle J. R. The Rediscovery of the Mind. MIT Press, USA, 1992. – 286 p.
3. Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1983. – 278 p.

«ЗАБОТА О СЕБЕ»: НОВЫЕ РАКУРСЫ АНАЛИЗА

Обращение к концепту «забота о себе» в настоящее время является достаточно распространенным. Можно выделить целый ряд диссертационных исследований, в которых этот концепт рассматривается с разных точек зрения. Главная цель данного исследования и заключается в выявлении этих точек зрения, обнаружении и прояснении специфических ракурсов анализа «заботы о себе».

В диссертации «Историко-философский анализ феномена «заботы о себе» (Соловьев А.Е., 2006) автор задался целью проанализировать феномен «заботы о себе» как особый способ «философского существования». Философия при этом выступает своеобразным набором инструментов, направленных на изменение собственного бытия.

Автор выделяет для себя следующие задачи: исследование историко-философского анализа феномена «заботы о себе» в контексте античной, средневековой (раннехристианской) и современной философии, а также проведение сравнительного анализа различных вариантов толкования концепта «забота о себе» на примере стоицизма, различных форм христианства, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и экзистенциальной терапии.

Фундаментом рассматриваемого исследования являются труды признанных специалистов в области истории античной, средневековой и современной западной философии П. Адо, А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Особое место в выборе современных интеллектуальных ориентиров отдано идеям С.С. Хоружего (метод антропологического размыкания). Для прояснения различий между аскетическими установками языческой и христианской аскезы использованы работы С.С. Аверинцева и П.П. Гайденко.

Особое место в рассматриваемой диссертации уделено пониманию «заботы о себе» в философии М. Хайдеггера.

Научная новизна проведенного исследования заключена в реконструкции феномена «забота о себе» в рамках стоицизма и христианства, фиксации внимания на развитие темы «спасения».

Помимо этого автор затрагивает проблему связи протестантизма со светской психотерапией. Именно эта связь, с точки зрения исследователя, обусловила факт стирания («забывания») христианского смысла «заботы о себе», основанной на фундаменте «спасения», понимаемой как акт предопределения в Божественном сознании без участия человеческой воли. На смену этой установки пришла «терапия», понимаемая как преодоление различных «душевных расстройств». В результате тщательного анализа трактата М. Хайдеггера «Бытие и время» подчеркивается мысль о том, что всякий экзистенциальный анализ и вырастающая на его почве терапевтическая практика предстают как путь удаления от бытия человека к его экзистенциальным состояниям.

В диссертационном исследовании «Тело как социокультурный продукт»

(Макаров А.В., 2003) внимание сосредотачивается, в первую очередь, на изменении точек зрения на «тело» в историко-философской и культурной среде.

Автор считает тело фундаментальной философской и научной проблемой, отличающейся многогранностью с учетом различных эпох.

Указывается на междисциплинарное поле рассмотрения этой проблемы на стыке философии, медицины, социологии, культурологии, экологии.

Из трудов современных западных философов, для которых тема тела и телесности является фундаментальной, выделяются уже ставшие современной классикой работы Мишеля Фуко.

В историко-философском ракурсе анализа среди многообразий значений понятия «тело», внимание обращено на взгляды античных авторов - Сократа, Аристотеля, Платона, Марка Аврелия и др., представителей немецкой классической философии – И. Канта, Ф. Шеллинга.

Для выстраивания религиозно-философского дискурса о теле используется библейская традиция, тексты Св. Иоанна Златоуста, Бл. Августина, Фомы Аквинского.

Основными источниками психологического анализа телесности стали работы таких классиков психологической науки, как З. Фрейд, К. Юнг.

Главным результатом данного исследования стала экспликация тела как социокультурного объекта, требующего «заботы о себе». Помимо этого автор обосновывает междисциплинарность подхода к телу как социокультурному феномену.

В докторском исследовании «Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики» (Пичугина В.К., 2013) автор в педагогическом ракурсе переосмысливает феномен «заботы о себе». Рассматривает образовательные стратегии, принятые в педагогике разных эпох, способствующие воспитанию у человека ответственного отношения к собственному становлению. Прослеживает зарождение понимания образования как воспитания готовности и потребности человека заботиться о самом себе.

Актуализируется тема важности поиска путей и способов решения проблем, стоящих перед современным человеком, ключевыми источниками здесь выступают взгляды М. Фуко и Пьера Адо.

Рассматривая представления о заботящемся о себе человеке в разных культурах и эпохах, автор также ссылается на соответствующие взгляды М. Хайдеггера.

Научная новизна исследования заключается в комплексном историко-педагогическом исследовании феномена «заботы о себе». Реконструирован процесс развития антропологического дискурса «заботы о себе» и обоснована логика исторического развития содержания и форм педагогической деятельности в эпохах. Автор систематизировал этапы развития дискурса «забота о себе» на основе представлений античных мыслителей. Уточнен и дополнен характер отношений между наставником и учеником в древнегреческой и древнеримской педагогических традициях.

Проанализировав представленные источники, следует заключить, что в

настоящее время тема «заботы о себе» обретает междисциплинарное звучание и всплеск научного интереса к ней неоспорим. Позиции авторов, исследующих тему «заботы о себе» рознятся как по ракурсу исследования (историко-философский, историко-педагогический), так и по уровню отрефлексированности. Следует отметить, что все авторы сходятся в значимости глубокого изучения дискурса «заботы о себе», непрерывно развивающегося, обретающего все новые и новые тематические повороты.

Список использованной литературы:

1. Соловьев А. Е. Историко-философский анализ феномена "заботы о себе": дис. канд. филос. наук: 09.00.03 / Соловьев А. Е. – Ростов-на-Дону, 2006. – 160 с.
2. Макаров А. В. Тело как социокультурный продукт: дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / Макаров А. В. – Москва, 2003. – 180 с.
3. Пичугина В. К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики: дис. докт. пед. наук: 13.00.01 / Пичугина В. К. – Волгоград, 2013. – 363 с.

**ІНСТИТУТ ФІЛОСОФІЇ З ФІЛОСОФІЄЮ У ДУЖКАХ
(СПОГАДИ КОЛИШНЬОГО АСПІРАНТА)**

Звернутись до проблеми специфіки позанаукових відносин всередині такої наукової спільноти, як Інститут філософії НАН України імені Г. Сковороди, мене спонукала концептуальна задумка професора Одеського університету Лідії Богатої, котра, відштовхуючись від низки брендів робіт на цю тему, передусім – праці Рендела Коллінза «Соціологія філософії: глобальна теорія інтелектуальної зміни», запропонувала колегам розглянути під цим кутом зору українські філософські співтовариства. Нажаль, за об'єктивними обставинами я не встиг надати роботу до збірки у визначені терміни, котра вже вийшла п'ятим числом електронного часопису «ПЕРЕ-ПОСТ». Тим не менш, мені хотілось би донести до колег власні, зрозуміло, суто суб'єктивні міркування з даного предмету на підставі спостережень за життям інститутської спільноти під час декількох двомісячних стажувань та навчання в очній аспірантурі у 1976-1979 роках у складі колективу Інституту, котрий започаткував славетну Київську філософську школу, а також під час участі у його наукових заходах. Позитивний досвід публікацій подібного типу вже є; це, зокрема – передрукований у тому ж «ПЕРЕ-ПОСТІ» мемуар Арнольда Цофнаса про системний семінар Авеніра Уймова. Хотілося б відразу попередити, що відносини з усіма згаданими тут і незгаданими співробітниками Інституту в мене завжди були добрими, не дивлячись на те, якими вони були між ними самими, і всі мої інститутські колеги є для мене однаково дорогими.

Що стосується Р. Коллінза, то його робота мала для мене значення лише тільки певного спонукального поштовху, і жоден з тих напрямків, котрих він розглядав у своїй праці – кристалізація дослідницьких груп та пошук організаційних основ інтелектуальних ритуалів, суперечки між групами, обмін культурним капіталом і емоційною енергією, формування інтелектуальних позицій, змагання за простір уваги, розділення та об'єднання, запозичення і поширення своїх ідей, коментування класиків, переживання розквіту творчості та творчого застою, утворення інтелектуальної мережі (особисті знайомства), завоювання інтелектуальних репутацій тощо, мною на прикладі колективу Інституту не було розвинуто, оскільки такої задачі в межах даної статті я і не ставив. Нижче мова піде лише про вертикальні та горизонтальні стосунки у колективі Інституту та певні ритуальні форми життя колективу, що мали в ньому місце за тих часів. При цьому про власне філософські дослідження у даній статті не говоритиметься, тобто, мова піде про філософів при укладенні самої філософії у дужки. Одночасно, мірою своїх скромних можливостей, я спробую порівняти тодішні і теперішні особливості вказаних явищ у колективі з тим, щоб зафіксувати певну динаміку їхніх трансформацій.

Горизонтальні стосунки (колега-колега)

У цілому за мого аспірантства загальна атмосфера у колективі Інституту

після копнінської «санації» його морального клімату та консолідації колективу В. Шинкаруком у цілому була нормальною, хоча за деякими вторинними ознаками не все було так просто. Але на мої часи серед колег склалася така обстановка, коли, принаймні, ззовні, стосунки між ними були чи не дружніми. Пізніше, коли ця іділія закінчилась, і негативні моменти у відносинах колег стали достатньо явними, Сергій Васильєв з відділу М. Поповича на мої згадки з присмаком жалю про те, як добре ще не так давно всі ладили одне з одним, сказав, що такі відносини є досить рідкісним явищем, котре буває «не всегда, не везде, и недолго».

Не в останню чергу напруженість у колектив внесла постанова академічних начальників, за якою кожного року інститути мали скорочувати по п'ять відсотків своїх наукових кадрів. І як В. Шинкарук не хитрив, звільняючи під це розпорядження прибиральниць та допоміжний персонал, очевидно, що під цю хвилю попали й деякі наукові кадри, що, безумовно, нормальній атмосфері у колективі не сприяло. Той же Сергій Васильєв з цього приводу зауважував напівжартівливо, що під скорочення попадали переважно ті, хто починав інтригувати й вибудовувати складні схеми з тим, щоб не бути звільненим, тоді як ті, хто взагалі цим не особливо переймався, такої участі уникали. Абсурдність ситуації полягала у тому, що за такими темпами зміни науковців максимальна кількість років праці в інститутах дорівнювала б двадцяти рокам, і людей, які протримались «до останнього», треба було звільняти як раз тоді, коли вони досягали свого «акме», тобто, віку приблизно у 44 роки, у самий розквіт творчих та життєвих сил, а інших – ще раніше.

Втім, я застав ще такі добрі відносини колег, які, вочевидь, певний час зберігалися після переїзду Інституту з вулиці Грушевського, 4 (там і донині розміщуються деякі інститути НАН України) до будинку на вулиці Трьохсвятительській, 4 («Жертв», а потім Героїв революції – влада, мабуть, збагнула, що до жертв революції можна віднести мільйони загиблих від червоного терору). Це був колишній гуртожиток філософського факультету університету, де за часів навчання мешкали багато хто з співробітників Інституту старшого покоління. Колись на черговому «симпозіумі» я, вказуючи на замуровані отвори дверей, нагадав присутнім, бо не всі знали, звідки у стінах цієї великої кімнати стільки ніш – там колись були двері кімнат гуртожитку, і Мирослав Попович почав згадувати, де саме він сам мешкав.

За часів мого навчання в університеті у будівлі розмістили студентську поліклініку, і тепер до згадок про те, що десь на четвертому та п'ятому поверхах жили мої батько та мати, додалися згадки про відвідуваний мною кабінет лікаря, який був там, де згодом зробили бібліотеку. Після ремонту міжкімнатні стіни розібрали, поміняли сходи у вестибюлі (раніше були напівкруглі з кам'яними парапетами – я їх ще застав), встановили ліфти, обладнали бібліотеку з читальним залом (де аспірантами та здобувачами складалися кандидатські іспити, а потім, попри постійні офіційні заборони, накривались бенкетні столи після захистів), вже згаданий зал засідань з високими стелями (знявши в ньому перекриття між четвертим та п'ятим поверхами) та їдальню на першому поверсі

тощо.

До речі, на перший рік моєї аспірантури облаштування Інституту ще не було завершено остаточно, і знову відкрито їдальню та її підвальні приміщення, де колись за картками голодного 1947 року отримували пів-тарілки гарячої води з декількома щіпками крупи мої батьки, треба було добре прибрати, і ми, аспіранти, під керівництвом Володимира Кузнецова, це зробили. Потім Кузнецов доповів про виконану роботу В. Шинкаруку з персональними оцінками. «Супершеф» на цій підставі, розповідав Володя, зробив висновок, хто, зрештою, подасть дисертацію в строк, а хто – ні. «Людину по роботі видно» – підсумував він. Оскільки я там руками, без швабри, підлогу під снобістські зауваження деяких товаришів-ледарів вимив, і повиносив з підвалу силу-силенну всякого іржавого непотребу, відхаркуючись потім брунастим пилом протягом всього часу колективного відмічання успішного закінчення роботи, то ці слова мене, у підсумку, надихнули.

Так ось, до того, як Інститут усю цю розкіш отримав, співробітники за відсутністю достатньої кількості кімнат на Грушевського, та, відповідно, «робочого місця» у вигляді стола та стільця мали таким робочим місцем курилку (втім, як у всіх радянських НДІ), де завжди було насправді весело. Якщо додати притаманну радянським людям дещо хворобливу ейфорію, котра слугувала захисною реакцією-компенсацією на загальний пригнічений масовий соціально-психологічний настрій, то зустрічі у коридорах під радісні вигуки, так, начебто зустрілися два родича, що не бачились сто років, постійний сміх, «приколи», анекдоти не виглядають чимось дивним.

Особливо відзначався у цьому плані Сергій Кримський, відомий «хохмач», який міг (я цьому його оповіданню, чесно кажучи, не дуже повірив) і дроти під напругою у пісуар підвести, і до секретарки, що у відсутність директора дозволяла собі спати на роботі, під ковдру на дивані у прийомній роздягненим стрибнути (про це написано у книзі про нього Тетяни Чайки). Теперішні коридори Інституту мовчать академічною витриманістю, і мені важко уявити, щоб хтось із співробітників міг зараз напівбігти коридором, як Віталія Табачковський, голосно вигукуючи кінцівку богохульського анекдоту про художника, котрий подав на конкурс картину «Мадонна з немовлятком», а комісія порадила йому «младенцу сбрить усы и надеть трусы». «Это же жызн! Жызн!» – зі сміхом кричав Віталій відповідь митця.

***

Що стосується «підводних течій» вказаного «доброго» періоду, то я можу говорити про наявність прихованих недружніх стосунків на підставі того, що досить поширеним явищем були доноси до Вищої атестаційної комісії, котра на той час була у Москві, на тих співробітників, котрі щойно захистили докторську дисертацію. Так, «затвердження» Вілену Горському надійшло аж за рік, Михайло Булатов взагалі чекав хоча б негативного рішення ВАКУ з десяток років (таке рішення дозволило йому піти на повторний захист) і через це він, переконано непитуший, почав вже приєднуватися до традиційних в Інституті дружніх пиятик та «водіння кози» (послідовного переміщення компанії від

однієї «наливайки» до іншої). За розповідями, новоспечені доктори вигадали навіть спосіб, як можна було б уникати таких ситуацій – документи після захисту дозволялося оформлювати цілий рік, цим і користались, сподіваючись, що анонімка прийде до ВАКу раніше за дисертаційну справу, там перевірять, переконуються, що такої роботи до них не поступало, і забудуть про донос. Так, кажуть, Вілен Черноволенко відіслав свої документи саме за рік після захисту.

Не буду грішити і когось конкретно підозрювати, але скоріше за все це робили представники старої «острянінської гвардії», які не змірилися з тим, що колектив Інституту спромігся змусити компартійне керівництво змінити його директора, попри те, що той з цим керівництвом мав дуже тісні стосунки і фактично замість Інституту філософії створив «науково-комуністичний» підрозділ ідеологічного відділу ЦК КПУ. Побіжно на це вказує те, що одна з причин, чому на місце Данили Остряніна призначили Павла Копніна, полягала у тому, що, як згадує заступник директора Інституту П. Йолон, за старого директора в Інституті панувала нездорова атмосфера, процвітало інтриганство та виказування (Філософ. думка, 2009, № 3). Навряд чи ці люди за нового директора змінилися і, вочевидь, продовжували займатися кляузництвом та нашіптуванням.

Що стосується написання докторських дисертацій, то тоді їхні захисти раніше «акме», м'яко кажучи, не віталися. Загальноприйнятною була думка, що «докторська» має бути написана цілком зрілим ученим з «іменем» у наукових колах, містити багатолітній досвід досліджень та, обов'язково, мати концептуальний зміст. Такими й були роботи всіх провідних співробітників Інституту. Безумовно, це добре, що зараз молодий філософ, якому насправді є що сказати, може без проблем оформити свої наукові здобутки у вигляді докторської дисертації та без формальних перешкод захиститися. Це не значить, що отримання докторського ступеня зараз стало легкою справою – знаю приклади, коли дуже непогані роботи затверджувались дуже довго, а самі пошукувачі не раз викликалися на співбесіду до ДАКу. Однак – суджу з досвіду члена спеціалізованої ради університету – на захист докторських дисертацій іноді виходять ті, метою яких є лише отримання кар'єрної регалії, тоді як їхні роботи становлять собою, у кращому випадку, компілятивні дослідження, трішки глибші за кандидатські, без концептуального ядра та з досить сумнівною новизною та оригінальністю отриманих результатів, в яких немає не те що вирішення крупної наукової проблеми, як це вимагається, а навіть її постановки, а самі ці здобувачі найвищого наукового ступеня як не були відомі філософському загалу до захисту, так і залишаються у науковій безвісті й після нього.

Немислимим було за старих часів й таке явище, як офіційна та неофіційна оплата захисту. З мене самого в Інституті у 2010 році як оплату роботи членів ради стягнули вісім тисяч гривень (в одеській раді я як її член ніяких грошових винагород ніколи не отримував), і навіть М. Попович, до якого я звернувся з тим зауваженням, що я працюю в установі однієї з Інститутом відомчої приналежності – Національній академії наук, і через це не маю нічого

сплачувати, попри своє бажання, скасувати цю оплату не зміг – такими стали «правила гри». Неофіційні ж платежі у деяких спеціалізованих радах (це не стосується Інституту) є такими, що дисертанти на запитання, чому вони у тій раді не захищалися, відповідають, що просто не змогли «потягнути» захист там фінансово.

Нечуваним тоді було й таке доволі поширене у деяких вишах ганебне явища, як написання дисертації за самого здобувача за гроші або її платна глибока редакційна доробка, хоча прямих доказів цьому немає, оскільки у розголосі не зацікавлений передусім сам «дисертант», тому що у такому випадку присудження наукового ступеня скасують. Вкрай негативним наслідком цього є те, що пошукувач наукового ступеня, за котрого було за винагороду написано роботу, не проходить горнило творчого становлення, не отримує навичок наукового дослідження, що, у підсумку, знижує загальний кваліфікаційний рівень українського науковця. До того ж, ці негативні процеси акумулюються, і коли такий нездатний до самостійної роботи кандидат чи доктор наук сам стає науковим керівником аспірантів чи здобувачів, він внаслідок власної невідповідності нічого корисного дати їм не може, через що рівень наших науковців знижується ще більше.

***

Якщо ж говорити про стосунки між відділами Інституту, то прямого суперництва між ними з причини різних напрямків наукової діяльності не було, хіба що мали місце деякі «підколи» у межах абсолютно дружнього ставлення один до одного. Приміром, Олександр Яценко не без декотрого іронічного скепсису говорив про відділ М. Поповича, що вони там в себе на дошці «якісь крючечки малюють». Дійсно, співробітники відділу годинами записували ланцюжки «крючечків», не знаючи заздалегідь, куди вони їх приведуть – як тепер бачу св. пам. Анатолія Ішмуратова, котрий у великій задумливості стоїть біля цієї дошки з крейдою у руці. До речі, Костя Жоль за цими заняттями колись невільно підтвердив, що Авенір Уйюмов був більше метафізиком, ніж логіком, зауваживши, що для нього формальні записи логічних викладок слугують радше за ілюстрацію вже сформованої думки, ніж працюють інструментарієм евристичного дослідження.

У свою чергу, Мирослав Попович у гумористичній стінній газеті колись намалював себе у красивих чобітках, тоді як Олександр Яценко, зображений поруч, був у лаптях. Взагалі, гумористична стінна преса в Інституті появилася, як я думаю не без гордості, після того, як на одному Всесоюзному симпозіумі у Києві, де академік з сімома класами освіти Б. Мітін довго гундосив собі під ніс доповідь про «сфери впливу ССРСР», я вивісив саморобну стінну газету. Невдовзі здійнявся галас, почали шукати, хто до такого вільнодумства дійшов, і я, довго не опираючись, у цьому зізнався, хоча потім жалкував про скоєне з причини того, що цеківську «взбучку» отримав не я, а директор Інституту – мені просто виразно сказали, що такі речі слід узгоджувати з організаторами симпозіуму (за таких умов ніхто б цю газету не побачив).

Серед матеріалів газети був і такий: кадр з італійського фільму за участю

Мастрояні, котрий напівголий лежать у ліжку та обнімає так само не до кінця одягнену (чи роздягнену?) жінку. «Редакція» газети просила колектив Інститут пояснити, що саме тут зображено, і Інститут начебто доручив відповіді на це питанні Вадиму Іванову. Той написав, що на фото зображена «телесно данная проблемная ситуация, чреватая человеческим исходом». Все б було б нічого, але далі йшло посилання на цілком реальну книгу Вадима Петровича «Человеческая деятельность – познание – искусство» (1977) з точною вказівкою на сторінку цитати, здається, 51-шу. Потім Його Величність Контекст я бачив у багатьох гумористичних стінгазетах, котрі аналогічним чином інтерпретували цитати з текстів співробітників Інституту. Редактор цих газет Наталя Вяткіна на моє запитання чи не можливо якимось їх знову вивісити в Інститут на сторічний ювілей Національної академії наук України з жалем відповіла, що вони, котрі десятиліттями зберігалися десь у господарській кімнаті, нещодавно, буквально рік тому, були бездумно знищені якоюсь недолугою технічною працівницею Інституту. А це ж була історія, жива та дотепна історія Інституту!

Вертикальні стосунки (директор - співробітники)

На час мого вступу до аспірантури у 1976 році Володимир Іларіонович Шинкарук вже достатньо ствердився у колективі, який, зрештою, прийняв і його самого, і його концепцію розвитку досліджень в Інституті, котра за своїми результатами отримала назву Київської школи філософії, хоча на перших порах, як розповідають, до нього на аудієнцію було відряджено трьох провідних співробітників – В. Мазепу, В. Горського та В. Черноволенка, котрі, висловивши пошану йому як дуже доброму декану філософського факультету університету – з цієї посади у 1968 році він пішов на директорство – все ж таки висловили сумнів у тому, що керівництво Інститутом буде йому по силам. Колектив Інституту, маючи досвід усунення директора Д. Остряніна, бажав більшого – самому обирати того, хто його очолить. На цьому місці більшість співробітників бачила М. Поповича (котрий, зрештою, майже одностайно обраний, директорував після В. Шинкарука зі два десятка років). У цьому нічого поганого немає, і теперішнього директора після смерті Мирослава Володимировича в 2018 році – Анатолія Єрмоленка – у сильній конкурентній боротьбі з Євгеном Бистрицьким вже обирали цілком демократичним шляхом. Але на ті часи таких прав у колективу не було, все вирішувалось у ЦК Компартії України і, можливо, в особі В. Шинкарука спочатку бачили ставленника партійних органів.

Втім, конкретні кроки нового директора усі сумніви розвіяли, Інститут став на шлях розробки оригінального та перспективного напрямку, котрий корінням своїм сягав давньої української філософсько-світоглядної традиції, більшість його співробітників радо до цієї розробки у своїх працях залучилась, і авторами чи не найкращих з них були згадані вище три доктори наук.

Мені невідомо, які після їхнього, доволі, я думаю, неприємного для нового директора візиту, у нього склалися відносини з цими делегатами колективу, але ніяких проявів їхнього утиску чи переслідування не було точно. Що стосується відносин В. Шинкарука з М. Поповичем, то і тут ніяких очевидних проявів якоїсь неприязні між ними я не помічав, хіба що часом чув, як під час вечері в

їхній гостинній родині дружина В. Шинкарука Галина Феодосіївна іноді, дуже по-доброму, «подтрунивала» з якогось приводу над паном Мирославом. Але про те, що стосунки ці були непрості, говорить той факт, що коли я після поради Мирослава Володимировича змінив назву дисертації та дарував йому видану за нею монографію, він, відкривши її і побачивши на сторінці за титулом фото Галині Феодосіївни та Володимира Іларіоновича (частина спільного з ними фото мене та св. пам. моєї Світлани на сходах одеського Оперного театру під час відвідувань Шинкаруками нашого міста), він невільно здригнувся, наче його блискавка пробила.

Втім, якась внутрішня опозиція та несприйняття ключових ідей В. Шинкарука в Інституті існувала, і не тільки серед старих, ще острянїнських часів, співробітників, завдяки доносам яких у компартійні органи постійно виникала загроза не тільки зняття з посади В. Шинкарука, але й самому існуванню «ревізійністського» Інституту. Коли я на черговому сабантуї в Інституті підняв тост чи то за душевність, чи то за людяність, то молода тоді Ірина Бекешкіна зі скепсисом його прокоментувала: «Ты б еще за Веру, Надежду и Любовь предложил выпить!» «Оці три», про яких говорив апостол Павло, були вперше введені у сучасні вітчизняні філософські дослідження людини саме В. Шинкаруком, і ця репліка, по суті, виглядала явним закидом у його бік. Були, як це видно з наведеної вище історії з опублікуванням моєї статті, й невиконання підлеглими прямих розпоряджень директора.

Проте у цілому в Інституті склався колектив одностайців, коли вперше за радянського існування нашої філософії людина перестала бути розчиненим у «трудящих масах» безликим «будівником комунізму», а постала як неповторна особистість, сповнена печалю, екзистенційних страхів, переживань, високих на низьких почуттів, емоцій та унікальної пам'яті. Наскільки незвичною був такий підхід та відповідний «екзистенціальний тезаурус» Київської школи, засвідчує той подив, з яким добрий приятель П. Гайденко ректор Одеського національного економічного університету Михайло Зверяков якось запитав мене: «Ты что, смертью занимаешься?», на що я напівжартівливо відповів: «І безсмертям теж».

За моїх часів ставлення до директора у більшості колективу було не просто шанобливим, а близьким до любові, що, зрештою, як переказують, викликало його зауваження «Я не дівчина, щоб мене любити». Про очі всі звали його не інакше, як «супершеф» (просто шефами були завідувачі відділами), і почуття ці були зовсім щирими. Пам'ятаю, як одного разу вже пізно ввечері В. Шинкарук прийшов до Інституту (можливо, це була його звична щоденна прогулянка довкола Оперного театру після вечері, котру він подовжив до свого місця роботи), де ми з колегою В. Звигляничем чогось затримались. Невідривно дивлячись закоханими очима йому у спину, коли той шов коридором третього поверху, де був і наш відділ, до свого кабінету, на його дороге драпове пальто та широкополу шляпу, Володя, як і я, судячи з усього, теж відчував ту потужну харизматичну енергетику, котру випромінювала постать «супершефа» навіть зі спини. «Мафіозі!» – ні з того, ні з цього бовкнув він зачаровано.

Треба сказати, що один серйозний конфлікт В. Шинкарука із

співробітником, якого було звільнено з посади, але потім через суд відновлено, був. Повернувшись до Інституту, цей клязник з науковим ступенем розпочав широку наклепницьку кампанію проти директора, спромігшись через свої зв'язки надрукувати брудний, абсолютно неправдивий пасквіль у газеті Верховної Ради «Голос України» за підписом її головного редактора Сергія Правденка. Володимир Іларіонович явно переживав з цього приводу і колись в себе вдома абсолютно беззлобно, якимось по-дитячому беззахисно, розповів мені про це. «У Ф. Бекона теж були подібні проблеми – як міг, заспокоював я його – але хто зараз про це пам'ятає!» У відповідь Шинкарук мовчки, тільки з якимось подивом глянув на мене.

Вертикальні стосунки (учитель-ученик)

Слід відразу зазначити, що старші співробітники Інституту на моїй пам'яті по відношенню до молодших ніколи не проявляли ані пихатості, ані зневаги, ані зверхності. Принаймні, у моєму відділі стосунки між старшим та молодшим поколіннями в особистісному плані не мали жодної ознаки формалізму та адміністративної дистанції. Попри вкрай гострі зауваження при обговоренні розділів планових тем, дисертацій або статей ставлення до авторів тих ще слабеньких робіт було вкрай доброзичливим.

Щоправда, переживаючи «творчі муки» молоді вчені й самі добре розуміли, що не все в них виходить так, як треба. Мій сокурсник св. пам. Петро Мовчан, котрий поступав до аспірантури у той самий рік, що і я, говорив про свій реферат з попередньо обраної теми дисертації, котрого треба було подати до приймальної комісії так: «Пишеш, пишеш, начебто нормально, наступного дня перечитаєш, і думаєш – що це ти таке написав!» Я від свого реферату мав такі ж самі почуття. Через те коли ти віддавав свою вимучену працю старшому товаришу (а він її, як тепер не дивно, читав, і читав уважно), то очікував не тільки зауважень по суті справи, але й у додаток, й прояву ставлення до тебе як до творчої нездари. Одначе, попри наявність очевидних недоліків, наші вчителі після суцільного, як нам видавалось, «розгрому», заспокоювали нас: «Нічого, не переживай, ми всі колись вчилися писати наукові роботи, і ти навчишся» (Олександр Яценко).

Подібне ставлення до науковців-початківців прививалося й тим молодим вченим, котрі вже отримали досвід філософських досліджень. Так, трішки старший за мене Костя Жоль, розпитавши мене про суть того, що я хотів досягти у своїй дисертації (приблизно так Мирослав Попович питав мене на приймальній комісії – «А тепер у двох словах – що саме ти хотів сказати у своєму рефераті?»), написав для мене план моєї роботи, який настільки добре відповідав моєму власному задуму, що моєму захопленню не було кінця, і я носився з тим клаптиком паперу з надрукованими на машинці словами як з великою цінністю, всюди її показуючи, навіть друзям в Ізмаїлі, та часто перечитуючи. Коли я висловив Жолю найщирішу подяку та зізнання у тому, що я б так ніколи не сформулював назви розділів та підрозділів, Костянтин заспокоїв мене словами: «Нічого, і ти навчишся так писати». І хоча свою дисертацію я написав за іншим, власним планом, такі уроки творчості та

фаховості, котрі полягали у напученні на самостійну вдумливу роботу, у заклик «Прагни, і в тебе все вийде добре» мали безпосередній позитивний вплив на остаточний результат.

Мій науковий керівник Володимир Шинкарук усно мені взагалі ніколи особливих зауважень не робив, а лише писав на полях сторінок, відокремивши «ляли» хвилястою лінією: «Думай, що пишеш!» Така установка поруч з усім іншим викликала в мене почуття особистої відповідальності, котре подвоювалось ще й тому, що моїм науковим керівником був директор Інституту, а за невчасно виконану роботу аспіранта на всіх радах років п'ять згадували не його, а його керівника, і тому я навіть в думках не міг цього допустити – дисертацію треба було дати за будь-що, хоч «кров з носу». Останнє мало місце у буквальному сенсі, коли на мій великий зошит-конспект під час роботи у бібліотеці Академії наук біля Червоного корпусу з носа почала крапати кров, а мій вигляд під час обговорення роботи наприкінці другого року навчання у кабінеті В. Шинкарука викликав у нього запитання: «Чого це ти так змарнів?» Після цього, не дивлячись на мій опір, оскільки я вважав, що дисертацію треба ще довго «шліфувати», Володимир Іларіонович розпорядився «йти на відділ» з рекомендацією на захист. Зрештою, таким чином «стимульований», я подав роботу вчасно, за що отримав законну місячну відпустку та додаткову аспірантську стипендію.

Вийшла, вона, судячи з усього, непоганою, оскільки за її матеріалами було видано першу мою індивідуальну монографію (Категорія активність: світоглядні і методологічні функції. – К.: Наукова думка, 1985). Її видання ініціював сам В.І. Шинкарук, що далось йому не так просто – листаж у видавництві академії наук був строго лімітований, а це значить, що хтось із працівників Інституту філософії недоотримав «свої» вісім друкованих аркушів. Тому деякі колеги з відділу, ясна річ, були проти, і сперечалися з «супершефом». Це – ще один епізод з приводу того, як вчителі допомагали своїм учням. А монографія ця стала у нагоді багатьом дослідникам проблеми активності – принаймні, вона є другою за рейтингом цитувань (54 цитування, перше місце посідає монографія про міф - 74).

Допомогла мені у написанні дисертації й молода співробітниця нашого відділу, одеситка Валя Хорошилова. Концептуалізація була і є обов'язковою попередньою умовою всіх тематичних напрямків у підрозділах Інституту, включно з плановими темами, із затвердженням планів-перспектив розробки кожного з них, і у цьому сенсі з часів моєї аспірантури у відділі нічого не змінилось – нещодавно я сам подавав до засідання (вже відділу філософської антропології) план-перспект власного бачення своєї частини планової теми. При обговоренні концепції моєї роботи Валентина висловила одну цікаву концептуальну ідею, і В. Шинкарук тут же її підтримав, порадивши мені використати цю ідею при написанні дисертації, що я і зробив, надрукувавши попередньо у її розвиток статтю у «Філософській думці». І в цьому проявилось ще одна особливість вертикальних відносин в Інституті, коли до молодших ставилися не як до «вічних» учнів, а як до рівних у науковому плані колег.

Проте, наукова підтримка частіше йшла «зверху вниз». Так, Вілен Черноволенко, один з «піонерів» розробки світоглядно-антропологічного напрямку в Інституті, пояснював своє творче виснаження тим, що всі свої концептуально значущі ідеї він пороздавав аспірантам.

Щоправда, вихід згаданої статті був затьмарений неприємною обставиною. Прочитавши її, В. Шинкарук викликав мене до себе в кабінет і повідомив, що робота нормальна і її можна друкувати. Потім, добре до мене усміхаючись, він попереключав тумблери на своєму телефонному апараті та зв'язався з В. Табачковським, котрий на той час був заступником головного редактора, а по суті – редактором «Думки» і сказав Віталію «Слухай, тут у мене є одна непогана робота (тут він мені підморгнув), прийди візьми її і надрукуй у найближчому номері». За хвилину Табачковський був у кабінеті, взяв статтю і запевнив директора та головного редактора у тому, що все буде виконано.

Минув рік, а стаття все не виходила, потім ще півроку. Ситуація складалася критична – до кінця аспірантури залишались лічені місяці, а необхідних трьох статей в мене ще не було. Це означало неможливість подання вже готової дисертації до захисту і, відповідно, зрив виконання інститутського плану підготовки аспірантів, за що «на вид» могли поставити В. Шинкаруку, ще й двічі – як директору Інституту і як науковому керівнику аспіранта. Сильно нервуючи з цього приводу, я вирішив все ж таки якось підійти до Віталія та запитати, коли ж стаття нарешті вийде. Реакція була істеричною – «Не хапай мене за горло!!!» – кричав він. Я від цього був шокований, і лише розгублено запитав, що невже одне моє звернення до нього за півтори року – це «хапання за горло?» Зрештою, у четвертому, останньому номері за мій випускний 1979 рік, робота побачила світ, але з цього випадку видно, що не всі «учителі» в Інституті допомагали «учням».

Утім, головним моїм «учителем» виступав весь колектив відділу у вигляді опублікованих ним праць. Якщо звернутися до ідей Р. Коллінза, на що особливу увагу звертала Лідія Богата, підкреслюючи у роз'яснювальній записці до свого проекту, що «будь-яке дослідне поле у той чи інший історичний момент маніфестує особливі концепти, конструкти, які виступають в ролі своєрідних параметрів порядку. Дослідники, що входять до відповідного наукове співтовариство, зобов'язані співналаштуватися з цією системою кодування і вибудовувати свої подальші міркування, ґрунтуючись на існуючому термінологічному фундаменті, відштовхуючись від нього». Саме завдяки засвоєнню принципів підходу та входженню у загальний концептуальний контекст, у «дослідницьке поле» відділу та співналаштування з ним моя власна робота, судячи з усього, органічно вписалася у його «мейнстрім», що й дозволило пізніше видати її у вигляді монографії під грифом Інституту за квотою відділу, до якого я ніякого формального відношення вже не мав.

***

Якщо говорити про ставлення молодих співробітників та аспірантів Інституту до своїх старших товаришів, то тут, безумовно, мали місце незаперечна повага до їхньої ерудиції та універсальності філософських знань –

колись я сказав погодку-аспіранту, маючи на увазі розрив у часі: «Ти уявляєш, наскільки більше вони встигли прочитати!» До того ж, Володимир Шинкарук, Мирослав Попович, Сергій Кримський, Вілен Горський, Олександр Яценко, Вадим Іванов та інші були, безсумнівно, харизматичними особистостями. Мої ровесники 1970-тих були талановитою, обдарованою та, у майбутньому, плодovитою філософською молоддю, але ніхто з них, як на мене, не зміг вийти з тіні своїх вчителів настільки яскраво, щоб їх беззаперечно перевершити. Можливо, у відношеннях «батьки – діти» є певні закономірності, коли «батьки» (викладачі) для «дітей» (студентів) залишаються «батьками» назавжди, принаймні, я так і не зміг перейти у спілкуванні з Віталієм Табачковським на «ти», що він сам пояснював мені психологічною дистанцією «викладач-студент» (він вів на нашому курсі семінари за Ігорем Бичко) Сучасні ж молоді філософи, аспіранти або ті, котрі лише щойно отримали формальні регалії фаховості, такого пієтету до старших товаришів переважно вже не мають, і про це з прикрістю часто говорить Інна Голубович.

Наші вчителі могли без попереднього узгодження питань дати інтерв'ю на будь-яку тематику з такими глибокими та водночас зрозумілими для широкої аудиторії відповідями, що вони радше видавалися за попередньо добре продумані теоретичні розвідки і котрі відразу просилися до друку у науковому журналі (колись, подивившись по телебачення одне з таких інтерв'ю з С. Кримським, я йому прямо про це сказав). Я не впевнений також, що хтось з нас, молодших, міг би дати пораду одній студентці Могілянки, котра перед від'їздом до Сорбони запитала М. Поповича, які саме твори і яких саме ще не перекладених сучасних французьких філософів їй було б краще там почитати в оригіналі. Це викликало у метра непідробний захват та впевненість у тому, що у філософії в Україні є майбутнє, що проявилось у неодноразових розповідях про цей випадок.

Причину такої високопрофесійної відповідальності інтелектуальних лідерів я вбачаю у тому, що філософія не була для них обтяжливим виконанням «службових функцій», вони реально жили нею, і мені не зовсім зрозумілим є те протиставлення Віктором Малаховим його покоління, для якого філософія начебто була справою життя, покоління вчителів, яким ця риза начебто не була притаманна (Філосо. думка, 2012, № 5.). Була, і ще як! Цьому в мене є ще одне пояснення. На відміну від «благополучних» молодших товаришів, для яких робота в Інституті філософії була закономірним завершенням їхнього успішного навчання в університеті та, потім, в аспірантурі, старшому поколінню можливість працювати за улюбленим фахом доводилось виборювати.

Мирослава Поповича, як і більшість тогочасних випускників філософського факультету, за розподілом було направлено до роботи у школі. Сергій Кримський (дані Т. Чайки) пережив вкрай важку життєву кризу, коли він місяцями виходив з дому тільки вночі і, блукаючи Кивом, добряче випивав, по дві пляшки горілки, а потім з безвиході (все ж таки «п'ята графа!») йому довелось погодитись стати науковим «рабом» на посаді лаборанта у тодішнього директора Інституту Д. Остряніна, за якого він написав багато творів з історії

української філософії («А ти думаєш, звідки він так добре українську філософію знає?») – колиш запитав мене теперішній завідувач «шинкаруковським» відділом Євген Андрос).

Вілен Горський до Інституту також працював у школі, був методистом Палацу піонерів, і лише завдяки тому, що його друг, сокурсник та сусід по кімнаті болгарин Михайло Бичваров через партійні органи вийшов на тодішнього директора Інституту з пропозицією розробки на довгостроковій основі теми українсько-болгарських філософських зв'язків, Павло Копнін, хоча й не відразу, зарахував Вілена Сергійовича у штат, спеціально для дослідницької роботи у даному напрямку. Хочу з нагоди сказати, що почуття студентського братства у старшого покоління було таким сильним, що я під час стажування у Болгарії з рекомендації В. Горського як «сина однокурсника» отримав від М. Бичварова дружню підтримку та допомогу, часто з ним зустрічався, бував у гостях і назавжди зберіг теплі спогади про його дружину Нелі, виступав з доповідями у його відділі Інституту культури, а перед самим від'їздом ми з ним навіть написали спільну статтю з культурології.

Шану своїм вчителям нинішнє покоління Інституту проявляє у регулярних філософських читаннях на їхню честь – Шинкарука, Іванова, Яценка, Горського, Злотиної, Табачковського, що стало доброю традицією і для одеситів, котрі також проводять щорічні читання-меморії на честь Авеніра Уймова та Марата Верникова. У доповідях та виданих матеріалах до цих читань колишні учні далеко не завжди співають їм осанну, достатньо гостро критикують – як на мене – іноді несправедливо, оскільки закидають їм приналежність до марксистської парадигми та докоряють тим, що вони до чогось у свої працях не дійшли, замість того, щоб позитивно оцінювати те, що у межах тодішніх можливостей можна було зробити, формально не виходячи з рамок марксизму, не того, кондового, заяложено-пропагандистського, а того, реальний гуманізм котрого ще не було перекручено та викривлено більшовицькими садистськими соціальними експериментами.

Пряма опозиція компартійній ідеології означала звільнення з інституту у кращому випадку. З цього приводу достатньо згадати долю св. пам. Василя Лісового та його товаришів, котрі за свою українську патріотичну позицію потрапили до мордовських концтаборів та поселень. Не буде великим перебільшенням сказати, що зараз у таких самих «парадигмальних» рамках знаходяться й вони самі, хоча цінності, яких тепер ми тримаємося, є вже не ілюзорно-ідеологічними, а реально-життєзначущими – всі філософи, а мені відомі такі особи з Одеси та Луганська, котрі зайняли антиукраїнську, агресивно-проросійську позицію, стали емігрантами або вже не працюють у державних установах.

Припушу з долею жарту, що моя витівка з цитуванням В. Іванова в стінгазеті, за Фройдом, тобто, підсвідомо, була певною спробою показати вразливість щодо критики і його власних текстів, переповнених метафорами та образами, тоді як мене він попікав тим, що я начебто «малюю картинки» (мабуть, маючи на увазі моє порівняння сутності активності з розходженням

концентричних кіл радіохвіль від антени-передавача). Чи не такими ж підсвідомими мотивами керувались ті, хто тепер дає оцінку своїм вчителям у тому гострокритичному дусі, з яким старші колеги розбирали (буквально, «по кісточках») їхні аспірантські статті та дисертації – судити не беруся. Але якщо так, то навіть у цьому вони залишилися учнями своїх вчителів, їм й у цьому наслідуючи. Не знаю за інших, але до мене поза фаховою критикою ставлення метрів відділу було вкрай прихильним та доброзичливим. Коли ми усім відділом відмічали мій захист на квартирі у маминого брата Миколи Васильовича, то тим застіллям день не закінчився. Подовження було спочатку в Олександра Яценка, де під ногами весь час крутилася болонка, а потім у Вадима Іванова, який з притаманним йому панським благородством все ж таки сунув таксистові гроші із великим запасом на мою із Светою зворотну дорогу з Нивок до Печерська.

Ритуал. Компартійні кніксени і реверанси

Знаково-символічна імітаційна діяльність, чим є, власно кажучи, ритуал, була притаманна Інституту через те, що він, як і всі інші установи радянських часів, перебував у тій «нереальній реальності», про яку писала, спираючись на ідеї Жака Бодрийяра, Неллі Іванова-Георгієвська. Наводячи в одній зі своїх статей (Філософ. думка, 2009, № 1) його положення про те, що спустошені форми, які осідають в культурі, продовжують створювати смисли, залишаючись при цьому самодостатньою системою, яка, однак, не виводить нас до реального референту, вона мала на увазі у тому колі й таку перекручену форму свідомості, як комуністична ідеологія. Віднесений Програмою КППС у невизначене майбутнє, не маючи економічних підстав, навіть «науковий» комунізм, не кажучи вже про партійні документи, виступав радше як система «благих намерений».

Концепт-фантом, комунізм, породжуючи менш дрібні фантоми, таки, як «комуністична мораль» чи «людина комуністичного майбутнього» був, тим не менш, такою реальністю, з якою, з огляду на прискіпливий жандармський контроль за Інститутом компартійних органів, доводилося рахуватися. Це знаходило прояв у ритуальних «кніксенах», що їх були змушені робити у своїх статтях та монографіях працівники Інституту, попри те, що всі добре розуміли, що це – еківоки, виверти, лише данина тогочасним обставинам. Так, зокрема, будь-яка стаття чи книга мала починатися зі згадки останніх компартійних документів як мудрих дороговказів щодо того, як слід розробляти ту чи іншу філософську проблему, що її було розглянуто у даній науковій праці. Це були неписані «стандарты», і коли одеський філософ Олексій Роджеро подав на розгляд відділу свою роботу, де подібні обрядові моменти були начисто відсутні, Олександр Яценко ледь не вмовляв його цей «недолік» виправити, аргументуючи тим, що такими є «правила гри» – чи таким був ритуал, додав я.

Сам же Олександр Яценко не тільки дотримувався правил цієї «гри», але у своїй докторській монографії «Целеполагание и идеалы» (1977) прагнув розглянути комуністичну тематику у контексті філософської проблеми цілепокладання та сутності людини, у відповідності до чого комунізм він вважав розв'язанням антагонізму між ними. Це була достатньо «слизька» тематика, тому

що компартійне керівництво до подібних «заумних» філософських міркувань з ключових питань комуністичної ідеології ставилось з підозрою – один мій колега по наргоспу, що написав дисертацію з поняття комунізму у К. Маркса та Ф. Енгельса, був змушений навіть скласти додатковий іспит кандидатського «максимуму» з робіт цих класиків (після чого цей колишній працівник партшколи став переконаним антикомуністом і противником КПРС), тим більше, що їхній спадок щодо конкретики у цьому питанні був доволі скромний, а ленінська формула «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» відразу викликала появу анекдоту про те, що радянська влада – це комунізм мінус електрифікація країни.

Під час одного з виступів на загальних зборах Інституту О. Яценко пустився блукати темними хащами цієї тематики, в яких через величезну кількість застережень (щоб не звинуватили у ревізійізмі) заплутався так, як Остап Бендер у «склопоподчиненных предложениях». У підсумку, він настільки «дістав» цим В. Шинкарука, що той, сидючи у президії та від самого початку доповіді не приховуючи свого гострого незадоволення, зрештою, попросив доповідача дотримуватись регламенту, а по суті, просто припинив виступ.

Оцінка та ставлення не тільки керівника, але й співробітників Інституту до комуністичної ідеології були вкрай скептичними, якщо не сказати, заперечувальними. У ЦК КПУ про це, зрозуміло, знали, світ не без «добрих» людей, але за дотримання в Інституті формальних умовностей та ритуальних формул щодо комунізму вдіяти нічого не могли. В. Шинкарук, за часів свого деканства, не боячись доносів, навіть у присутності студентів, коли один з них (думаю, щиро, бо був, як і багато інших, отупачений пропагандою) мрійливо згадав про комунізм, обсмикав його ледь з нецензурною лексикою – «Який до чорта лисого комунізм!» Були й досить витончені форми неприйняття комуністичного марення. Скажімо, нічим іншим, як іронічним знущенням з нього була «урочиста» доповідь Вілена Горського на зібранні Інституту з нагоди дня народження Леніна, зміст якої зводився до розповіді про те, як добре «Ілліч» заварював чай.

Щось подібне пізніше на посаді секретаря факультетської організації Одеського наргоспу робив і я. Справа в тому, що вищі партійні інстанції вимагали, щоб партійні збори первинних організацій проводились у відповідності до останніх партійних документів. Все це легко можна було довести до абсурду – я ще й дотепер зберігаю протоколи таких зборів, порядок денний яких було записано так: «Об усилении идейно-воспитательной работы по улучшению быта студентов в общежитии № 1 в свете Решения XXVI съезда КПСС, XXVI-го съезда Компартии Украины, Апрельского (1981 г.) Пленума Одесского обкома КПУ, Майского (1981 г.) Пленума Одесского горкома Компартии Украины и Июньского (1981 г.) Пленума Жовтневого райкому КПУ г. Одессы» – після з'їздів по низхідній неодмінно проводилися пленуми парторганізацій «по претворению в жизнь» «исторических» рішень з'їздів.

Попри очевидну нісенітність таких витівок ніхто та ніколи не робив мені з цього приводу зауваження, тільки одного разу декан Іван Граматик довго на

подібний протокол дивився і щось там про себе мовчки думав. Слід сказати, що часи настали вже досить ліберальні, і репресій за рознарядкою вже, слава Богу, не проводили. Принаймні, єдиним «покаранням», якого зазнали автори віддільської колективної монографії за те, що у партійно витриманій передмові до неї у фразі «Как сказано в редакционной статье газеты “Правда”» у слові «редакционной» випала літера «д», стало зняття монографії з висування на якусь республіканську премію, хоча я бачив, що Олександр Яценко як редактор книги чимало з цього приводу напереживався. Що могло трапитись з «винними» у цьому за інших часів, можна не гадати – достатньо ясно це показав Андрій Тарковський у фільмі «Дзеркало», і острах героїні мав реальні підстави – редактора однієї газети, де титул Сталіна «Главкомадующий» було надруковано без літери «л», комуністи вбили.

З літерою у текстах в Інституті і раніше бували проблеми, про що мені розповідав Мирослав Попович. У одній його книзі було зроблено висновок: «Поскольку оказалось, что истин много...». У ті часи могла бути тільки одна істина, марксистсько-ленінська, і пильні редактори видавництва «Наукова думка» виправили слово «оказалось» на «показалось». Остаточну правку, вже верстки, робив інший редактор, котрий, уважно читаючи текст, зрозумів, що за суттю викладеного тут мало б бути саме «оказалось». З такою правкою рукопис й віддали до друку. Вже коли тираж був розісланий по бібліотеках, крамолу було виявлено, і туди направили панічні листи наукових цензорів з наказом закреслити у всіх книгах зайву літеру. – Уявляєш, посміхаючись, говорив М. Попович, сидять біля пакунків з книгами люди, розкривають кожну книжку на відомій сторінці, і закреслюють літеру «п»!

Кінець-кінцем, В. Шинкарук вирішив проблему партійного контролю діяльності інституту доволі просто – він якимось чином став впливати на кадрову політику керівництва КПУ і почав ставити на посаду завідувача відділом суспільних наук ЦК КПУ своїх людей (її до цього тривалий час посідав кадровий партійний функціонер з філософським ступенем, котрий запам’ятався хіба що своїм скам’янілим обличчям, з котрим він з президії суворо вдивлявся у зал під час відвідування партзборів Інституту). Це були випускники філософського факультету шевченкового університету Василь Кремінь, Микола Шульга, Олександр Бухалов. Після закінчення аспірантури мене теж направляли на цю посаду, але у такій установі я працювати категорично не бажав, хоча у книзі альбомного формату з направлення на роботу все ж розписався. Зрештою, попри докори за сплюндровану книгу з боку начальника відділу кадрів Інституту Веселого я туди працювати не пішов, списавши все на сімейні обставини. Насправді я не міг собі уявити, як це замість ранкових пробіжок вздовж близьких серцю одеських схилів та купанні у ще прохолодному зрання морі я мусив би сидіти, нехай й у високому, кабінеті, мірно крокуючи від стіни до стіни як звір у клітці або як ув’язнений у тюремній камері. Таке ходіння я бачив, раптово відкриваючи двері своїх приятелів, що стали кабінетними чинушами – цим вони з нудьги вбивали свій життєвий час. Та й переконання на той час в мене були вже зовсім не комуністичними, а бути нечесним із собою, говорячи

одне, а думаючи інше, я не хотів.

Ясно, що за цих кадрових обставин діяльність Інституту вже не зазнавала жодних атак з боку вищого компартійного керівництва, а позиції самого В. Шинкарука настільки зміцнилися, що їхня родина переїхала з академічного будинку навпроти Оперного театру (а до цього вони жили на площі Льва Толстого, куди ми з моєю мамою заходили ще до мого вступу до університету) до квартири на Десятинній, де раніше мешкав В. Щербицький, і де була вже серйозна державна охорона, котра, до речі, почала пропускати мене без запитань вже після першого відвідування. Згодом, вже за часів незалежної України, з причини, як говорив Володимир Іларіонович, високої квартирної платні, Шинкаруки переїхали у колишнє помешкання академіка, секретаря РНБО В. Горбуліна на Інститутській, де охорона вже просто патрулювала периметр. Квартира та виявилася жажливо нещасливою – протягом одного року білий світ залишала вся їхня родина – з чого українські філософи ще й досі не можуть відійти від шоку.

Ритуал. Дружня пиятика

Пияцтво в Інституті було якщо не ритуалом, то точно усталеним звичаєм чи традицією. Пили багато і часто, переважно, «в присутственные дни» – вівторок та п'ятницю (хоча бували періоди, що ледь не кожного дня, через що я дивувався, коли ж колеги пишуть тексти, й непогані), втім, за тих часів пиячили майже всі (що, явно за Фройдом, було формою своєрідного ескапізму), хоча в Інституті не такою мірою (а вірніше, надмірою) як, скажімо, на філософському факультеті, де деканат разом із деканом Миколою Тарасенко, котрий перейшов в університет з мого відділу, як пише у своїй книзі спогадів «Сорок сороков» Ганна Горак, вже о дев'ятій ранку на ногах не стояв. За стіл сідали вже ближче до вечора і до стану «риз» ніколи не допивалися, більш того, «симпозіум» у відділі часто мав продовження у вигляді вже згадуваного вище «водіння кози», термін, котрий, здається, впровадив активний учасник цієї ритуалізованої ходи все той же Тарасенко. Нестройним, розбитим на групки, де точилися перманентні дискусії, натовпом, ми пересувалися у «погребок» на Великій Житомирській (де С. Кримський якось затіяв з двома військовими змагання зі знання анекдотів і, ясна річ, переміг), потім йшли до Львівської площі, за тим іноді спускались на Поділ (куди у «Три тополі» їхали ледь не з усього міста), а іноді повертались у центр, де на одній з вуличок, що вела до майдану Незалежності, а тоді – площі Калініна, розташовувалась пельменна, порція яких коштувала 32 копійки без масла та 37 копійок з маслом, що всіх дуже втішало, тому що апетит вже було нагуляно чималий. У ній негласно дозволялося приносити і розпивати спиртні напої – міліціонери, які час від часу заглядали у шумний зал, на виставлені на столах пляшки віковичної «Московської» уваги не звертали.

Подейкували, що такий небачений лібералізм (в інших «злачних» місцях за це могли забрати у відділок) визначався потребою у вивченні владою настроїв підпитого, а тому – відвертого народу, які там якимось чином фіксувались. Що таке вивчення було, не викликає сумніву – один з сокурсників Євгена Андроса,

котрий пішов служити до КДБ, своїм службовим обов'язком мав професійне пияцтво. Його щоденне оперативне завдання полягало у входженні у довіру відвідувачів бару «Хрещатий Яр» й витягуванні «за язик» того, що було у них «на уме». Для цього комітетом виділялися, як він сам розповідав, ставши вже зовсім нетверезим, шалені гроші – півтисячі рублів на вечір. А розповідь така траплялася тоді, коли сокурсники, зустрівши його у цьому барі і перехиливши з агентом політичної поліції перші три стопки коньяку за власний рахунок, не без умислу категорично наполягали на подовженні самофінансування цього процесу, бо добре знали, чим це закінчиться. Після цього він, й до цього вже чимало «приймавши на грудь» з іншими відвідувачами, втрачав пильність і простодушно видавав приятелям службову таємницю і про гроші, і про їхню кількість, і про їхнє призначення і за принципами студентського братства щиро усіх пригощав.

Наш відділ пив виключно у гостях у відділі М. Поповича, у другій, суміжній його кімнаті, котра не мала виходу на коридор – таким чином сам факт пияцтва хоч як приховувався від тих, хто випадково заглядав у першу кімнату. Подібна засторога була потрібна через те, що попри відсутність будь-яких санкцій з боку керівництва Інституту нам періодично зачитували накази по академії, де за подібні речі передбачалися суворі покарання – з цього стає ясным, що явище пияцтва в установах цієї організації було загальнопоширеним та не одиничним. Втім, це не заважало В. Шинкаруку з доброю посмішкою іноді заходити до компанії, де він, довго не затримуючись і не роблячи ніяких зауважень, випивав разом з усіма одну чарчину.

Був, однак, і такий нетривалий період, коли контроль за цим явищем посилювався і застїлля на деякий час припинилися. Цьому передували загальні збори Інституту із зачитуванням наказу Президії з приводу однієї трагічної події. За радянських часів було заведено вивозити вчених на польові роботи у колгосп, а за деякими інститутами були навіть закріплені поля моркви чи іншої городини, які вони від посадки та прополки до збору врожаю доглядали. Мій сусід по кімнаті гуртожитку на Ежена Потьє Микола привіз колись з їхнього «інститутського» поля два мішка моркви, тер її та їв щоденно, через що шкіра у нього забарвилася у помаранчевий каротиновий колір. Колектив мого Інституту також посилали на перебирання картоплі десь під Димір, результатом чого – авоська до авоськи набрався мішок – було суттєве поповнення аспірантських харчових запасів цінним коренеплодом – хоч яка винагорода за безоплатну, по суті, рабську, звичну для СРСР, працю.

Працівників одного з інститутів академії також вивезли на польові роботи у колгосп, але дали їм роботу у складі, обробленому хімікатами. Під вечір вже вдома люди почали один за одним помирати, десь вісім чоловік, але оскільки вони на цих роботах, як водиться, випивали, то списали все це на неякісний алкоголь і розрадилися грізними пересторогами щодо вживання його на робочих місцях. Чи був польовий склад робочим місцем вчених, про це, зрозуміло, не говорили.

Пили виключно найбільш масовий сорт радянської горілки, «Московську»,

але я зі своїми південними смаками прагнув повернути колег на інший цивілізаційний вибір, замінивши горілку на сухе вино (саме по лінії споживання натурального вина та пива й проходив, як говорив Сергій Кримський, кордон між цивілізацією і варварством в Європі). Заради цього я не лінувався їздити з кимось з товаришів (щоб більше привезти) доволі далеко – на Лук'янівський ринок, де в одному з овочевих павільйонів продавали болгарську «Гъмзу» у круглій дволітровій пляшці з пластмасовим обплетенням.

Так само не горілку, а вино пили ми у прогрітому і затишному буфеті Річкового вокзалу з його смачними відбивними, котрий працював і взимку, до якого ми потрапляли на фунікулері, і де ми часто бували єдиними відвідувачами. Ще й зараз відчуваю те тепло дружніх стосунків, котре як м'який туман розпливалося у тій вокзальній обстановці з домінантою очікування початку подорожі, але де на той нічого не ходило, проте зберігалися всі аксесуари місця злук та розлук, і де за вікном стояв скутий кригою Дніпро, а на дворі було засніжено і зимно. Коли, мабуть, через збитковість, той теплий наш прихисток закrywся, ми ще деякий час відвідували Річковий вокзал, вірніше, його ресторан «Одеса», котрий згодом теж припинив роботу. Тоді місцями наших «виїзних» засідань стали ресторан «Театральний» біля Оперного театру, старий, у знесеному тепер будинку, де я якось розсмішив О. Яценка тим, що замовлена мною котлета по-київськи виявилась рибною (був четвер, рибний день) та інтуристівський ресторан трішки нижче по вулиці Леніна (тепер – Богдана Хмельницького).

Більш далекі «виїзні» засідання, ясна річ, з дотриманням традиції, відбувалися під час щорічних Всесоюзних симпозіумів, що їх Інститут по черзі проводив в обласних містах України, коли первісне значення цього слова мало реальне втілення починаючи вже з купе потягів. Суперечливість ситуації у таких виїздах полягала у тому, що, з одного боку, на таких конференціях знімався сімейний контроль, але, з іншого боку, робота секцій тривала декілька днів, і ввечері їх учасники мали враховувати необхідність брати участь в їхній роботі вранці у відповідному стані. Тут коло учасників вже не обмежувалось співробітниками Інституту, і на одному з таких симпозіумів, у Луцьку, до цієї традиції долучилися і ми з А. Уйюмовим, щоправда, на нашу стійкість, можливо, вплинула значна кількість кисню у повітрі біля Шацьких озер, куди у студентській табір на відпочинок виїхали в автобусах всі учасники симпозіуму.

Полюбилося колегам і «відкрите» мною, зроблена явно за французькою технологією алжирське м'яке оксамитове вино з пікантним присмаком чорного перцю, яке через бляклу невиразну етикетку ніхто не купував, котре майже за ціною горілки продавалась у кафе, що розташовувалось у тепер знесеному будинку на площі Калініна на розі вулиці Челюскінців (Костельної), куди ми заходили «на посошок» після застілля в Інституті (якщо не було «великого кола») перед тим, як спуститися у метро і роз'їхатися, бурно прощаючись, у різні сторони по домах.

Перед тим, як увійти до вестибюлю метро ті з нас, кого трішки вже хитало, збиралися з силами з тим, щоб минути турнікет, не повертаючи до себе уваги

міліції метрополітену, котра завжди там чергувала. Прийнято було також знімати краватки тим, в кого вони були – як вважалося, ця ознака інтелігентності була приводом для затримання не зовсім тверезих громадян, тоді як прості робітники, котрі завтра мали вийти на корисну для суспільства роботу, і в значно гіршому стані вестибулярного апарату проходили без перешкод. Взагалі, чого більше за все боялися – то це попасти у витверезник, тому що обов'язковим результатом цього було повідомлення звідти на місце роботи та, зрозуміло, відповідна реакція на це керівництва. Для членів партії у кращому випадку це закінчувалось доганою, але могли й з партії виключити та, автоматично, з роботи звільнити з формулюванням «за дискредитацію високого звання комуніста». Знаю лише один такий екстремальний випадок, що трапився з св. пам. Анатолієм Ішмуратовим, котрий взагалі не пив, бо його організм алкоголь не сприймав, але, як це часто буває, саме його, коли він одного разу все ж таки випив, міліція затримала. В. Шинкарук «спустив» його справу «на гальмах» і ніяких «оргвисновоків» з цього не зробив, але важчими за всі можливі покарання були ті муки сумління, від яких страждав сам Толя.

Узагалі, попри доволі часті «возлияния», ні на кар'єру, ні на здоров'я більшості співробітників Інституту такий образ життя не вплинув, хоча, за З. Фройдом («Незадоволення культурою»), пошук щастя та втеча від світу через алкоголь має такий недолік, як ушкодження організму. Драматично завершилось життя лише одного з них, мого сокурсника св. пам. Миколи Лука, котрий чогось увійшов у такий запій, що на роботу почав виходити лише тоді, коли закінчувались гроші. Отримавши зарплатню, він часто ескапив у рідне село, і в один з таких від'їздів він, за офіційною версією, пішов вночі докупити випивки та впав у канаву з водою, з якої не зміг вибратися; за іншою версією, хтось з односельців, знаючи, що він має гроші, вчинив на нього розбійницький напад. Як було насправді, ніхто точно не знає.

Дружня п'ятика в Інституті була настільки поширеним явищем, Юра Іщенко, заступник директора ЦГО, а раніше – багаторічний редактор «Філософської думки», присвятив йому спеціальне дослідження, видане окремою брошурою. Він писав, що вона була вищим виявленням екзистенційної Правди-Дружби, відтак – і святом, що в умовах 1960-70-х років утворило своєрідну традицію. Ця традиція мала усі ознаки карнавалізації, коли за столом поруч могли по-братерськи сидіти академік та аспірант першого року навчання. П'янство утворювало плинну, рухома, егалітарну реальність, в якій всі ставали рівними незалежно від соціального статусу. Сам характер алкогольного дійства скасовував будь-яку соціальну ієрархію – зазначав він. Крім того, алкоголь активізував творчість, хоча його надмірне вживання таїло у собі небезпеку алкоголізму. Проте алкоголь у середовищі творчої інтелігенції був радше не самоціллю, а засобом, коли сенс дружньої п'ятйки полягав у містичному творчому горінні, котре й визначало її порядок і ритуал. У застольній діалозі головним був не текст і не контекст, а підтекст, не результат, а дійство і стан братерського долучення до суті, до Бога, до вищого знання. Разом з тим власне п'ятика тих років, і не тільки тих років, на жаль, перетворилася на соціальну

біду – пише Ю. Іщенко.

Наскільки мені відомо, нині в Інституті ритуальне відправлення подібних колективних дружніх пиятик зовсім зійшло нанівець, якщо не рахувати невеличкі бенкети після конференцій чи захистів та інерційні зібрання за закоренілою звичкою у вузькому колі ветеранів Інституту, хоча за розпорядженням нового директора А. Єрмоленка, який від слів (пити в Інституті заборонялось завжди) перейшов до діла, і тепер раніше лояльні до пізніх «посиделок» вахтери після шести вечора заглядають до них з наполегливим та суворим проханням залишити приміщення, погрожуючи навіть викликати поліцію.

***

Ось такими вийшли мої спогади про сквородинівський Інститут філософії часів моєї аспірантську молодості – досить, можливо, поверхневі, але я цілком припускаю, що багато чого з нефілософського життя колективу я просто не знаю – то нехай ті, кому більше відомо, напишуть свої власні спомини, тим більше, що таких очевидців, котрі, за висловом В. Малахова, ще «топчуть ряс», багато. Так, зрозуміло, складеться більш цілісна та багатомірна картина колективного життя такої «соціальної хвилі», як комунікативна спільнота провідного філософського науково-дослідницького закладу України.

ПОСТНЕКЛАСИЧНИЙ ПІДХІД У ВІЗАНТІЙСЬКИХ СТУДІЯХ

Розуміння візантійської думки, способу філософії та культурного розвитку, попри велику кількість вже написаного і дослідженого є питанням доволі відкритим. «Білі плями» у розумінні філософських здобутків Східної Римської імперії перекриваються або теологічними дослідженнями, або суто історичними описами біографій певних історичних постатей та мислителів, без належного опрацювання самого типу та стилю цього філософського феномену. З іншого боку не можна заперечувати і ті досягнення у дослідженні Візантії, як продовження античної цивілізації з іншим, християнським світосприйняттям, які маємо на цей час.

Усе змінюється, і філософська думка теж не стоїть на місці. ХХ ст. принесло нові погляди на людське буття, культуру, історію та саму людину. Завдяки антропологічному, лінгвістичному та іншим поворотам («turn»), вчені змогли по-новому подивитися на вже, здавалося б, відомі сторони людського буття та переосмислити їх, відкриваючи нові горизонти, знаходячи і наново рефлексуючи над забутим.

Розвиток науки у її постнекласичній парадигмі дав змогу подивитися на знайомі явища під іншим кутом. Використовуючи постнекласичні методи у візантиністиці, можна досягнути нових результатів і більш заповнити існуючі прогалини або спробувати усунути ті протиріччя та вузли напруги, які існують.

Дана робота є лише нарисом та спробою почати рефлексію на тему використання підходів постнекласичної науки та філософії до візантійських студій. Описуючи ті чи інші методи та шляхи розв'язання проблеми вивчення візантійської філософської антропології ми намагалися показати, як забуте та стерте може відновитися, заграти новими фарбами та стати актуальним у пошуку відповіді на питання не тільки української філософії, але й зробити вклад у світову наукову думку.

Використовуючи постнекласичний підхід до розуміння об'єкту дослідження як складної, здатної до саморозвитку системи та перенісши це розуміння у область візантиністики, ми побачимо, як діяло ромейське суспільство протягом тисячі років людської історії. Такий підхід дасть вивести не тільки історичні дані, які допоможуть краще розуміти контекст імперії ромеїв, але також і сучасну культурну соціосферу [4, с. 45-59]. Системний підхід у дослідженні Візантії, як складної системи виявляє, що попри розповсюджену у широких колах думку, це суспільство було не гомогенне, складалося з різних прошарків, не відзначалося однією релігійною системою поглядів та владною структурою. Те, що здається на перший погляд монолітом, котрий застиг у часі, постає перед дослідником як здатна до самоорганізації надскладна система, діюча на засадах розвитку, поділу, деградації та відновлення.

Так само ми можемо підійти до питання філософської думки часів візантійської імперії. Дуже часто постає питання про те, чи взагалі існувала

візантійська філософія і чи можна говорити про це не натикаючись постійно на релігійну думку. Розуміння того, що візантійська філософія також була складною системою, своєрідним феноменом, котрий поєднував і античну думку і новий погляд на природу людського буття та питання метафізики, може допомогти прояснити складність даного питання і бути орієнтиром для подальшого дослідження.

Також при аналізі візантійської філософії можна використати міждисциплінарний підхід, що також є характерною ознакою постнекласичної науки [1, с. 157-167]. Це може зняти певні протиріччя, які можуть виникнути у колі однієї наукової дисципліни та розширити кордони розуміння проблеми у всій повноті, яка можлива на даному етапі дослідження питання. Що у свою чергу приведе до більш повного аналізу та створенню необхідного методу дослідження. Міждисциплінарний підхід до питання проблем розуміння візантійської цивілізації дає можливість для опрацювання великого масиву даних, та більш розгорнуто відповісти на питання стосовно ромейської культури, антропології, історії та філософії. Як і кожна складна система, здатна до самоорганізації, з великою кількістю різноманітних актантів, котрі взаємодіють один з одним, Візантія потребує такого, міждисциплінарного підходу. Поєднуючи економіку та урбаністику дослідник може зрозуміти, як діяла та діє централізована економічна модель у великому мегаполісі, котрим був Константинополь. Культурологія та історія, об'єднавши зусилля дають більш зрозумілий контекст суспільного життя. Філософія та богослов'я у синтезі дають змогу зрозуміти візантійських мислителів та ідеї і концепти, котрі були на той час.

Для охоплення великої кількості матеріалів по феномену Візантії важливо підходити до його опрацювання з розумінням парадигми цілісності як усвідомлення глобального, всеохоплюючого погляду на цей світ, котрий існував та впливав на розвиток європейської та східної історії в усіх її проявах.

Принцип коеволюції міг би стати у нагоді візантійським студіям при розгляді складних систем відносин у середині ромейського суспільства, коли потрібно провести аналіз впливу та взаємодій системи чиновницького апарату та базилевса, або влади монарха та систему церкви. Цікавим є питання коеволюції античної системи філософських знань та християнської догматики у розрізі візантійської філософської думки.

Постнекласична спроба подолати прірву між суб'єктом дослідження та самим об'єктом досліду є важливим для розуміння філософії Візантії [2, с. 105-116.]. Філософія тут розуміється у найзагальнішому її контексті – як певний спосіб мислення, буття. Дослідник може максимально контекстуалізуватися з об'єктом дослідження не тільки через вивчення певних документів епохи, але й маючи ще діючі об'єкти вивчення – православні храми, літургію, історичні зв'язки, символіку, семантичне коло Візантії, у межах якого ще досі перебуває і наша країна. Тому спільна робота теолога та філософа у колі візантійських студій є допустимою і не може бути чимось антинауковим. Подолання суб'єктно-об'єктної прірви дає змогу досліднику вести діалог з предметом

вивчення через розуміння несталості, постійно перебуваючої у русі надскладної системи, якою була Візантія. З одного боку ми бачимо складну політичну систему, котра на протязі тисячі років взаємодіє з різними культурами то поглинаючи їх, то захищаючись від захоплення ними. Кордони змінюються і ніколи не бувають сталі. Зміни у філософській та богословській думці призводять до зміни у соціальних системах. При спробі зафіксувати односторонньо об'єкт дослідження, як наприклад фотограф зафіксував би мить життя на світліні і сказав що це є ціле уявлення про зображене, ми не отримали б точних результатів у такий спосіб.

Візантія була нестійкою, хаотичною системою, попри жорстку ієрархію, котра була основою імперії.[3, с. 68-73]. Хаос створював можливості утворення нових світоглядів, виносив на верхівку правління нових лідерів, які створювали систему порядку, або намагалися стабілізувати, привести до ладу (зменшити хаос). Потім система давала збій, хаос знову брав гору і усе повторювалося ще раз.

Цікавим є дослідження питання взаємодії візантійців з оточуючим світом, предметами та технікою, котра була у їх побуті та культурі. Постнекласика дала змогу наново подивитися на питання систем «людина-техніка», «людина-машина». Це також є цікавим дослідницьким полем візантиністики. Ромей існували у щільна наповненому символами та сенсами семантичному полі, яке через предметні артефакти давало змогу осягнути ціннісні, метафізичні, етичні поняття. Речі, які, наприклад, оточували імператора були важливіші за саму людину, котра на певний час ставала Базилевсом, у тому плані, що імператором могли бути різні люди – від спадкоємців престолів до ринкових підприємців, але кожен з них мав одягнути вінець, одяг, який міг носити тільки імператор, мешкати тільки у певному палаці і т.і.

З усього коротко перерахованого вище ми можемо зробити висновок про важливість застосування постнекласичного підходу до візантійських студій. Це розширить дослідницькі горизонти, дасть змогу краще зрозуміти предмет дослідження, допоможе зняти вузли напруги, які можуть виникати у межах однієї науки, а також будуть слугувати створенню міждисциплінарних наукових кластерів, покликаних до співпраці та розвитку світової науки.

Список використаної літератури:

1. Донникова И. Постнеклассическое гуманитарное знание: границы и возможности. // *Філософія освіти*. – 2015р. - №1(16) – С. 157-167.
2. Менчиков Г.П. Неоклассическая философия: сущность, содержание, значение. // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. – 2013г. – 155 т. 1 к.– С. 105-116.
3. Рупташ О.В. Смысловые трансформации парадигм в процессе перехода от классической к постнеклассической науке. // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. – 2014г. - № 1(17) – С. 68-73.
4. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма.// *Сложность. Разум. Постнеклассика*. – 2013г. -№4 - С. 45-59.

Леоненко Л. Л.

**ОБ «АНАЛОГЕ» ОПЕРАТОРА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АБСТРАКЦИИ
В ЯЗЫКЕ ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ**

*Единственная общая для этих
лошадей черта заключалась в
том, что между ними
не было ничего общего.*

Дик Френсис. Последний барьер.

В статье [1, р. 607] А.И. Уёмов предлагает следующее правило вывода языка тернарного описания:

РК. Пусть формула ιA содержит подформулу ιA . Если ιA принимается, то и формула $(\iota A)\iota A$ также принимается:

$$(\iota A)T \vdash ((\iota A)\iota A)T.$$

Это правило Авенир Иванович довольно незаслуженно называл «правилом Леоненко». Дело в том, что включению **РК** в ЯТО предшествовали продолжительные дискуссии (с моим участием) по поводу приемлемости следующего принципа:

PR. *Всякое суждение **Prop**, в котором упоминается объект **Obj**, выражает наличие у этого объекта некоторого свойства или отношения.*

Авенир Иванович долго не соглашался с необходимостью «внедрения» **PR** в ЯТО. Я думаю, что появление правила **РК** можно расценивать как некое «следствие» этих наших дискуссий. Но я не согласен, что формализация принципа **PR** в виде правила вывода **РК** является адекватной.

«Первое несогласие» состоит в том, что **PR** говорит о суждении **Prop**, упоминающем объект **Obj**. Суждениям в ЯТО соответствуют *пропозициональные* (или *открытые*) формулы. Но в правиле **РК** на формулу ιA такое ограничение не наложено.

Замечу, что в *примере* применения **РК**, который приводит А.И.Уёмов [1, р. 607-608], в качестве ιA взята именно открытая формула. Но я полагаю, что и дополнение **РК** требованием открытости ιA не обеспечит соответствия правила принципу **PR**.

«Второе несогласие» связано с тем, что **PR** говорит о суждении **Prop** как *выражающем* некое свойство/отношение, но *не* утверждает, что последнее *обозначено* и тем более *совпадает с Prop*.

Объясню это на примере. В сети нетрудно найти анекдот о Чапаеве, Петьке и смысле термина "нюанс". Но анекдот этот содержит обценную лексику, так что здесь я его переформулирую:

«Старый мудрый цирковой лев Чапай научил своего нового дрессировщика Петьку читать.

Однажды Петька читал какую-то книжку, и вдруг спрашивает у Чапая:

– Чапай, а что означает слово "нюанс"?

Лев говорит:

– Ну, это довольно сложно объяснить... Но можно показать. Сейчас я открою пасть, а ты засунь в неё свою голову.

Петька так и сделал, а Чапай ему говорит:

– Вот видишь, теперь у меня в пасти голова, и у тебя в пасти голова. Но есть *нюанс!*»

Мы имеем (принимаем) суждение:

Голова Петьки в пасти Чапая

По правилу **RK** нам следует также принять, что

(Чапай){Голова Петьки в пасти Чапая}

(Петька){Голова Петьки в пасти Чапая}

Получается, что как Чапай, так и Петька обладают *одним и тем же* свойством «Голова Петьки в пасти Чапая». Нюанс пропал.

Чтобы сохранить нюанс, можно воспользоваться оператором функциональной абстракции А. Чёрча [2, с.27-29,43]:

(Чапай) λx {Голова Петьки в пасти x }

(Петька) λx {Голова x в пасти Чапая}

Теперь у Чапая и Петьки свойства разные. Нюанс восстановлен.

Другой подобный пример, показывающий неадекватность правила **RK** как формализации принципа **PR**, можно извлечь из приведенного выше эпитафа. Пусть H_1 и H_2 обозначают упомянутых в эпитафе двух лошадей. Дик Френсис утверждает, что:

Между H_1 и H_2 нет ничего общего

По правилу **RK** из этого следует, что

(H_1) {Между H_1 и H_2 нет ничего общего}

(H_2) {Между H_1 и H_2 нет ничего общего}

так что мы действительно, вслед за Диком Френсисом, обнаружили у этих лошадей *общую* черту. Можно допускать, что сам эпитаф противоречив. Но не думаю, что это имеет место. Скорее всего, имеется в виду некий ограниченный *список признаков* лошадей, и оказалось, что по значениям *этих* признаков H_1 и H_2 "всюду" различаются. И снова избежать противоречия поможет λ -оператор:

(H_1) λx {Между x и H_2 нет ничего общего}

(H_2) λx {Между H_1 и x нет ничего общего}

В упоминавшихся выше дискуссиях по поводу принципа **PR** я предлагал ввести в ЯТО λ -оператор, аналогичный оператору функциональной абстракции А. Черча. В упрощенном изложении это можно сделать так [3]. Пусть суждению **Prop**, упоминающему объект **Obj**, соответствует пропозициональная формула ЯТО $F\langle \mathbf{A} \rangle$, в которой её собственная (т.е. не совпадающая с $F\langle \mathbf{A} \rangle$) подформула $\mathbf{A}$ обозначает объект **Obj**. Тогда принимается, что $F\langle \mathbf{A} \rangle$ эквивалентна приписыванию вещи $\mathbf{A}$ свойства $\lambda x F\langle x \rangle$, где выражение $F\langle x \rangle$ получается из $F\langle \mathbf{A} \rangle$ заменой одного из вхождений подформулы $\mathbf{A}$ в $F\langle \mathbf{A} \rangle$ символом x . Если же $F\langle \mathbf{A}, \mathbf{B} \rangle$ – пропозициональная формула, содержащая вхождения любых двух

непересекающихся подформул $\mathbf{A}$ и $\mathbf{B}$, то $F\langle\mathbf{A}, \mathbf{B}\rangle$ эквивалентна приписыванию упорядоченному списку $\langle\mathbf{A} \diamond \mathbf{B}\rangle$ отношения, $\lambda x y F\langle x, y\rangle$, где $F\langle x, y\rangle$ получается из $F\langle\mathbf{A}, \mathbf{B}\rangle$ заменой вхождения подформулы $\mathbf{A}$ символом x , а вхождения подформулы $\mathbf{B}$ – символом y . Очевидно обобщение на случай, когда F содержит n непересекающихся подформул ($n \geq 1$).

Если использовать такой λ -оператор для формализации приведенного выше примера с лошадьми, получим что-то вроде следующего. Из

$$[(H_1^*)A] / [(H_2^*)A]$$

(т.е. любое свойство H_1 отлично от любого свойства H_2 – здесь использована операция "отличения" / ЯТО) можно вывести формулы

$$(H_1^*)\lambda x\{[(x^*)A] / [(H_2^*)A]\}$$

$$(H_2^*)\lambda x\{[(H_1^*)A] / [(x^*)A]\}$$

Здесь свойство $\lambda x\{[(x^*)A] / [(H_2^*)A]\}$ – это «не иметь общих свойств с вещью H_2 ». Аналогично свойство $\lambda x\{[(H_1^*)A] / [(x^*)A]\}$ характеризует вещи, не имеющие общих свойств с вещью H_1 .

Список использованной литературы:

1. *Uyemov A.I.* The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Part III // Int. J. of General systems, 2003, Vol. 32 (6), p. 583–623.
2. *Черч А.* Введение в математическую логику. Т.1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 486 с.
3. *Леоненко Л.Л.* Экспликация понятия «системный параметр» в языке тернарного описания: открытые вопросы // RES SYSTEMICA. – Одеса: Печатный дом, 2018 с. 62 – 68.

МЫСЛИТЕЛЬ

Черная книжка с каким-то красивым названием попалась мне на глаза случайно, совершенно не помню в каком магазине. «Логические основы метода моделирования». Дело было в Алма-Ате, стоял (бежал?) 1972 год, учился я на четвертом курсе института и разговоры о моделировании были вторыми по занимательности после таковых о девушках. Книжке шел второй год от роду, то есть совсем свежая. Если кто помнит – интересное было время. В стране – бум Автоматизированных систем управления (АСУ). Моя специальность именно об этом. Экономическая кибернетика, информатика, теория игр, распознавание образов, математическая экономика – масса красивых слов чего-то обозначала и обещала, и все это были модели. Термин был явно ключевым. А тут еще «логические основы». Словом – я начал ее листать. Листал около часа. И понял, что надо бы купить и внимательно разобраться. Цена была не такая большая, чтобы совсем отпугнуть, и не такая маленькая, чтобы прямо с собой были деньги, где-то между одним и двумя рублями. На следующий день вернулся – купил. Через несколько дней чтения осознал, что это нечто особенное, такого я еще не читал. Половины слов я не понимал. Половины идей – тоже. Смутно повеяло какими-то грандиозными перспективами. Через некоторое время терзаний я впервые сделал то, что потом помогало много раз: я решил пойти самым простым путем и обратиться к автору со всеми вопросами. Я написал большое полу-восторженное, полу-вопрошающее письмо и отправил – мне помнится, просто по адресу издательства «Мысль», ибо адреса автора в книге не было. Примерно так же как в седьмом классе отправлял (как выяснилось, странным образом, неверное) решение проблемы Гольбаха в «Знание-Сила», так как других подходящих мест не знал. И очень быстро (запомнилось) получил ответ.

Профессор Авенир Иванович Уемов из Одессы сообщал студенту Игорю Манделю, что он, студент, вполне может располагать его, профессора, временем, что все эти вопросы весьма любопытны, и проще было бы их обсудить лично. И вот если бы Игорь приехал в Одессу, так можно было бы поговорить спокойно и обстоятельно, а жить можно остановиться прямо у него, поскольку у него есть диван.

От такой благой вести мой жар познания непосредственно превратился в пламень, и я немедленно пошел к родителям, чтобы строго сказать, что я нашел, наконец, чем буду заниматься в жизни, только нужно немного денег долететь до Одессы и обратно. А жить там есть где. Родители колебались дня три; до них не сразу дошло, почему надо ехать в Одессу «за наукой», а не сразу в Москву, где вся она, как известно, проживает. Пришлось объяснять, кто такой Авенир Уемов. Потом отец сказал примерно следующее: хорошо, деньги мы нашли, но есть одно условие. Ты должен встретиться там с одним моим старым другом и передать ему привет и небольшой подарок. А если он тебя познакомит со своей

дочерью – ни в коем случае не уклоняйся от разговоров (он знал что говорил; уклонения от рекомендованных мне лиц другого пола уже наблюдались). Ну, а не познакомит – то и ладно, добавил он. Коварный замысел отца я понял только с годами; чудная Беллочка из Одессы была первым человеком в моей добропорядочной жизни, кто вдруг заговорила об эмиграции, когда мы сидели на скамейке под одесской луной; от нее я впервые услышал «а у нас все едут» – но не проникся; просто был сильно изумлен таким поворотом мысли. Куда ехать, если и тут замечательно, вот можно моделями всякими заниматься, я и приехал ради этого в Одессу. Беллочка поглядела на меня с состраданием и перевела тему. Так что вполне можно считать, что А.И. внес свой невидимый посильный вклад в то обстоятельство что уехал я почти на тридцать лет позже.

Авенир Иванович меня поразил сразу и всем. Он был: очень большой; розовый в районе щек; голубоглазый; абсолютно демократический; абсолютно дружелюбный; фантастически эрудированный; сверхкультурный; понимающий собеседника (меня) с полуслова; мгновенно реагирующий на любой поворот разговора; всем интересующийся; слушающий с неподдельным интересом. Он, безусловно, был наиболее интересный человек из всех встреченных мной к тому времени на жизненном пути. Да и потом к списку присоединились считанные единицы.

К тому времени его книга про аналогии уже была опубликована, а про общую теорию систем – еще нет, и вот про аналогии и, конечно, про модели, мы и говорили часами. С аналогиями он меня просто убил: я не мог себе помыслить, как можно обрести такое понимание физики (не будучи физиком), чтобы выписывать десятки видов аналогий, анализировать и систематизировать их. У меня вообще сильное ощущение, уже сейчас, что эта его работа так и осталась фундаментально не оцененной и недоиспользованной – я уверен, из-за отсутствия своевременного перевода на английский. И не только эта.

Другая вещь, которая меня поразила тогда очень сильно – это рассказ А.И., с улыбкой, о том, что он в сороковые годы придумал то, что люди называют Булевой алгеброй, то есть алгеброй двоичного исчисления, понятия не имея о ее существовании (то ли с кибернетикой тогда слишком сильно боролись, то ли он не наткнулся на публикации – не знаю). Правда, говорил он, не все аксиомы совпадали, но в целом неплохая алгебра получилась, жалко Буль сделал это раньше лет на сто. «Это бесподобно – думал я; вот бы мне что-то такое тоже изобрести, чтобы потом не стыдно было признаться».

Третье удивительное обстоятельство – сама квартира. Я тратил на книги почти все время и деньги, но никогда не видел такой библиотеки. Стеллажи стояли в одной комнате не только у стен, но и посередине, все – до потолка. Книги были на нескольких языках. И я понимал, что все они – читаны. Я был почти что подавлен, но веселый хозяин и к этому относился так же, как к Булевой алгебре – ну, конечно, Игорь, вы этого еще не читали, но ведь еще успеете. Языков не знаете? Польского? Голландского? Ну, так выучите. Английского тоже? Тем более, какие ваши годы.

Увлечение логикой, помноженное на очарование личностью А.И., привело к

тому, что, вернувшись, я погрузился во все эти философские проблемы и стал находить в них больше и больше удовольствия. Моя первая «серьезная» статья «К вопросу об унификации определений» была вполне логична, в том смысле, что имела некую идею и всякие формулы внутри. А.И. она вроде понравилась и с его подачи была опубликована в «Философских науках» в 1975 году. К тому времени я только вернулся из армии после института и статья, пролежавшая два года в редакции, была каким-то намеком на справедливость жизненного пути: вот, армию отслужил, вот, статью опубликовал, то ли еще будет. Но дальше все пошло иначе: философия и логика были реально доступны только в институтах или в Академии и только для тех, кто кончал соответствующие заведения. Меня все больше занимала статистика; логика была где-то рядом, но никогда более не материализовалась в форме отдельной публикации. Но никогда и не покидала ранее занятого места в картине мира (да и куда без нее, вообще-то говоря?). После сорока лет, двух диссертаций, десяти мест работы, нескольких книг и сотни статей, трех стран проживания – в своей последней работе очень общего направления [1] я вдруг ясно понял, что ничего более толкового и внятного, чем язык «вещей-свойств-отношений», разработанный А. Уемовым полвека назад и не существует. То есть я вполне могу сказать, что идеи А.И. всегда со мной, они живут и даже порой побеждают.

Сейчас мне представляется, что общий круг воззрений А. Уеова лежит в рамках вечной, вполне платоновской концепции о решающей роли мышления вообще и логики в частности в делах наших скорбных. Он придумал всему этому направлению мощный и не до конца понятый, как я отмечал, импульс. Сама идея «общей теории систем» – порождение глубокой веры в «торжество разума», способного эти самые системы находить, выделять из «несистем» и изучать. Обширный корпус других концепций, которые вырисовываться стали лишь в последние лет двадцать-тридцать, таких как хаос и катастрофы, бифуркации и самоорганизующаяся критичность (self-criticality); глубокая иррациональность и поведения и мышления человека; роль инстинктов и подсознательного; степенные законы распределения (power law distributions), делающие даже статистические предсказания очень часто бессмысленными; гигантские, но уязвимые сети; коллективное поведение и все другие «темные и неклассические» стороны, как самой жизни, так и способов ее описания – все это лежало как-то в стороне от его интересов (если я глубоко не ошибаюсь, поскольку не читал более поздних трудов). Для меня в целом наследие А. Уеова – одна из вершин рационализма, здравого и здорового способа чего-то понять и «навести порядок», хотя с годами все меньше мне верится, что таковой существует. Для него, как кажется, логика есть логика, одна на всех (будь она модальная или любая иная нетрадиционная). Он принципиальный «непостмодернист». Но что делать, если логик много и они в конфликте? Какую логику можно противопоставить, например, людям, идущим на собственную смерть ради того, чтобы заодно убить других? Бесконечно жаль, что уже не обсудить всего этого.

Мы встречались еще несколько раз, всегда в Одессе. Всегда это был «пир

ума» и частично тела – угощал Авенир Иванович с большим удовольствием, какое-то немедленно передавалось мне. Особенно запомнилась странная встреча примерно в 1984 году. Я был в ненормальном состоянии борьбы с алкоголизмом. Тогда широко распространялись брошюры Н. Углова и других о сухом законе, появлялись общества борьбы за трезвость и так далее, если кто помнит – еще до официального наезда М. Горбачева. И вот я как-то проникся концепцией «непития» совсем всерьез. Сейчас я смотрю на это, как на типичную сублимацию, когда энергия ищет себе выход в чем-то социальном, но до диссидентства не дотягивает... Я почти не читал тогда ничего запрещенного, его в Алма-Ате фактически не было; московские друзья дали раз тамиздатовскую биографию Ленина, написанную Шубом; но этого оказалось недостаточно. Я с энтузиазмом стал излагать А.И. вновь добытые цифры о сухом законе, о спаивании народа (что интересно, «не евреями» – это попозже появилось, или я пропустил) в России и в советское время и пр. На все на это Авенир Иванович отвечал примерно так – «Ну, отлично, но пить-то будем?» и открывал бутылку вина. Я, естественно, отказывался, а он с нарастающим изумлением не мог поверить своим глазам. В то время я ясно ощутил, как приятно преследовать какую-то очень простую и внятную истину и не терпеть никаких полутонов или компромиссов. Еще меня удивляло, как А.И., человек высоко логичный, не понимает, даже после разъяснений, что ведь так оно и есть и что пить после этого ну никак нельзя. Естественное поведение А.И. запомнилось. Не все, что логично материализуется, – это был наглядный урок. Максимализм в его столь странной форме у меня скоро прошел, а ощущение урока осталось.

Мы не виделись с 1991 года. Времена пошли полосатые, через девять лет я уехал, многие связи прервались. Мои занятия были уже совсем далеки от тех ранних упражнений в логике, лишь уникальный человеческий образ постоянно вспоминался как один из тех, что освещают жизнь других людей, сами того, быть может, не замечая. Совсем недавно я вдруг резко понял, что хочу как-то поговорить с А.И., начал писать письма чтобы узнать адрес – но вышло слишком поздно, как в плохом фильме...

Ты был, ты есть – эпикуреец, логик,
Ты весь в других, ты растворен, затих,
Твой жест пророс; он так же в жизни стоек,
В познании как ее, он стал своим для них.

Список использованной литературы:

1. I. Mandel Sociosystemics, statistics, decisions. Model Assisted Statistics and Applications 6 (2011) 163-217.

Марийчак И. И.

**ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ – АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ
ВАЛЕРИЯ САВЧУКА**

Концепты являются порождением своей эпохи и создаются современниками здесь и сейчас, проявляясь своеобразными акторами интеллектуальных взаимодействий. Связка топологическая рефлексия была введена и разработана как концепт философом из СПбГУ Валерием Савчуком в начале 2000-х годов. Определяя данную связку как концепт, стоит указать его отличительные черты.

С точки зрения современных взглядов на природу концепта «концепт предельно «субъектен» [1, с. 280], ибо он формируется автором в самом процессе философствования. Смыслы, которые образуются и отображают суть концепта «фиксируются в некотором множестве текстов и составляют определенное концептуальное единство» [1, с. 280]. С этой точки зрения и концепт «топологическая рефлексия» также связан с множеством разнообразных смыслов. Однако, несмотря на то, что данный концепт достаточно часто используется в современных гуманитарных изысканиях, фундаментальные работы, которые были бы связаны с его исследованием в русско- и украиноязычном пространстве, все еще отсутствуют. В связи с этим и возникает необходимость в более детальном рассмотрении данного концепта. Главная цель представленного ниже исследования заключается в том, чтобы прояснить какие именно смыслы Валерий Савчук связывает со словосочетанием топологическая рефлексия.

В монографии «Топологическая рефлексия» В. Савчук исследует путь отхода от трансцендентального субъекта, познающего незыблемые истины. Топологическую рефлексия осуществляет уже не трансцендентальный субъект и, в отличие от классического понимания рефлексии, топологическая рефлексия «получает более одного непосредственного смысла» [2, с. 15]. Топологическую рефлексия осуществляет субъект, и рефлексия субъекта включена в саму ситуацию происходящего, как «нахождение, как про- и выживание, как ответственность за это место перед будущими поколениями» [2, с. 15]. Рефлексия такого рода происходит не сама по себе, она «производна от места и времени, условий топоса и ритма, темпа, скорости преобразований на этом месте и самого этого места» [2, с. 15]. Топологическая рефлексия связывается автором, в первую очередь, с телом и четко определенным топосом, из которого она осуществляется. Топологическая рефлексия ставит в приоритет контекст мысли, которая формируется в определенных условиях и «тело-топос как целое – создает онтологические условия» [4, с. 172]. Топологическая рефлексия существует «как рефлексия разумного тела из определенного топоса» [2, с. 14]. Рефлексия такого рода отличается от более традиционного понимания рефлексии, которая связана с идеалом бестелесного взгляда и с позицией вечности. В. Савчук пишет, что «разумный человек не человек вне места и времени, не агент вечности, не застывший кадр» [4, с. 114]. Речь идет об отказе

от некоего трансцендентального субъекта в пользу человека, который собирается уникальным образом здесь и сейчас.

Топологическая рефлексия – «это рефлексия, производящаяся каждый раз с учетом активности объекта, учитывающая и фиксирующая изменение своего местоположения» [4, с. 176]. Топологическая рефлексия отсылает к непрерывности процесса существования объекта и включенности абсолютно всех действий и воздействий, связанных с его бытийностью. Важным фактором при этом оказывается топос мысли, «топологическая рефлексия исходит из центра событий, анализирует причины происходящего, рискует предложить свое решение. Она реанимирует вопрошание об истине, полагая ее уместность и разрешимость лишь в определенном топосе, границах, пространстве-времени» [4, с. 117]. Манифестируя утверждение о том, что «Топологическая рефлексия не вне места, она всегда уместна» [4, с. 144], В. Савчук указывает на очень важный аспект такой рефлексии: субъект, познающий тот или иной объект в четко определенном месте и времени всегда зависит от этого топоса, ибо существует в нем. Установка рефлексии, которая происходит из Нового времени, не дает указания о том, откуда и почему та или иная мысль мыслится, как именно акт познания включен в жизнедеятельность субъекта. Топологическая рефлексия «учитывает и собирает не только воздействия контекста, которые известны на данный момент, но и импульсы, идущие из тех условий, которые еще не схвачены и не удерживаемы в понятии» [4, с. 144]. В дискурсивном поле, в котором только формируется та или иная концепция, идея или мысль может еще не быть достаточно четких понятий, которые формируют их основу, но уже имеются некие импульсы, которые ухватываются на интуитивном уровне: «само сознание все более укореняется в контексте, в топосе, завися и от визуальной экологии» [2, с. 14]. Человек и его сознание встраивается и сливается с окружением, которое повсеместно его сопровождает. В. Савчук отмечает, что окружение исследователя становится его «внутренним Я» [3, с. 98].

Возвращаясь к импульсам, которые формируют контекст, стоит отметить, что они идут от условий, которые не учитывались прежде, ибо являлись так называемыми «слабыми воз- и взаимодействиями» [2, с. 14]. При всем этом они могут «сбравшись воедино, превышать традиционно признанные сильные воздействия» [2, с. 14]. В рамках того или иного топоса при определённых условиях эти импульсы могут оказывать гораздо более сильное воздействие на существование в событии.

Еще одним важным условием для топологической рефлексии является тот факт, что она не производится один раз и навсегда, оставляя за собой в качестве продукта непоколебимую истину, В. Савчук отмечает что она «не есть разовый акт, который повторяет себя в режиме зеркального тождества» [4, с. 162]. Рефлексия такого рода производится каждый раз заново, так как субъект и объект видоизменяются в рамках своего существования и обретают свойство текучести. В них постоянно происходят изменения: какие-то элементы утрачиваются, а какие-то приобретаются: субъекты и объекты – взаимоотражения «дрейфуют». «Топологическая рефлексия – это процесс

напряженного диалога и х составляющих, каждая из сторон которых перманентно трансформируется и видоизменяется» [4, с. 164]. Субъект и объект не тяготеют к тому, чтобы сохранить свое ядро и себя. Они создаются и пересоздаются не только самими собой, но и в рамках топологии, формируемой воздействиями, исходящими от других субъектов и объектов, существующих в точке здесь и сейчас. В этой связи российский исследователь отмечает, что «акт топологической рефлексии венчает не итог, но гарантирует процесс» [4, с. 163]. Также важным является то, что топологическая рефлексия по необходимости многократна и многомерна. Ее многомерность задается с различных «способов самоотчета, истоков мысли, различных форм рациональности и, наконец, разнообразия практик признания истины» [4, с. 162].

Любой концепт проявляется в том случае, когда в процессе интеллектуальных схватываний предполагается выявить нечто совершенно новое. Новые концепты конкурируют со старыми способами описания. В данном случае своеобразным «конкурентом» топологии выступает слово «пространство». Пространство, являясь местом нахождения и способом упорядочивания объектов, в тоже время оказывается весьма очевидной рациональной абстракцией. Однако понятием «пространство» не ухватываются и не проблематизируются непрерывные трансформации, происходящие с объектами, в это пространство включенными, отношения между которыми постоянно преобразуются и видоизменяются, приводят не только к изменению самих объектов, но и изменению форм пространственности [6].

Становление нового подхода, формирование новой методологии, всегда подразумевает своеобразный период перехода. Одновременное употребление в современных гуманитарных текстах слов «топология» и «пространство» на равных правах свидетельствует о таком переходе. К примеру, А. Смирнова одновременно использует такие выражения как «мыслительное пространство» [5, с. 45] и топологическая рефлексия, суть которой для нее в «возможности каким-то образом трансформировать нечто, не сводя его к унифицирующей единице» [5, с. 46]. Действительно, наличие «унифицирующей единицы» (меры) является отличительной особенностью пространства. Что же касается топоса, то он, скорее, есть место трансформаций, в котором еще не зафиксировалась та или иная мера.

Список использованной литературы:

1. Богатая Л.Н. На пути к многомерному мышлению / Л.Н. Богатая. – Одесса.: Печатный дом, 2010. – 481 с.
2. Савчук В. В. Топология дискурса: возможность выбора логических констант в организации пространства мира / В. В. Савчук, В. И. Разумов, И. А. Кребель. // АнтропоТопос. – 2008. – №1. – С. 7–20.
3. Савчук В. В. Феномен поворота в культуре XX века / Валерий Владимирович Савчук. // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – №1. – С. 93–108.
4. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. / В.В. Савчук. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 416 с.

5. Смирнова А. А. «Воскрешение субъекта» в условиях инфляции рациональности / А. А. Смирнова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2009. – №3. – С. 44–48.
6. John Law: Organizing Modernity / John Law. – Oxford: Blackwell, 1994. – 219 p.

Нерубаская А. А.

**БИФУРКАЦИОННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-
ПОВЕДЕНИЕ: СИСТЕМНО-ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

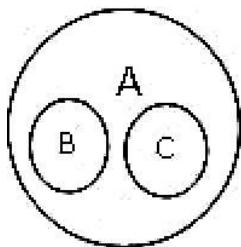
Предлагаю провести некоторый сравнительный анализ понятий «бифуркационное состояние личности», появившееся с развитием синергетики в гуманитарной области и проникнувшей в философию, и «копинг-поведение», имеющееся у психологов. Определим их дескрипторное место в иерархии определения «система», данное профессором А. Уёмовым [1].

Философское понятие «бифуркационное сознание личности» мы находим в работах зарубежного исследователя В.П. Шалаева. В своих работах автор вводит понятие «личность с бифуркационным сознанием» или «бифуркационная личность» [2]. Он определяет бифуркационную личность как универсальный тип личности, порождаемый в переходные периоды развития цивилизаций и культур различных народов и мира в целом... это человек, чье сознание и поведение можно было бы назвать в высшей степени нестабильными, неопределенными, ... находящегося в состоянии ментального кризиса» [2, С.322]. Такой человек является социальным базисом всякой новой истории. В.П. Шалаев также говорит, что под эту категорию попадает немалая часть современного российского общества (от автора: и украинского тоже), являясь «наиболее удобным и востребованным по своим качествам человеческий строительный материал новой социально-культурной формы». Отмечается, что такими людьми легко манипулировать из-за их смешанного и миксированного сознания. Из отрицательных аттракторов такой личности, можно отметить ее деградацию: алкоголизм, наркомания, бомжевание и т.п. Есть и положительные аттракторы, которые привели личность к новому уровню осознания действительности, личностному росту и т.п. Но существуют и спорные аттракторы. По В. П. Шалаеву, человек с бифуркационным сознанием «готов для сохранения достигнутого уровня удовлетворения своих сформированных потребностей поддержать любую идею, систему ценностей, даже антиморальную, но гарантирующую ему стабильное существование. Это в некотором смысле эгоистичный, беспринципный, но цивилизованный в своих потребностях человек...» [3, С. 99]. Из вышесказанного понятно, что человек в бифуркационные моменты ищет подходящие исключительно для себя, как индивидуальности, аттракторы, чтобы преодолеть сложные ситуации. В психологии сходной проблематикой занимаются не так давно, тем более мало работ такого рода и в Украине.

Украинские исследователи отмечают, что в психологии проблема «копинга» появляется во второй половине 20 столетия и вводит этот термин Л. Мерфи, который исследовал «способы преодоления детьми условий, выдвинутыми кризисами развития... термин «coping» при этом понимался, как стремление индивида решить определенную проблему» [4, С.13]. Так вот, психологи акцентируют своё внимание на сложности таких исследований по причине того,

что люди по-разному могут преодолевать трудности (в философии: бифуркации) и реагировать на те, или иные стрессоры, поэтому возникают сложности с их классификациями. Личность со сформировавшимся бифуркационным сознанием – это уже не та личность, которая попала в точку бифуркации своего бытия, это уже личность, которая выбрала свой аттрактор и как следствие выбора с позиции «хорошо-плохо» получила не только положительный, но и сомнительный вектор своего существования. Психологи пошли еще дальше и разъединили понятие «преодоление стресса» и «копинг-поведение», считая их «разными формами активности» человека, что охватывают взаимодействие субъекта с заданиями и проблемами внешнего и внутреннего плана» [4, С. 13-14]. Понятие «бифуркационное состояние личности», которое включает и сам момент возникновения стресса, попадание личности в точку бифуркации, и аттрактор личности, т.е. процесс преодоления стресса и выхода из бифуркации как положительный исход или попадание в новую бифуркацию, как отрицательный исход, ближе к синтезу (соединению) психологических понятий «преодоление стресса» и «копинг-поведение», либо их можно рассмотреть как два разных аттрактора бифуркаций. В одном случае, как стратегию личности необходимо выбрать аттрактор «преодоление стресса», а в другом – «копинг-поведение». Различие этих понятий заключается в том, что «преодоление стресса» возникает, когда «сложность задания превышает возможности обычных реакций, делает недостаточным нормативное приспособление, требует новых ресурсов, при необходимости изменить поведение в трудных жизненных ситуациях, при хроническом влиянии стрессоров и негативных повседневных событиях. Преодоление ... появляется на когнитивном, эмоциональном и повседневном уровнях в форме разных стратегий противодействия стрессогенным факторам или стрессовым реакциям» [5, С. 122-133]. Здесь основное взаимодействие отвечает за взаимодействие человека и внешней среды. Используя терминологию системного анализа, можно отметить, что это отношение взаимодействия человека и среды занимает реляционный концепт системной модели бытия личности. Атрибутивной структурой могут быть личностные характеристики, которые человек вырабатывает при накоплении жизненного опыта и которые ему передаются на генетическом уровне. Субстрат – это сам человек.

Когда как «копинг» направлен на «индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией относительно к собственной логике, значимости в жизни человека и его психологических возможностей» [Цит по 4, С.14]. Направлен «копинг» на «обеспечение и поддержку благополучия человека, физического и психического здоровья и удовлетворенности социальными отношениями» [6, С. 17-27]. «Копинг» формирует структуру бытия личности, со свойствами благополучности, удовлетворенности социальными отношениями и т.д. Реляционным концептом в этой системе бытия могут быть отношения человека и его внутреннего мира, внутренней среды, которую формирует сам человек. Субстрат тот же: человек. Нужно отметить, что «преодоление» и «копинг» могут быть характерны одной и той же личности в разных бифуркационных точках

бытия. Тогда можно провести компонирование [7] выше описанных систем, что позволяет вырабатывать объективные способы борьбы со стрессами и искать эффективные выходы из жизненных бифуркаций (например так: $S_1 + S_2 = S_1$, отмечу, что это не единственный вариант компонирования, вариация компонирования зависит от каждого индивидуального случая).

В заключении, используя классическую логику и определение понятий, а также ошибки в определении («широкое – узкое определение»), обобщим наши выводы. Если рассматривать понятие «бифуркационное состояние личности», то оно является более широким, чем понятия «преодоления» и «копинга» в психологии. С помощью кругов Эйлера можно изобразить это отношение между понятиями как отношение включения: где А – бифуркационное состояние личности, В – преодоление, С – копинг.

Сформировавшееся «бифуркационное сознание» может быть как следствием стрессовых ситуаций, выработанное в виде защитного механизма к современной действительности, а также может стать причиной, которая потребует «преодоления» или «копинга». Процесс «преодоления ситуации» и процесс «копинга» – это аттракторы бифуркационного состояния личности, возникшего со стороны социального взаимодействия или любых природных катаклизмов, и требующее от человека определенных решений.

Список использованной литературы:

1. Уёмов А.И. Общая теория систем для гуманитариев: учебное пособие для гуманитариев / Уёмов А., Цофнас А., Сараева И. – Польша: Universitas Rediviva, 2001. – 276 с.
2. Шалаев В.П. Синергетика в пространстве философских проблем современности: Монография. – Йошкар-Ола: МГТУ. 2009. – 360 с.
3. Шалаев В.П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек – маркеры переходной истории / В.П. Шалаев // Социологические теории общества. Журнал Сервис Plus. – №2. – 2008. – С. 96–105.
4. Родина Н.В. Психология копинг-поведения: системное моделирование: монография / Родина Н.В. – Одесса: издатель Букаев ВВ., 2011. – 364 с.
5. Бодров В.А. Проблема преодоления стресса. COPING STRESS и теоретические подходы к его изучению / В.А. Бодров // Психол. журнал. – 2006. – Т. 27. – № 1. – С. 122–133.
6. Weber H. Belastung Verarbeitung / Weber H. // Für Klinische Psychologie. – 1992. – № 21 (1). – Р. 17–27.
7. Чайковский А.В. Некоторые проблемы синтеза и анализа систем / Чайковский А.В. // Логика и методология системных исследований. – К.; Одесса: Вища школа, 1977. – С. 125–133.

СЛОВО ОБ АВЕНИРЕ ИВАНОВИЧЕ: ДРУГЕ И МУДРЕЦЕ

Авенир Иванович – удивительный человек, гармонически сочетавший в себе колоссальный интеллект и высокую духовность. Он был добр, умел понимать душу другого человека, подсказать верное решение, одновременно отличался общественной активностью, был истинным патриотом, стремился быть в гуще и в курсе политических событий нашего времени. Отслеживал ситуацию в Украине и России, делал прогнозы, которые часто сбывались. Мы не во всех случаях сходились в оценках происходящего, порой симпатизировали разным политическим силам. Это объясняется, конечно, не одинаковым жизненным опытом (ведь он был старше меня и мудрее) и тем, что мы жили в ментально очень разных регионах Украины. Авенир Иванович послан был мне свыше, чтобы направлять и исправлять мою жизнь, ведь я порой теряла ориентиры в сложных перипетиях нашего переломного времени. И вот он пребывает в неведомой дали. Очень трудно смириться с тем, что больше не услышу его голоса хотя бы по телефону, не увижу веселого взгляда живых темных глаз. Не будет разговоров, обменов мнениями о жизни в Украине, о событиях в Одессе.

Мы познакомились в ноябре 1986 года в Одессе на Всесоюзной конференции «Системный анализ научного знания». С конца 1984 года я пребывала в аспирантуре на заочном отделении, писала диссертацию о структурном подходе в научном познании, живо интересовалась научными мероприятиями. Это была одна из первых конференций, где я пробовала свои возможности в научной работе, искала своё место в украинском научном сообществе. В Одессу из Киева вместе со мной прибыли Константин Минович Узбек, позже ставший доктором философских наук, профессором и зав. кафедрой в одном из Вузов Донецка; Олег Иванович Кедровский, профессор столичного (Киевского) университета и доцент педагогического университета г. Киева Василий Филимонович Музыченко. Все эти люди уже пребывают в лучшем мире. На одном из перерывов между заседаниями меня представили Авениру Ивановичу Уёмову. Первое впечатление о нём в моей памяти прочно связано с ощущением радости. Передо мной предстал солидный по комплекции, очень весёлый, добрый, яркий, человек. На его щеках играл румянец, и эта особенность впервые увиденного мной человека (заочно с его трудами по логике и системному подходу я была уже несколько лет знакома) вызвала у меня ассоциацию с солнцем.

В диссертации, подготовленной к окончанию аспирантуры, я существенно опиралась на широко известные в Советском Союзе работы Авенира Ивановича «Вещи, свойства и отношения» (М., 1963) и особенно «Системный подход и общая теория систем» (М., 1978). Внимательно изучала эти работы, конспектировала, пыталась понять сущность системного и других общенаучных подходов, их перспективы для будущего науки, сохранения природы и улучшения человеческой жизни. Мои усилия не пропали даром, и в феврале

1989 года состоялась защита моей диссертации. Авенир Иванович любезно согласился стать первым оппонентом. Он приехал во Львов, где в специальном зале Львовского госуниверситета имени И. Франко была назначена защита. Его встретили с большими почестями. Председатель специализированного совета Анатолий Васильевич Яртысь пригласил его в свой кабинет отдохнуть с дороги, выпить кофе, подкрепиться бутербродами. Защита моя прошла довольно гладко и, не в последнюю очередь, благодаря участию Авенира Ивановича. В противном случае нападения не удалось бы избежать, в ситуации защиты солидные коллеги не упускали возможности помучить диссертанта. Меня никто не мучил, ведь я закончила аспирантуру столичного вуза (прибыла сверху!) и у меня такой авторитетный оппонент. Скажу более, председатель совета А.В. Яртысь подошел ко мне и выразил восхищение уровнем подготовки работы и её защиты. Этот порыв, несомненно, был инспирирован могучим влиянием Авенира Ивановича на тогдашнее местное научное сообщество, в частности, на его львовское ответвление. Через три месяца после того, как были отправлены документы в ВАК, я стала кандидатом философских наук.

Впоследствии между нами завязалась дружеская переписка. Я обращалась к Авениру Ивановичу в трудных случаях моей жизни, просила советов, мы обсуждали политические события, делились впечатлениями о конференциях, в которых оба участвовали. Поздравляли друг друга с праздниками – Новым годом, Рождеством, Пасхой и др. Я бережно храню открытки, подписанные Авениром Ивановичем. Всегда, кроме принятых слов поздравления, он добавлял что-нибудь очень интересное, касающееся исключительно меня. Осенью 1990 года я участвовала в V Всесоюзной конференции «Интеллектуальные системы и творчество», которая проходила в Академгородке города Новосибирска. Летела самолётом с пересадкой в г. Томске целый день туда и целую ночь обратно. Авенир Иванович тоже был заявлен как участник этой конференции, но не смог прибыть из-за болезни. Я взяла для него в оргкомитете сборник тезисов, другие предметы, положенные участникам: программы, значки и пр. и послала почтой. Вообще мы часто писали друг другу о своей работе, о лекциях, об участии в общественной жизни, о книгах и статьях, намеченных для публикации или уже изданных. В его письмах много сочувственных слов по поводу разных событий моей жизни. Он утешал меня в тяжёлые дни моей скорби по поводу смерти родителей, умерших с разницей в два с половиной месяца. В письме от 10.07.1998 года Авенир Иванович писал мне: «Очень жаль Вас. Не могу найти слова, которые могли бы Вас утешить. Пересмотрел Бозция «Утешение философией», но и там не нашёл ничего подходящего. Остаётся сослаться на закон природы: всех нас ждёт смерть и хорошо, если родители умирают раньше детей. Надо найти в себе мужество и продолжать жизнь». Теперь, когда Авенир Иванович, знавший моих родителей (они встречались на моей защите), сам покинул этот мир, его слова обретают особенный смысл. Читаю и перечитываю эти письма – бесценное свидетельство тёплых и творческих контактов с уже ушедшим дорогим человеком, которым судьба в пору моей зрелой молодости одарила меня.

Мы обменивались интересными друг другу материалами. Большинство крупных, изданных Авениром Ивановичем единолично или под его руководством работ он передавал мне через коллег или присылал по почте. Я тоже посылала ему различные материалы. Такие замечательные книги: «Системные аспекты философского знания» (Одесса, 2000), «Общая теория систем для гуманитариев» (А. Уёмов, И. Сараева, А. Цофнас. – Wydawnictwo Uniwersytas Redivia, 2001), «Лекции и задачи по метафизике» (Одесса, 2009), «Метафизика: учебное пособие» (Одесса, 2010) с дарственными надписями остались мне не только на память, но и для творческой научной и преподавательской работы.

Вспоминается интересный эпизод. Мы (я и мой, к сожалению, уже покойный муж Виктор Савельев) буквально столкнулись с Авениром Ивановичем и его супругой Людмилой Николаевной Терентьевой в коридоре перед главным залом, в котором работал XIX Всемирный философский конгресс (Москва, 22-28 августа 1993 г.) Мы приехали на конгресс как делегаты. Основная организационная и финансовая поддержка этого форума обеспечивалась фондом М. Горбачёва. Бывший президент СССР выступал на пленарном заседании, и мне даже удалось взять у него автограф (он поставил его на обложке тезисов Конгресса). Общались мы с Авениром Ивановичем недолго, сфотографировались. Я надеялась, что ещё увидимся и поговорим подробнее, сообщим друг другу свои впечатления, ведь впервые конгресс такого уровня проходил в России. На конгрессе собралось примерно 1000 представителей философии многих стран мира. Впоследствии в письмах оба мы сожалели, что больше не довелось увидеться там. Не получились и не остались для истории наших отношений фотографии, где мы запечатлены вместе. Пленка по неосторожности и из-за малого опыта в фотографировании была засвечена мной.

Наконец, хочется поведать о самом большом проекте, который благодаря поддержке, помощи и активному участию в нем Авенира Ивановича, Марата Николаевича Верникова, Арнольда Юрьевича Цофнаса (к сожалению, уже покойных), Людмилы Николаевны Терентьевой, других замечательных людей славного города Одессы, удалось успешно осуществить. Речь идёт о подготовке и защите моей докторской диссертации. Я работала доцентом кафедры философии Национального университета «Львовская политехника», попала под начало активного творчески, очень доброжелательного ко мне человека – Петрушенко Виктора Леонтьевича, который стал впоследствии моим научным консультантом и с которым замечательно сотрудничаю и поныне. Постепенно возрождались надежды, казалось, утраченные навсегда в связи с обстоятельствами предыдущего места моей работы. Оживали некогда отложенные намерения в области научной работы. Появилось много новой литературы, ранее недоступной. Мне стало очень интересно работать дальше по философии. Я просила совета у Авенира Ивановича относительно дальнейшей работы, в том числе и по диссертации. Вот что он в одном из писем сказал: «Главное – писать ли докторскую диссертацию? Я отвечаю категорически утвердительно. Несомненно, да – это продлит Вашу жизнь. Доказано, что

активная умственная деятельность её продлевает. Но меня смущает выбор темы. Я почувствовал у Вас увлечение постмодернизмом. Я думаю, что это – тупик в философии. В 1995 я был в Варшаве и слушал доклад философа – профессора из Швейцарии. Он заявил, что постмодернизм – это проститутки и побирушки. Думаю, что профессор был прав. Поэтому я Вам советую вернуться к Вашей старой теме – к понятию структуры. Здесь будет много нового и интересного в связи с успехами параметрической общей теории систем. И я охотно соглашусь быть Вашим консультантом по такой теме».

Сейчас очень интересно читать эти строки, после того, как всё свершилось. Получилось в основном так, как он и предвидел: я вернулась к работе о структуре, только это в значительной мере было инспирировано появлением в недрах постмодернизма новой формы философии структуры – постструктурализма. Активная творческая работа продлила мне жизнь (летом 2004 года оказалась я на грани жизни и смерти, но жажда жизни победила). Обретя опыт и цель, с новых позиций вчитывалась я в труды Авенира Ивановича о параметрической общей теории систем и её применении в разных сферах, в том числе философии. Авенир Иванович любезно согласился быть, правда, не консультантом, как он писал в письме, но официальным оппонентом. Состоялась защита, мне присуждена степень доктора философских наук, ректор Национального университета «Львовская политехника» Ю.Я. Бобало торжественно вручил мне на заседании большого совета университета диплом доктора наук, вскоре меня избрали на 5 лет по конкурсу профессором кафедры философии.

Защита на философском факультете Одесского национального университета имени И.И. Мечникова длилась около 5 часов. Было тяжело, но я чувствовала доброжелательное отношение и поддержку всех без исключения членов совета. Авенир Иванович выступал за трибуной примерно 45 минут. После защиты направились в кафе неподалёку, где был заказан ужин. Авенир Иванович и Людмила Николаевна медленно шли по тротуару мимо недавно отреставрированного лютеранского храма, который в Одессе называют Кирхой. Я ушла вперёд, чтобы посмотреть, всё ли подготовлено к банкету. Несколько человек пошли со мной. И вот сидим в ресторанчике и ждём остальных. Почему-то долго нет ни Авенира Ивановича, ни Людмилы Николаевны, ни Арнольда Юрьевича Цофнаса, ни моего мужа Виктора Савельева. В беспокойстве бегу узнать, в чём дело. Вижу следующую картину. Авенира Ивановича несут сидящим на чём-то через дорогу. Сердце тревожно забилось. Оказалось, что при переходе дороги, прямо на середине, ему стало плохо. Тут же нашли стул, посадили его и перенесли на другую сторону улицы. Вскоре Авенир Иванович пришёл в себя, но отмечать событие они с Людмилой Николаевной уже не пошли, уехали домой на такси. Людмила Николаевна сказала, что больше не позволит ему бывать на защитах. Но это была, как оказалось, не последняя защита, в которой он участвовал.

Хотя прошло уже несколько лет, но и теперь плохо укладывается в сознании тот факт, что Авенир Иванович Уёмов завершил свою жизнь и пребывает в

вечности. С ним ушла целая эпоха в философии славянского (и европейского) мира. Там, за пределом, где ныне пребывает его душа, я уверена, нашёл он успокоение и отдыхает от забот своей многотрудной насыщенной жизни и с любовью взирает на нас, пока остающихся здесь, чтобы продолжить и творчески развивать его интеллектуальное наследие.

ІНТЕРІОРИЗАЦІЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕННЯ У «ВНУТРІШНЬОМУ ДОСВІДІ» Ж. БАТАЯ

Поняття жертвоприношення займає в філософському есе «Внутрішній досвід» Ж. Батая (так само як і в інших текстах з теорії релігії чи економіки, філософських есе чи порнолатричних оповідях) панівне місце. Жертвоприношенням стає пізнання та поезія, а поняття самості (*ipse*) та суверенності визначається можливістю акту страти.

Жертвоприношення так чи інакше присутнє у всіх культурах і є головним ритуалотворчим фактором релігії. Фундаментом християнства і апофеозом західної культури служить принесення в жертву Христа, що стає не лише головною історичною подією, а й персональним центром, довкола якого вибудовує свій внутрішній досвід віруючий. Висхідною точкою Батаєвої думки про внутрішнє жертвоприношення (самострату) у «Внутрішньому досвіді» є сукупність потрактувань поняття інтеріоризованої ритуальності. Насамперед, йдеться про трансформація ритуального в спіритуальне в християнстві. Зі знищенням Єрусалимського храму у 70 році, починається новий період «занепокоєння собою» (*souci de soi*), що веде до інтеріоризації релігійного. Він знаменує трансформацію поняття персони, рецепції себе, свого тіла та душі, живого та мертвого, індивідуального та колективного. У іудаїзмі та християнстві припиняють практику жертвоприношення, замінюючи її оповіддю – фабуляторна функція домінує над ритуальною, відбувається еволюція від ритуального до спіритуального [3]. Якщо раніше релігія спиралась на відношення суміжності (*reciprocité*), то зараз вона базується на символічному дарові себе, що призводить до трансформації поняття спільноти та релігійної географії (особливо поняття внутрішнього та зовнішнього). Традиційне зображення жертвоприношення ресемантизується в контексті християнства: «даруючий» трансформується в «дарованого», при чому суб'єкт релігійного досвіду зберігає обидва предикати.

Sacrificium intellectus позначає рух пізнання через ідентифікацію зі шляхом на Голгофу. З одного боку, *sacrificium intellectus* – це відмова використовувати розум, відмова від раціонального на користь служіння авторитету (Богові). Редукування людини до сліпої покори вищій інстанції відбувається за рахунок жертвування інтелекту заради підпорядкованості догмам. З іншого боку, жертвенний вимір включає поняття деперсоналізації акту філософствування. *Sacrificium intellectus* – це звільнюючий акт відмови від індивідуального (*ego*) направлений на покращення здатності філософствувати [3; с.72].

Досвід самострати (наприклад, у К'єркегора чи Ніцше) у Батая диференціюється від акту філософствування як концептуальної страти, де наряду з переживанням інтеріоризованої страти (*expérience du supplice*) відмежовуються поняття знання страти (*connaissance de supplice*) та пізнання як страти (*acte de connaissance en tant qu'un supplice*).

Так внутрішній досвід у Батая набуває наступного значення: «Недостатньо (в)пізнати (*reconnaitre*), це не залучає до гри дух, потрібно також, щоб це (в)пізнання (*reconnaissance*) відбулося в серці (напівсліпі внутрішні порухи...). Уже не філософія, а жертвоприношення (сполучення). Дивний збіг між наївною філософією жертвоприношення (в стародавній Індії) і філософією не-знання, що себе страчує: жертвоприношення, порух серця, перенесений у пізнання (від зародження до сьогодні відбулася інверсія: стародавній рух йшов від серця до розуму, сьогодні ж – навпаки)» [1; с. 65]

«Напівсліпі внутрішні рухи» здійснюються пінеальним оком, як сліпим органом не-знання, що протиставляється шишковидній залозі Декарта, топосу поєднання душі та тілі та символу раціоналізму. На противагу раціональному дискурсивному пізнанню Батаєве не-пізнання здійснюється в пасивному модусі інтуїтивного недискурсивного, чийм крайнім вираженням стає образ Ацефала (гр. *ἀκέφαλος* – обезглавлений), позбавленого інстанції дискурсивного. Жертвоприношення стає «порухом серця [душі], перенесеним у пізнання».

Батаїв злам відбувається у перевертанні парадигми: рух від серця до розуму (що зберігається у картезіанській парадигмі, де дискурсивне пізнання покоїться на інтуїтивному) замінюється поверненням від розуму до серця. І в цьому він безперечно виходить за рамки руху «*sacrificium intellectus*» як відмови від розуму, раціонального міркування на користь покірності, що зводить людину до сліпого служіння вищому авторитету: принести в жертву власний інтелект, щоб підкоритися догмам. Батаєве жертвоприношення направлене на страту, що веде до сполучення, до вивільнення енергії, та не підпорядковується авторитету (Богові, науковому пізнанню). «Якби в мене був авторитет, то все в мені перетворилося б на рабство, я признав би себе «винувним» [1, 70]. Тоді як «сам внутрішній досвід є авторитетом [...] він має бути спокутуваний» [1; с. 67]. В Батаєвому внутрішньому досвіді в жертву авторитету (моєму внутрішньому досвіді) приноситься сам авторитет (мій внутрішній досвід). Звідси виникає необхідність самострати як філософського та літературного методу.

Список використаної літератури:

- 1) Bataille G. *L'expérience intérieure*, Paris : Gallimard, 1943.
- 2) Stroumsa G. (2005) *La fin du sacrifice. Les mutations religieuses de l'Antiquité tardive*. Paris : Odite Jacob. 214 p.
- 3) Veillard-Baron J-L. *Se sacrifier. Le sacrifice de l'identité dans la philosophie, la kénose et l'expiation*,

Пунченко О. П.

**«ГЕОМЕТРИЯ» МЫШЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА
А.И. УЕМОВА**

Анализ философского творчества профессора А.И. Уемова отражает движение его научной мысли в познании, характерной чертой которого было действие. Еще В.И. Вернадский, исследуя становление и развитие научной мысли, отмечал, что «научная мысль – научное творчество и научное знание идут в гуще жизни, с которой они неразрывно связаны» [1, с. 287]. Это его утверждение – своеобразный индикатор для осмысления и измерения философского творчества А.И. Уемова.

Однако, в этом триумvirате он отдает приоритет научной мысли, движение и развитие которой в его творчестве тесно было связано с логикой и математикой – главными способами построения научных теорий. Это подтверждает его отношение к глубокому исследованию творчества Аристотеля, особенно его логики, и к возникшей, уже намного позже математической логики Дж. Буля. Венцом этого единства стала разработка А.И. Уемовым языка тернарного описания для общей параметрической теории систем. Все богатство его философско-эпистемологических воззрений пронизывает исследование логики научного мышления, которое выступает ядром обоснования концептуальной сущности конкретной научной проблемы.

Обращение к процессу обоснования сущности исследуемой проблемы показывает несовпадение взглядов на данную проблему в целом, как отдельного философа, так и придерживающегося единого мнения на ее ипостась конкретной научной школы, научной среды. Эти исходные установки можно обнаружить в ряде философских и естественнонаучных школ, как конфуцианство, даосизм, неоплатонизм, перипатетики, дарвинизм, менделизм и др. Что же лежит в основе разделения мнений отдельных ученых и научных школ на видение сущности одной и той же проблемы? Ответ прост: «геометрия» их мышления. Ученые всегда стремились адекватно реагировать на возникающие трудности познания соответствующим научным философским «мыследействием», особенностями личной «геометрии» мышления, что представляло проблему в различных ракурсах и ипостасях.

«Геометрия» мышления – это не порождение рациональности XX века, особенно, как ее хотят репрезентировать, постнеклассической. Она сопровождает весь тернистый путь познания субъектом объективной реальности. Это форма движения его мысли, момент развития познания, слагаемое познания. Она обнаруживается в иронии сократовского метода познания, ставящего целью познание истины путем приведения собеседника к противоречиям в суждениях с самим собой, а, следовательно, к признанию собственного невежества, и из-за узконаправленной «геометрии» его мышления. Особое исследование проблемы «геометрии» мышления, как истока многомерного мышления, заложил Б. Паскаль. Часто философы, обращаясь к

проблеме становления методологии научного познания, апеллирует в работе Антуана Арно «Логика или Искусство мыслить», не указывая на большую заслугу второго ее автора – янсениста П. Николя. Тем более никто не обращает внимания на третьего соавтора этой работы Б. Паскаля, написавшего ее VI раздел «О геометрическом уме». Он считал, что все, что превосходит геометрию мышления, превосходит и нас, но мы бессильны проникнуть в суть вещей. Личную «геометрию» ума он пытается раскрыть как противоречивый субъективный процесс. Он пишет: «Почему нас нисколько не сердит хромой на ногу, на так сердит хромой разум? Дело просто: хромой на ногу признает, что мы не хромоноги, а недоумок считает, это у нас ум с изъяном, потому он и вызывает в нас не жалость, а злость» [Цит.: по 2, с. 137].

Но что же представляет собой логико-гносеологический и социокультурный феномен – «геометрия» мышления? Как сложный многомерный феномен она представляет собой опережающее, еще не подтвержденное практикой, видение смысла и сущности исследуемой проблемы. Она может быть обоснована в качестве абдукции, то есть «этапа познавательной деятельности, состоящего в формировании умозаключений на основе эмпирических фактов и предшествующей выдвижению объясняющей их гипотезы» [3, с. 76].

«Геометрия» мышления отражает степень личностного понимания субъектом познавательной проблемы, а рациональность, стремясь раскрыть ее сущность, направляет и конкретизирует этот познавательный процесс через адекватный эпохе методологический инструментарий. Следовательно, каждая наука достраивает смысловую «нагруженность» своего содержания через формирование нового содержания своих концептов. Например, квантовая механика постоянно достраивает свое содержание через принцип дополнительности Н. Бора; концепт причинности породил различные формы детерминизма и индетерминизма; в объективном идеализме эмпирические объекты обретают сверхприродные, онтологические основания (Платон, Лейбниц, Гегель). Такими примерами пестрит вся история научно-философской мысли.

А какова же «геометрия» мышления профессора А.И. Умова? Ареал его исследований поражает своей широтой, но смысловым Столпом его философской жизни явилась созданная им общая параметрическая теория систем. Идеи основателя системного анализа Л. фон Берталанфи не могли стать научной догмой в условиях развертывающейся постнеклассической рациональности, его заслуга заключалась не только в репрезентации нового научного метода, но и в необходимости обращения внимания ученого мира на эту проблему. Эффект был конструктивен, поскольку новый метод стали применять не только к анализу естественных наук, но и к широкому спектру гуманитарных. Разворачивается «геометрия» мышления философской среды, относительно исследования сущности системного анализа, которая отразилась в концепциях М. Месаровича и Я. Тахакары; В. Сагатовского; В. Садовского; И. Блауберга и Э. Юдина; А. Ракитова, Э. Сороко, Г. Хакена, М. Портера и многих других.

Философская мысль репрезентировала в структуре системного анализа разработанную А.И. Уемовым общую параметрическую теорию систем. Новизна его концепции заключалась в следующем: во-первых, он исследует сущность системы через наличие в ней системных параметров – атрибутивных и реляционных, первым он отдает предпочтение, что позволило конкретизировать системный анализ; во-вторых, он формирует язык тернарного описания для более глубокого понимания смысловой «нагруженности» системы. Это его научное открытие было признано мировым философским сообществом.

Отличительной чертой его как ученого выступает его коммуникабельность. Он постоянно делился новыми идеями и, внедряя их в науку через своих докторантов и аспирантов, создавая при этом свою научную школу. Его идеи пронизывают творчество профессора А.Ю. Цофнаса, доцентов Нерубасской А.А., Ляшенко Д.Н., Райхерта К.В. и многих других. Мне лично хорошо это известно, поскольку я неоднократно оппонировал диссертации его аспирантов, являюсь членом Специализированного совета по защите докторских диссертаций по философии, где защищались соискатели не только лично им подготовленные, но и прошедшие через его школу.

Становление научной школы требует интеграции ряда научных дисциплин, а значит и междисциплинарного взаимодействия ученых, результатом которого выступает уточнение, дополнение, смысло-соразмерное содержание общей параметрической теории систем. В школе А.И. Уеова к базовым дисциплинам можно отнести философию, логику формальную и математическую и математику. Интеграция дисциплин должна формировать три уровня знаний: общетеоретическое, частнотеоретическое и мировоззренческое. Это открывает перспективы для развития научной школы.

Конструктивное функционирование научной школы связано: с научными потребностями, которые вырастают из практики развития научного знания; с научными способностями, мобилизующими адептов научной школы защищать свои идеи и эффективно решать исследуемые проблемы (это интеллектуальный потенциал школы); с научной деятельностью членов школы, через которые идет процесс реализации научных потребностей и научных способностей.

Научная школа – это особое, специфическое, связанное разработкой одной тематики, образование в структуре научной сферы. «Организационный период становления научной школы является наиболее важным. Здесь формируются системообразующие параметры научной школы – лидер, научное направление, объект исследования, методология, сообщество коллег, результаты, общественное признание» [4, с. 56].

Именно эти характеристики заложены в научной школе профессора А.И. Уеова. Но недостаток научных школ заключается в том, что они «могут формироваться во времени, соразмерном продолжительности поколения исследователей (30 лет)... В значительной степени такие объединения ученых, исследователей базируются на лидере. Интеллектуальный потенциал лидера определяет не только сплочение исследователей, но и их совместную работу по изучению единого объекта с позиций единой методологии» [4, с. 56]. Но научные

школы всегда существуют в едином социальном времени.

В научной школе на основе общенаучного метода и базовой операции социально-гуманитарного знания – интерпретации, устанавливаются значения и смыслы понятийный вербальных выражений и структур.

Придерживание адептами идеи научной школы позволяет рассматривать ее как внутреннюю парадигму развития, которую признают все члены этой школы с одной стороны, а с другой – как проявление коммуникативной «геометрии» мышления научной школы, связывающей воедино формирование общего представления о сущности и смысловой «нагруженности» исследуемого феномена. Это новый срез рациональности, в котором имеет место «передача информации от человека к человеку в самых разных формах... при посредстве которых происходит обмен информацией... но такая передаче и обмен информацией, которая имеет целью не сам процесс ее передачи, а какое-либо (обучающее или иное) воздействие на людей с помощью информации» [5, с. 9].

Такие типы коммуникации в науке называют смысловыми. Они составляют теоретический фундамент, на котором разворачивается деятельность научной школы, идет бурный процесс формирования коллективной «геометрии» мышления среды научной школы, но уже на информационно-коммуникативном уровне.

В этом случае, коллективная «геометрия» мышления отражает, во-первых, пространство внутренней коммуникации ученого, в данном случае А.И. Умова, как творческого источника формирования научной школы. Он предполагает внутренний диалог ученого с самим собой по исследуемой проблеме. В этом мышлении заблуждение и истина могут переплетаться как аттрактор движения к истине. Во-вторых, пространство межличностной коммуникации. С этого пространства и разворачивается коммуникативная «геометрия» мышления научной школы. Здесь имеет место реальное бытие Другого в процессе коммуникации. Основной формой этой коммуникации выступает диалог, который выводит инициатора коммуникации за «пределы себя» и посредством которой последний репрезентирует свои научные идеи Другому. Диалог – это идеальный тип взаимоотношений, который может осуществляться как при сходе или принципиальной совместимости друг с другом тех рациональных установок, на которых базируется мировоззрение субъектов этого процесса. В таком случае диалог есть основа, суть взаимопонимания этих субъектов, в нем дух Целого прокладывает себе путь через систему информационных отношений и при этом одним из участников диалога не навязывается свое видение истины, а имеет момент со-понимания визави, чтобы он не оказался вне коммуникативной интенции, тогда «геометрия» мышления в этой межличностной коммуникации будет нарушена и поиск истины не даст позитивного эффекта.

Применительно к научной коммуникации, как важнейшему средству поиска истины, можно вести речь о научной школе, содержательное и культурно-ценностное значение, которой трудно переоценить. Научная школа, посредством коммуникативного взаимодействия субъектов ее составляющих, формирует:

- а) «геометрию» мышления субъектов научного познания;

б) способствует формированию стиля научного мышления этого субстрата. Стиль мышления – это система наиболее общих познавательных установок, направляющих познавательный процесс в соответствии с определенном способом репрезентации исследуемой реальности. Стиль мышления сложен по своей архитектонике и включает в свое содержание следующие компоненты:

- эпистемологическую сферу, как совокупность субстратных, релятивных и двойных (материальных и идеальных) элементов;

- стилевую установку, задающую конкретный способ репрезентации исследуемой проблематики реальности или артефакта;

- совокупность методологических установок эмпирического или теоретического характера, конкретизирующих стилевую установку;

- исследовательскую программу, соединяющую стилевые установки мышления с содержанием конкретно-научного исследования.

Детерминирующее значение в формировании научного стиля мышления имеет формулировка познающим субъектом стилевой установки, которая определяется спецификой познавательных целей, а также характеристикой ценностных ориентации на данном этапе развития науки. Под ее воздействием объект познания предстает как жестко детерминированная или вероятностная, относительно стабильная или быстро развивающаяся система, функциональное образование или саморазвивающийся объект, обладающий определенной системной организацией и способный эволюционировать под воздействием внутренних источников движения;

в) утверждает новые формы и методы достижения истины.

Научная школа – это конкретное сообщество ученых, интеллектуалов, образующих особое пространство циркуляции научной мысли. Научная школа – это конструктивный диалог, в потоке которого возможен напряженный поиск истины. Это бескорыстный, безвозмездный обмен знаниями и идеями, образующий плодотворный слой, на котором выращиваются не только взгляды, но и таланты. Научная школа – это место, где складывается постоянное и взаимное стремление к пониманию Другого. Эта школа предполагает признание Другого, его самоценности и право на соучастие в творческом поиске. Другой признается в его неповторимости и своеобразии. В школе парит дух благодарности за возможность общения. Это школа формирования интеллигента, интеллекта, совершенствования интеллигентности и проверка на интеллигентность. Характеризуя научную среду (в нашем случае школу), В.В. Позняков пишет: «Среда имеет традиции, т.е. комплекс присущих только ей «ритуалов», формализованность которых допустима постольку, поскольку не превращает общение в серое и обязывающее участие. Разрушение среды ведет к угасанию научных сообществ, как живых организмов. Без среды сообщество – это тело без души. Сохраняя внешнюю упорядоченность, организацию, структурность, она утрачивает дух уважительного и бескорыстного творчества» [5, с. 34].

Следовательно, отмеченные характеристики научной школы, как особой коммуникативной атмосферы, дают возможность утверждать, что она не только

организующее начало поиска истины, но и необходимое условие формирования индивидуальной и коммуникативной «геометрии» мышления в этом процессе.

Таким образом, научная деятельность профессора А.И. Умова ознаменовалась его неопределимым вкладом в развитие системного метода через репрезентацию и обоснование сущности общей параметрической теории систем, а также через формирование научной школы, развивающей и по сей день его идеи.

Список использованной литературы:

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
2. Таранов П.С. 120 философов / П.С. Таранов // Паскаль. – Симферополь: Реноме, 2002. – С. 125-144 (704).
3. Водопьянов А.А. Философия и методология науки / П.А. Водопьянов, П.М. Бурак. – Минск: БГТУ, 2006. – 128 с.
4. Зеленов Л.А. История и философия науки / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров, В.А. Щуров. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 472 с.
5. Позняков В.В. Современные типы коммуникаций в науке / В.В. Позняков // В кн.: Национальная философия в современном мире. – Минск: Право и экономика, 2010. – 143 с.

ТРИ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ВЕЩИ» В ЭМПИРИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ А. И. УЁМОВА

В статье «Онтологические предпосылки логики» А. И. Уёмов обозначает свою позицию как «эмпирический реализм» [4]. Эмпирический реализм А. И. Уёмова – это учение о вещах, свойствах и отношениях, философская концепция, которая лежит в основании языка тернарного описания, параметрической общей теории систем, теории моделирования и теории выводов по аналогии А. И. Уёмова. Можно сказать, что учение о вещах, свойствах и отношениях является метафизикой (в значении «первой философии» Аристотеля) А. И. Уёмова.

Как уже отражено в названии учения А. И. Уёмова, эта концепция строится на трёх философских категориях – вещи, свойстве и отношении. Настоящий текст имеет дело только с одной категорией – вещью. Я предлагаю взглянуть на то, как со временем менялась характеристика понятия «вещь» в работах А. И. Уёмова.

Для того чтобы получить первую характеристику понятия «вещь» в своей книге 1963 года «Вещи, свойства и отношения» А. И. Уёмов обращается к определению понятия «предмет», которое предложил советский логик Н. И. Кондаков: «Предмет – это всякая материальная вещь; то, на что направлена мысль, что составляет её содержание» [1, с. 472]. Здесь А. И. Уёмов игнорирует часть «всякая материальная вещь» и сразу переходит к части «то, на что направлена мысль, что составляет её содержание» – для него вот это «то, на что направлена мысль» является указанием на то, что предметом может быть всё что угодно – как конкретные предметы, так и абстрактные предметы [3, с. 32].

Далее А. И. Уёмов делает следующий шаг: отождествляет «предмет» и «вещь», делая тем самым вещью всё то, на что направлена мысль, <составляющее её содержание>. Это позволяет снять представление о вещи как о чём-то телесном, физическом, с жёсткими пространственными границами и заявить о качественном понимании вещи.

Между тем для А. И. Уёмова логического представления о предмете недостаточно для поддержки качественного понимания вещи; необходимо также лингвистическое (грамматическое) представление о предмете. Данная необходимость основывается на допущении А. И. Уёмовым того, что, несмотря на то, какую бы философскую позицию (номиналистическую или реалистическую, идеалистическую или материальную и т. д.) не занимал логик, он, «создавая логическую теорию, не может не пользоваться естественным языком, который навязывает ему гораздо более богатую онтологическую модель» [4, с. 71]. Поэтому А. И. Уёмов обращается к определению понятия «предмет», который взят из учебника грамматики русского языка: «Предметом в грамматике называется всё то, о чём можно спросить “Кто это?” или “Что это?”» [2, с. 51], и комментирует его следующим образом: «“Кто это?” или “Что это?” можно спросить про всё, на что направлена наша мысль, независимо от того,

будет ли это предмет материального мира или его отражение в голове человека. Таким образом, грамматическая категория предмета соответствует логической и тем самым качественному пониманию вещи» [3, с. 33]. Более того, вещь обычно выражается в языке с помощью такой части речи, как имя существительное [4, с. 71]. Таким образом, в своих ранних работах («Вещи, свойства и отношения» и «Онтологические предпосылки логики») А. И. Уёмов понимает под «вещью» **то, что тождественно «предмету», и то, на что направлена мысль, составляющее содержание последней.** Однако уже в поздних работах (например, в монографии «Системные аспекты философского знания») можно найти отличающуюся характеристику понятия «вещь»: «В общем случае под “вещью” **можно понимать всё то, о чём можно что-то сказать**» [5, с. 26]. При этом он продолжает полагать, что «вещь» в языке выражается через имя существительное. Беглое сравнение между двумя определениями понятия «вещь» свидетельствует о переходе от мышления к языку, как будто в представлениях А. И. Уёмова объект логики сменился с мышления на язык. Если это свидетельство верное, то возможно этот переход от мышления к языку в философии А. И. Уёмова требует отдельного серьёзного изучения.

Между тем в контексте сказанного выше для истории философии наиболее значимым вопросом должен быть следующий: «Если “вещь” отождествляется с “предметом” (а в некоторых работах А. И. Уёмова также с “объектом”), то какова целесообразность употребления слова “вещь”, когда можно обойтись одним словом “предмет”?» Сам А. И. Уёмов не отвечает на этот вопрос. Ничего не проясняет даже присутствие цитаты из книги по логике Н. И. Кондакова в монографии «Вещи, свойства и отношения»: в процессе определения понятия «предмет» Н. И. Кондаков обозначает его как «всякая материальная вещь», тем самым допуская, что, помимо «материальных вещей», есть «нематериальные вещи», что делает понятие «вещь» родовым понятием по отношению к понятию «предмет». Однако именно эту часть определения понятия «предмет» А. И. Уёмов не цитирует, пропускает, игнорирует. Почему – не ясно. Более того, несмотря на то, что А. И. Уёмов предпочитал апеллировать к здравому смыслу (то есть очевидному) и повседневному использованию естественного языка, в случае «вещи» он не приводил никаких примеров употребления слова «вещь» не как обозначения конкретных тел, например, таких как «Вчера со мной произошла странная вещь» (здесь «вещь» отсылает к какому-то случаю, событию, какой-то ситуации, а не к конкретному физическому телу). Можно только догадываться, какая крайняя необходимость побудила А. И. Уёмова использовать слово «вещь» вместо слова «предмет» в рамках своего эмпирического реализма. Так, к примеру, можно было бы предположить, что использование понятия «вещь» стало результатом прояснения этого понятия, логического или лингвистического. Однако самого процесса лингвистического или логического прояснения понятия «вещь» в монографии «Вещи, свойства и отношения» нет, а в последующих работах А. И. Уёмов уже использует готовое определение понятия «вещь», также не объясняя, как он сам пришёл к этому определению. Единственное прояснение понятия

«вещь», данное А. И. Уёмовым, – это его нетривиальное определение (точнее – характеристика) понятия «вещь» через понятия «свойство» и «отношение»: (1) *«Вещь – это свойство отношения»* и (2) *«Вещь – это отношение свойства»*.

Таким образом, в работах А. И. Уёмова, написанных в разные годы, можно встретить три характеристики понятия (категории) «вещь»:

1. Вещь – это то, что тождественно предмету, а также то, на что направлена мысль, составляющее содержание последней.
2. Вещь – это всё то, о чём можно что-то сказать.
3. Вещь – это свойство отношения или отношение свойства.

Список использованной литературы:

1. Кондаков Н. И. Логика / Николай Иванович Кондаков. – Москва: Учпедгиз, 1954. – 514 с.
2. Матусевич М. И., Щерба Л. В. Фонетика / Маргарита Ивановна Матусевич, Лев Владимирович Щерба // Грамматика русского языка: [в 2-х тт.] / под общ. ред. Л. В. Щербы. – Т. 1: Фонетика и морфология. – Москва: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 49–100.
3. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения: [репринтное издание] / Авенир Иванович Уёмов; отв. ред. П. В. Таванец. – Одесса: Печатный дом, 2015. – 184 с.
4. Уёмов А. И. Онтологические предпосылки логики / Авенир Иванович Уёмов // Вопросы философии. – Москва, 1969. – №1. – С. 67–77.
5. Уёмов А. И. Системные аспекты философского знания / Авенир Иванович Уёмов. – Одесса: Негоциант, 2000. – 160 с.

ВИЗНАЧЕННЯ ГОСПОДАРСТВА В КОНТЕКСТІ ПАРАМЕТРИЧНОЇ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ

Грунтуючись на основах спадщини Авеніра Івановича Уйомова та принципах параметризації складних нерівноважних систем можливо визначити господарство як складну нерівноважну систему. Визначення, калібровка та параметризація господарства як складної нерівноважної системи може бути здійснена шляхом виділення керуючих повільно релаксуючих параметри, корелюючих з станом системи.

К.В. Райхерт, грунтуючись на [1;2] підкреслює позицію А.І. Уйомова, маючу назву «емпіричний реалізм». Емпіричний реалізм працює зі структурною моделлю світу атрибутивно-реляційного типу, тобто моделлю з нежорсткими межами між речами, властивостями і відносинами в силу релятивності, функціональності самих речей, властивостей і відносин [3].

До керуючих параметрів господарства, відповідно до його логосного, енергійного та субстанційного вимірів можливо віднести такі, що відповідно відображають стан цих буттєвих вимірів. Тобто параметри, відображаючи онтологічно повноту господарства. Параметризувати, таким чином, належить рівень логосного розкриття господарства, рівень та якість енергії і онтологічну чутливість субстанції - матерії господарського буття.

У економічній теорії похідні параметри можуть бути визначені як ступені свободи господарських суб'єктів - відображаючи логосний вимір; рівень ділової активності підприємств - відображаючи енергійні характеристики господарства; та інноваційна чутливість (зворотний параметр економічної інерції), відображаючи онтологічну чутливість господарської субстанції.

Ступінь сприйнятливості соціально-економічних систем до змін може бути виражена через ступінь їх стійкості / нестійкості, а оцінка сприйнятливості до змін, викликаних саме інноваційним процесом, може бути отримана через завдання специфічного способу опису соціально-економічної системи. Вибір способу опису соціально-економічної системи, що дозволяє оцінювати сприйнятливості до змін, викликаних інноваційним процесом.

Визначення ступеня і характеру нестійкості системи можливо через побудову математичної моделі з розрахунком показників стійкості / нестійкості або через параметри порядку. В силу того, що соціально-економічна система в періоди нестійкості сприйнятлива навіть до найменших збурень, кількість факторів враховуються при класичному математичному моделюванні буде прагнути до нескінченності, а сама модель прийме некеровано великі розміри.

Саме параметри порядку дозволяють нам радикально зменшити складність системи, що вивчається і відносно простим чином описати функціонування і розвиток складно-організованої, багатовимірної системи, поведінка якої на рівні елементів може бути неочевидним і хаотичним. Параметри порядку - це нестійкі характеристики системи, що погоджують поведінку окремих частин системи [4].

Г.Хакен описував поняття «Параметри порядку» як фактори, що визначають поведінку окремих частин складної системи. Визначальним для таких факторів є наявність загального «вікна» в ступенях свободи вельми різномірних компонентів систем, здатних до складного поведінки. Наявність такого «вікна» дозволяє компонентам, навіть дуже важко поєднується і мало сумісним, узгоджувати свою поведінку.

Процедура виявлення параметрів порядку досить проста і включає в себе всього два етапи: виявлення нестійких характеристик системи і ранжування їх за швидкістю досягнення нового стійкого стану після значних впливів (швидкості релаксації). Найповільніші нестійкі характеристики і є параметрами порядку. Однією з істотних особливостей і труднощів використання параметрів порядку є факт того, що це «вікно» може сформуватися в дуже незвичайному і слабо передбачуваному з точки зору лінійної логіки місці. І ця особливість є суттєвою відмінністю параметрів порядку від керуючих параметрів. Керуючі параметри задаються системі із зовні і можуть бути спроектовані під поставлені перед системою мети. Параметри порядку - результат вкрай складного, важко прогнозованого і не завжди зрозумілого зовнішньому спостерігачеві внутрішньої взаємодії компонентів системи.

Визначення ступеня інноваційної сприйнятливості соціально-економічних систем можливо по динамічному портрету станів параметрів порядку. Як було показано раніше, макроскопічні властивості складного поведінки систем можуть бути описані через взаємодію і конкуренцію параметрів порядку, а ступінь і характер сприйнятливості системи до змін, викликаних інноваційним процесом, можуть бути оцінені через її стійкість / нестійкість. Сукупність станів параметрів порядку за деякий період часу, з точки зору, що транспортується через них стійкості / нестійкості, формує такі форми сумарного динамічного портрета (таблиця 1). Існують наступні параметри:

- індекс інноваційної сприйнятливості;
- рівень ділової активності;
- це аргументи

Значення функції в контексті стратегії сталого розвитку це

- позитивна динаміка інноваційної ємності основного капіталу;
- рівень впливу на стан креативного добробуту (рішення задач підвищення ступенів свободи, варіантів, залучення людини до розвитку);
- скорочення споживання природних ресурсів. Використання нечіткої математики, нейрон-сітьового моделювання та теорії ігор надає можливість зробити вплив на керуючий параметр інноваційної сприйнятливості обґрунтованим з позиції прогнозування можливих сценаріїв системи.

Таблиця 1.

Форми сумарного динамічного портрета параметрів порядку в залежності від фази життя системи

Фаза життя	Форма сумарного динамічного портрету
Стійкість	Супроводжується спокійним станом параметрів порядку - вони можуть змінюватися, трансформуватися за своїм наповненням (адже це нестійкі характеристики), але не вносять в діяльність системи значною нестійкості.
Нестійкість, що розвивається	Параметри порядку разом або поперемінно починають збільшувати нестійкість в системі. В сумі, їх вплив призводить до збільшення нестійкості системи.
Біфуркація	Зміна режиму «загострюється нестійкість» на «загасаюча нестійкість» супроводжувана виходом системи на нову форму самоорганізації.
Загасаюча нестійкість	Параметри порядку разом або поперемінно починають зменшувати нестійкість в системі. В сумі, їх вплив призводить до зменшення нестійкості.

Список використаної літератури:

1. Дымский К. О. Мемуар о системном семинаре / К. О. Дымский [= А. Ю. Цофнас] // Параметрическая общая теория систем и её применения. Сборник трудов, посвященный 80-летию проф. А. И. Уёмова / под ред. А. Ю. Цофнаса. – Одесса: Астропринт, 2008. – С. 219–243.
2. Уёмов А. И. Онтологические предпосылки логики / Авенир Иванович Уёмов // Вопросы философии. – Москва, 1969. – №1. – С. 67–77.
3. Райхерт К. Критический очерк эмпирического реализма А. И. Уёмова / К. В. Райхерт // Пере-пост. – 2015. – №5. – Эл. доступ: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/component/content/article?id=345>.
4. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика – учение о взаимодействии. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с.
5. Нелюбина Т.А. Романова О.А. Управление инновационной восприимчивостью социально-экономических систем. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – 176 с.

Коммуникацию – особенно диалог – часто называют единственной альтернативой применению силы при разрешении конфликтов, единственным путем к истине в ситуациях научного познания, которые кажутся весьма запутанными и непостижимыми. Но коммуникация далеко не всегда приводит к желаемому результату, то есть не всегда является «хорошей работой» – в том смысле этого термина, который ему придавал Т. Котарбинский – один из основоположников праксеологии [1]. Каковы критерии успешности, эффективности, «хорошести» коммуникации? Можно эту проблему интерпретировать достаточно широко – как проблему культуры коммуникации.

Со времен Т. Котарбинского и А. Богданова обсуждение праксеологической проблематики все более явно эволюционирует, с моей точки зрения, в направлении смены преимущественно технологических, организационных подходов к оценке качества человеческой деятельности более широкими подходами, включающими в себя обязательное определение, анализ и оценку ключевых целей и ценностей, исходных для данной деятельности («работы»), а также формирование способности сохранять эти цели и ценности в разнообразных новых, в том числе «непонятных», «пограничных», «переходных» ситуациях, и, что главное, способности и готовности реализовать их, учитывая конкретные особенности каждой ситуации.

Частичное подтверждение этого вывода можно найти в современных теориях коммуникации, анализирующих и пути достижения взаимопонимания коммуникантов в успешной коммуникации, и причины трудностей и поражений в неудачной коммуникации. Центр внимания во многих теориях коммуникации явно переместился от структурно-логических проблем аргументации к проблемам личностного поведения коммуникантов в конкретных ситуациях.

Сформулируем в качестве исходного следующее определение: Коммуникация – это интересующее отношение с прямым и обратным направлениями, которое выражено в процессах производства, передачи и интерпретации сообщений, а также в результатах взаимодействия этих процессов друг с другом.

Существует точка зрения, что один из главных показателей качества коммуникации – это ее продуктивность (результативность). Коммуникация считается продуктивной, если получен результат взаимодействия процессов производства, передачи и интерпретации сообщений. Например, есть ответная реакция адресата, свидетельствующая о понимании, согласии или несогласии, одобрении или неодобрении сообщения, а затем аналогичная реакция адресанта на реакцию адресата и т.д. Другим результатом коммуникации, весьма значимым и сильным, признается возникновение нового общего смыслового поля коммуникации, отличного от исходных смысловых полей коммуникантов. Производство новых общих коммуникативных смыслов действительно можно

признать высшим уровнем продуктивности коммуникации. Однако сама по себе ссылка на продуктивность недостаточна. Главное – дать конструктивный ответ на вопрос о путях ее достижения. И здесь неизбежно придется учитывать соотношение всех структурных элементов коммуникации: не только тех, что явно указаны в приведенном выше определении, но и тех, которые неявно присутствуют, «управляя» явными компонентами. В существующих теориях коммуникации значительное внимание уделяется анализу целей, возможных механизмов и принципов организации коммуникации, предпосылкам коммуникативных действий субъектов-участников (Эм Гриффин).

Внесем одну существенную поправку: перечисленные компоненты не являются рядоположенными, как это обычно излагается; они связаны иерархически, образуя систему. Будем опираться на то понимание системы, которое введено в научный оборот А.И. Уемовым и предполагает иерархию трех уровней системной модели объекта [2]. Системная модель коммуникации в качестве высшего, первого уровня – концепта – включает цели и базовые ценности, консенсусно принятые всеми коммуникантами. Подчиненный, второй уровень – уровень структуры – это организация коммуникации, соответствующая концепту, подчиненная ему и также принятая всеми коммуникантами. Третий уровень – уровень субстрата – это совокупность отдельных элементов и коммуникативных действий: производство, передача, интерпретация сообщений, знаковые средства, сами тексты сообщений и т.д.

Критерии качества коммуникации можно классифицировать по их соотносительности с указанными тремя уровнями системы.

Концептуальные критерии качества коммуникации касаются целей и ценностей, фиксированных в качестве исходных, главных, т.е. системообразующих. Принятая коммуникантами иерархия ценностей, подтвержденная выбором концепта, может быть позитивным показателем качества коммуникации только в том случае, если она а) соответствует иерархии ценностей, принятых в той культуре, к которой принадлежат коммуниканты, б) соответствует той иерархии ценностей, на которую фактически опираются субъекты в своих коммуникативных действиях. Негативная оценка качества получается тогда, когда указанные иерархии не согласуются друг с другом. Например, объективно значимой, приоритетной целью научной коммуникации является уменьшение степени неопределенности знаний, в том числе рационально обоснованное уменьшение числа возможных вариантов при выборе гипотез, принципов, методов, парадигм, программ, оптимальных решений и т.д. В качестве подчиненных, локальных целей могут выступать, скажем, стремление к простоте и эстетичности концепции или желание победить в научной дискуссии. Однако если оказывается, что практически коммуниканты негласно руководствуются как приоритетом, например, целью доминирования в научном сообществе, в социуме, то это существенно снижает качество коммуникации, поскольку любое доминирование несовместимо с общепринятыми ценностями науки.

Структурные критерии качества коммуникации относятся к средствам и методам достижения поставленной цели, к организации коммуникации в ее самом широком понимании. Субстратные критерии качества коммуникации касаются отдельных коммуникативных действий, элементов коммуникации в плане оценки их релевантности или нерелевантности структуре и, опосредованно, концепту системы. Интегративные критерии качества коммуникации выявляют как отношение между тремя уровнями системы, так и «сквозные» характеристики коммуникации, действующие на всех ее уровнях.

В работе Э. Гриффина [3] формулируются десять принципов коммуникации, выполнение которых обязательно для ее успеха. На первое место автор поставил принцип мотивации [3, с. 652-655]. Можно спорить о полноте сообщаемого перечня возможных целей коммуникации, об иерархии ценностей, принятой при этом, однако бесспорно одно: общая трактовка принципа мотивации Э. Гриффином дает все основания отнести этот принцип к концептуальным критериям качества коммуникации, поскольку он выполняет системообразующую функцию по отношению ко всем остальным принципам. Внешне все десять принципов излагаются как рядоположенные, равнозначимые. Однако изъятие принципа мотивации повлекло бы за собой разрушение единства создаваемого автором образа коммуникации. Подавляющее большинство остальных принципов относятся к структурному уровню критериев качества коммуникации, поскольку регулируют отношения между коммуникантами в процессе реализации поставленных целей, отношения между сообщениями и их возможными интерпретациями в реальных коммуникациях. Что касается субстратных критериев качества аргументации, то они не отражены в отдельных принципах классификации Э. Гриффина, но частично включены в изложение принципов структурного уровня.

Дальнейший анализ системных характеристик «хорошей» коммуникации – дело будущего. Более четкая трактовка главных принципов коммуникации с точки зрения их места в системной модели коммуникации, оценка качества коммуникации как целого способствовали бы формированию и дальнейшему развитию праксеологической парадигмы исследования процессов коммуникации.

Список использованной литературы:

1. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / Тадеуш Котарбинский. – Пер. с польск. – М.: Экономика, 1975. – 271 с.
2. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. / А.И. Уемов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
3. Гриффин Эм. Коммуникация: теории и практики / Эм Гриффин. – Пер. с англ. – Х.: Гуманит. Центр, 2015. – 688 с.

ФІЛОСОФСЬКІ НАРАТИВИ В ФОТОСЕРІЇ Б. МИХАЙЛОВА «НЕЗАКІНЧЕНА ДИСЕРТАЦІЯ»

Мета дослідження: на основі біографічного та структурно-нарративного методів аналізу та герменевтики фотосерій Бориса Андрійовича Михайлова³ виявити методологічні та філософські підстави його творчості. Предметом даного дослідження є творчість представника неофіційної культури Радянського Союзу другої половини ХХ ст. – Б. Михайлова, який мав значний вплив на формування сучасного фотографічного руху в Україні. Візуальна мова Б. Михайлова почала формуватися, згідно з О. Свібловою⁴, з 1966 року. Фотосерія є основною художньою формою та способом репрезентації творчості Б. Михайлова. Джерельною базою даного дослідження є фотосерії Б. Михайлова, представлені у вигляді фотокниг.

Дослідження філософських наративів у фотосеріях передбачає цілеспрямований методологічний аналіз поняття Філософський наратив, який був зроблений мною у рукопису на здобуття наукового ступеня магістр філософії на тему: «Філософські наративи в фотографічних серіях Бориса Михайлова» (2018). Незважаючи на те, що раніше поняття філософського наративу не було визначене в філософському дискурсі, ми можемо знайти в науковій літературі визначення таких понять і конструктів як «філософема» [14], «наратив», «наративна форма» [9], «наративний аналіз»⁵, «наратив в лінгвістиці» [16], «історичний наратив», «біографічний наратив» [3], «метанаратив» [9], «наративний поворот» [7] та інше у гуманітарному знанні. Використання структурно-нарративного методу аналізу уможливило інтерпретацію фото серій в перспективі розвитку філософської думки від філософії свідомості до філософської антропології.

Філософський наратив, на мою думку, є філософемою, який може бути виражений у формі філософської системи (доказу), філософської концепції (умовиводу) або філософського висловлювання (думки), що має структуру наративу. Структура Філософського наративу визначена мною як взаємодія п'яти

³ Б. А. Михайлов (нар. 25 серпня 1938 року в Харкові, УРСР) — видатний український художник, лауреат міжнародних премій Coutts Contemporary Art Award Foundation (1996), The Hasselblad Foundation International Award in Photography (2000), The Citibank Private Bank Photography Prize (2001), Generalsatellite Corporation Art Prize (2003) та інших; запрошений професор кафедри візуальних досліджень навколишнього середовища Гарвардського університету (2000), академік Німецької академії мистецтв, викладач у Лейпцігській академії візуального мистецтва (2002-2003). З 1997 року по теперішній час Б. Михайлов проживає у Німеччині.

⁴ Свіблова О. В. – директор МАММ / МДФ (МУЛЬТИМЕДИА АРТ МУЗЕЙ, МОСКВА / МУЗЕЙ «МОСКОВСКИЙ ДОМ ФОТОГРАФИИ»).

⁵ Наративний аналіз – якісний аналіз матеріалу наративного інтерв'ю (біографічного або тематичного). Основні методологічні розробки наративного аналізу пов'язані з іменами Ф. Шютце (Fritze Schutze), В. Фішера (Wolfram Fischer), Г Розенталь (Gabriele Rosenthal), Дж. Брунера (J. Bruner) та ін.

елементів: Агента, Дії, Метя, Оточення, Інструменту та Філософського питання (або Філософської проблеми).

Жан-Поль Сартр у своїй біографії («World», 1964) зазначив, що людина живе у оточенні своїх власних (персональних) історій та історій інших людей. «Вона розглядає все, що з ним трапляється у термінах цих історій» (цит. по: [5]). Тобто персональні історії оповідача повинні поєднатися з життєвими історіями інших людей, розділити деяку «глибинну структуру» о сутності життя. В іншому випадку, між оповідачем і слухачем (глядачем, читачем) може виникнути відчуження. Згідно з Дж. Бруннером, історія власного життя це «привілейований, але і проблемний наратив». У ньому наратор і центральна фігура наративу – це одне і те ж обличчя⁶. Б. Михайлов звертається до жанру історії «власного життя» в фото серіях: «Сюзи та інші» (1960-ті – кінець 1970-х) [22], «Незакінчена дисертація» (1984 – 1985) [23], «Boris Michailow: Äussere Ruhe (Drucksache N. F. 4)» (2000) [17], «Look at me, I look at water...» (1998–2000) [21], «Футбол» (2002), «Boris Mikhailov: German Portraits: Braunschweig» (2010) [18], «Boris Mikhailov. Diary» (2016) [19] та інших. У цих серіях Б. Михайлов «якби» намагається накласти критерії правильності на звіт власного життя. Дж. Брунер зазначає, що в даному випадку, єдиним критерієм «правильності» є питання: «Чи охоплює історія життя події життя?»

В інтерв'ю з І. Вікуліною⁷ Б. Михайлов говорить про те, що створення серії «Незакінчена дисертація» (1984–1985) стало результатом творчого пошуку попередніх років («кінцем проєктів»). Б. Михайлову більше була не цікавою «середня людина». Йому стає цікавим відобразити своє життя, відповісти на питання: «Хто я такий?». У книзі «Незакінчена дисертація» [23] оповідь ведеться від імені автора. На початку наративу Агент [оповідач, наратор] постає перед

---

⁶ Така рефлексивність створює дилему. Критик Пол де Ман (Paul de Man) говорить про «знеособлення (defacement), нав'язуваному зверненням навколо себе з метою створити, як він висловився пам'ятник (a monument). Інший критик пояснював неминучу помилку наратора автобіографії у зв'язку з його діями щодо їх навісності, коли, фактично, вони, мабуть, повністю детерміновані ззовні. У будь-якому випадку, рефлексивність самоопису ставить глибоку і серйозну проблему, що виходить за рамки проблеми верифікації, за рамки питання індетермінованості (пов'язаного з спотвореннями власної історії, які ми зберігаємо в пам'яті для розповідей про неї) , за рамки "раціоналізації"» (цит. по: [5]).

⁷ «Почалася епоха Андропова, напружений час. Стало нецікаво знімати вже оголене тіло, тому що це виявилось далеко позаду, так як не відносилось до радянського життя, до нашого існування. Моє життя було іншим, і його хотілося зафіксувати, але цього життя було занадто багато, його слід було упакувати, і упаковкою стала гра з текстами. Я вже дізнався Кабакова, який зробив супроводжуючий текст частиною твору. Це не його винахід, вже весь світ цим займався. Мені відразу сподобалися його роботи. Можна сказати, що вони на мене вплинули. Ти береш щось, але не знаєш, чому ти береш, в цьому складно дати звіт. Повинні бути внутрішні установки, передумови, тоді вони з'єднують тебе з тими чи іншими. В принципі, і Булатов впливав, всі потихеньку впливали, і вони впливали один на одного. Але Кабаков дав відношення анонімності, а в інших було важливо індивідуальне. Для мене стало важливим анонімне, співвідношення особистого і анонімного. Почалися ігри з тим, що ще можна зробити. На що фотографу можна опертися? Російські митці спиралися на ікону, а я – на домашню фотографію, яку брав у інших з їх сімейних альбомів і потім розфарбовував. Так я отримав одночасно і [життя] середньої людини, і домашню фотографію» (цит. по: [6]).

нами як ліричний герой – поет або складач промов, згідно з Платоном (Федр, 278 d). Потім, в результаті «духовної вагітності», «жаги до життя, прагнення до творчості» [23, с.109], внутрішніх і реальних діалогів герой стає любителем мудрості – філософом, тобто людиною, за Платоном, який «склав свої твори, знаючи, у чому полягає істина, і може захистити їх, коли хто-небудь стане їх перевіряти, і якщо він сам здатен усно вказати слабкі сторони того, що написав, то таку людину слід називати не за його творами, а за той метою, до якої були спрямовані його старання» (Федр, 278 с–d).

Б. Михайлов пише «свій роман» на зворотному боці знайденої незакінченої дисертації. Тексти і нотатки в книзі супроводжуються переважно парними фотографіями на кожній сторінці. «Фотографія в такому варіанті ставала не головним елементом, а лише коментарем до тексту, і це вже була не класика, а анонімність» [13, с.398]. *Жанр цього твору визначений мною як оформлений художній нарратив, створений у документальній стилістиці, тобто деякі події оповідання відбувалися в реальності. «Жага до життя, жага до творчості» героя Б. Михайлова, а значить миру, є фабулою (мораллю)» «Незакінченої дисертації».*

Сюжет «Незакінченої дисертації» розгортається у складному ландшафті, що характерно для класичного нарративу: ландшафті свідомості та ландшафті дії. Ландшафт свідомості героя пов'язаний з оточенням Б. Михайлова у 1980-ті рр., в якому були художники Московського концептуального кола (І. Кабаков⁸, Е. Булатов, Д. Прігов, В. Тарасов та інші) та колеги по фотографічному цеху («Група чотирьох»: О. Слюсарев, В. Тарновецький, Б. Савельєв, Лопатнюк; фотографи Харківської школи, литовські фотографи: А. Суткус, В. Луцкус та ін.). В оповіданні присутні відсилання до японського фотографа Н. Аракі, концепції «вирішального моменту» А. Картье-Брессона та «американцям», тут йдеться швидше за все про групу фотографів «Нова топографіка»⁹. До ландшафту свідомості ми можемо віднести внутрішні діалоги або полеміку героя з відомими філософами (В. Беньяміном: «Усе стало сірим. Мрії стали дорогою у напрямку до банальності» [цит. за 23: с. 7, с.105], Л. Вітгенштейном: «межі моєї мови означають межі мого світу» [цит. за: 23, с.11], А. Бергсоном: «Тільки унікальність явищ може відображати сутність світу» [цит. за: 23, с.59]), а також діячами науки і культури (Л.М. Толстим [23, с.149], Б. Шоу (про постановку нової п'єси: «Або зараз або ніколи» [23, с.63], Ю. М. Лотманом: «Мистецтво голої правди, яке прагне звільнитися від усіх існуючих видів художньої умовності вимагає, [від сприймаючого] величезної культури» [цит. за: 23, с.43], Л. М. Гумільовим [23, с.91], Г. Ріо: «Творчість – це пристосування культури до навколишнього середовища» [цит. за 23: с. 59], Мольро: «Реальність

⁸ Див.: принцип Кабакова. Про уявні публічні власності і функціональні потреби, придатності [23].

⁹ Термін «topographics» був вибраний куратором виставки Уільямом Дженкінсом. «New Topographics: Photographs of a Man-Altered Landscape» відбулася в George Eastman House в 1975 р., де були представлені фотографи: Robert Adams, Lewis Baltz, Bernd and Hilla Becher, Joe Deal, Frank Gohlke, Nicholas Nixon, John Schott, Stephen Shore, Henry Wessel Jr.

є видиме, але існує щось, що не є видимим» (цит. по: [23: с.67]), Зедмайером: «Роль посередника між Богом і людьми переходить від художника до інтерпретатора» (цит. по: [23: с.153]), Бензе «Екзистенційна мова – це мова, вироблена між прозою, філософією і наукою» (цит. по: [23, с.157]), А. Ринеске: «У мене немає сильної спраги життя, є лише жага творчості» (цит. по: [23, с.109]), Кобе Абе [23, с.202], В. Леніним [23, с.67], Дунаєвим [23, с.97], Крупнером: «Відсутність уяви – тах культури, тах естетичного» [23, с.25]; Днепровым: «Творчість незвернене до мас, стає глибоко збоченим» [23, с.25]; з роботами яких Б. Михайлов був ознайомлений.

Герой Михайлова зауважує: «Я оточую себе частоколом з кимось знайдених думок» [23, с.11]. У якийсь момент розповіді всезнаючий герой (спостерігач) Михайлова зникає, і разом з ним зникає стійка реальність. «Релятивістський світ – мозаїчна культура, академіки – знавці теж дилетанти і нас багато і тому-то дилетантизм = калейдоскопності і стає естетичним» [23, с.65]. Тут перед нами – приклад умовиводу героя (один з видів філософем, згідно з В. А. Песоцьким), що вказує на філософське питання, як сучасна людина пізнає світ, а також питання про соціальну ідентичність цього суб'єкту. В даному випадку Михайлов зазначає перевагу дилетантизму [непрофесіоналізму] в релятивістському світі і вказує на еклектизм мислення свого героя. Очевидно, безпосереднє сприйняття має для Б. Михайлова визначальне значення. «Безпосередній прозір знає істину через незнання (Дзен-буддизм)» (цит. по за: [23, с.64]). Пізніше, в есе «Підсумовування радянського» (2012) Б. Михайлов [13] повертається до цього питання і відзначає «дивне відчуття надуманості освіти». Згідно Михайлову, «навченість в якійсь мірі – заангажованість, а дилетантизм це «базис». Я часто думаю: фотограф я або художник? Мене хвилює питання переходу одного в інше» [13, с.395]. Б.Михайлов, характеризуючи тему збірки зображень у «Незакінченої дисертації», також відзначає можливість «співіснування» різних типів людей: «У цій картці людина екологічна виграє у людини технологічної, але програє людині, що спостерігає. Є ще людина естетична, політична, соціальна» [23, с.107].

Ландшафт дії в «Незакінченої дисертації» пов'язаний з віссю розповіді «вулиця – дім». У Михайлова вулиця – місце прояву свободи. «На наших вулицях якби нічого не відбувалося. Все було захищено: божевільні були в психлікарнях, п'яниці – у витверезниках. На вулиці не було безладу. І була загальна пильність. Але я відчував, що знімати потрібно, навіть якщо знав, що на картках¹⁰ нічого особливого не вийде. І коли це було можливо, я це робив. Якщо не для картки, то для себе, для підтримки відчуття своєї «свободи»» [12, с.180–181].

Будинок для Б. Михайлова – місце внутрішнє, інтимне, безпечне, пов'язане з сім'єю – першою дружиною Мариною, майбутнім народженням сина, матір'ю

---

¹⁰ Хоча міські пейзажі Михайлова цілком заселені, в них не вдається «увійти»: погляд може тільки ковзати по площині зображення на зразок кабаковської мухи, чий раціон лімітований сухим пайком візуальних торкань. Вхід в безвихідь, про яку свідчать ці фотографії, - проблематичний через підвищену концентрацію «сліпих плям» - blind spots.

Чаєю Марківною і батьком Андрієм Миколайовичем Михайловими, пам'яттю про предків (ашкеназів)¹¹. У «Незакінченої дисертації» будинок є місцем, яке обмежує свободу героя. Жага свободи, за Кантом [8], є найсильнішою пристрастю людини. Обмеження свободи призводить до бунту або війни. Нерозуміння цілей творчого пошуку з боку дружини героя призводить до тимчасового обмеження свободи його творчості і пояснює появу зображення іншої «вагітної тілесно» жінки в оповіданні.

Дуальність ландшафту свідомості героя призводить до появи дихотомії видимості та реальності: «Вулиці бачаться композиціями, які не [«не» закреслено Михайловим] несуть ніякого [«ні» закреслено Михайловим] сенсу» [23, с.15]; іманентного і трансцендентного («Я уявляв себе Буддою, якого цілують, вона дивилася на кішку» [23, с.95]); сумнівам: «Бажання переконати в істині [«в істині» закреслено Михайловим] передбачає її об'єктивний характер» (цит. по: [23, с.69]); «Модернізм це песимізм, а реалізм це оптимізм» (Дунаєв (цит. по: [23, с.97])), «творчість художника – антипод істинно людського» (з критики, (цит. по: [23, с.97])); іронії: «Коли-небудь, я зроблю велику фотографію, яка подобається всім» [23]; надії: «Сучасна художня традиція говорить піднесено про середнє і навіть про погане. І погане змінившись «може сховатися» [23, с.73].

В результаті міркування (слово «дисертація» в перекладі з лат. означає міркування) герой Б. Михайлова формулює принципи Нової фотографічної художності, таким чином завершуючи коло своїх роздумів про фотографічну естетику ХХ століття, що була виражена в роботах А. Картьє-Брессона «Ключовий момент», Р. Барта «Camera lucida. Коментар до фотографії» [4] та інших критиків. Принципи нової фотографічної художності можуть бути сформульовані в наступних тезах:

- 1) мета – характеризувати час;
- 2) основна авторська розробка – поняття «сірого» [23, с.105]; нова фотографія повинна бути спочатку «як би старої, як би впізнаваною, [яка] як би вже зустрічалася» [23, с.101], тобто типовою (анонімною);
- 3) основні естетичні категорії: піднесене, прекрасне, красиве [краса], гарне [добро, благо], правда [true], знання, аморфне [континуум, тривалість], факт [епохе, феномен], життя, катарсис, вульгарне¹² [огидне], час¹³, погане¹⁴ [зло], низьке [низинний] та інше;
- 4) основні естетичні принципи: «чужа незакінченість» [анонімність іншого] [23, с.3–5], «принцип тихого Підглядання» [23, с.49], виключення з

---

¹¹ Б. Михайлов звертається до дослідження національної ідентичності в серіях: «Look at me, I look at water...» (1998–2000), «Boris Mikhailov: German Portraits: Braunschweig» (2010), «Театр военных действий» (2013), «Boris Mikhailov. Diary» (2016) та ін.

¹² «Я не против вульгарности» [23, р.63].

¹³ «Нельзя эксплуатировать момент, это уже в старой эстетике. Сейчас хотелось бы характеризовать время» [23, р.25].

¹⁴ «Современная художественная традиция говорит возвышенно о среднем и даже о плохом. И плохое может измениться. Спрятаться» [23, р.73].

події¹⁵ [23, с.29], «звичайне як дане» [повсякденне як справжнє] [23, с.32], «прикордонна свідомість» [трансцендентальне]¹⁶, екзистенціалізм¹⁷ [23, с.83]; «безпосереднє прозріння»¹⁸ [трансцендентне] [23, с.64], зорове роздратування¹⁹.

Філософські наративи (філософеми) у книзі Бориса Михайлова «Незакінчена дисертація» та інших його серіях будуються на основі опозицій: «життя – творчість» [23, с.109], «момент – час» [23, с.25], Харків – Москва (Берлін), «стара естетика – нова естетика», «погане» – «добре»²⁰ [23, с.105], «катарсис – еталонний потік»²¹ [23, с.51], «руське – єврейське»²² [23, с.91], заборона (табу, закон) – свобода, радянське (соціальне) – особисте (індивідуальне) [23], еротичний потяг (ерос) – свідомість (розум)²³ [23, с.73], «видиме – невидиме» [23, с.67], потворне – прекрасне, комічне – трагічне, хаос – космос, подія («епохе») – вічність, та ін. Ці категорії перебувають у Михайлова в безперервному становленні і перетіканні одне в одного. Подолання опозицій, тобто виникнення нової якості на підставі кількісного накопичення попереднього, є сутністю діалектичного підходу, основоположником якого був Сократ²⁴. Антична філософія розглядала будь-який розвиток, згідно з О. Ф. Лосєвим, не історично, а систематично. «Систематичний ж розвиток як ієрархічне сходження від вищого до нижчого, тобто від нижчих форм до матеріальної речовини до її вищої вже космічної форми і назад» [11, с.213]. Тотожність того, що виражається і виражає – основний принцип античної естетики. У роботах Б. Михайлова те, що виражається, та те, що виражає (Час – Вічність, Прекрасне – Потворне, Благо – Ніщо, Людина – Природа, Життя – Смерть, Матерія – Дух та інші категорії) не розділені. У першоедності вони дані у вигляді «неподільної точки», тобто як абсолютній єдності, а в матерії вони дані у вигляді континууму, що зближує його творчість з творчістю античних авторів. Континуум у Михайлова є невизначеним, нестійким становленням, в якому можна відокремити одну точку від іншої і в якому кожна точка є тільки потенція іншої точки. З цієї причини всі точки такого становлення взаємно абсолютно покладені поза.

Матерія в античності, згідно з О. Ф. Лосєвим, є тільки потенцією, необхідністю. Справжню дійсність античність знаходить тільки в речах і тілах, тобто в так чи інакше сформованій матерії. Матерія тіла не є саме тіло, але тіло є

---

¹⁵ Йдеться про відмову від використання концепції А. Картьє-Брессона «Ключовий момент».

¹⁶ «Пограничное сознание возможность касания неизвестного знания» [23, р.73].

¹⁷ «Частное – элемент фотографического переживания» [23, р.83].

¹⁸ «Непосредственное про-зрение знает истину посредством незнания (Дзен-буддизм)» [23, р.64].

¹⁹ «Художественное произведение вызывает зрительное раздражение, следующее друг за другом в некоторой последовательности» [23, р.19].

²⁰ «Чёрное это плохо, белое – хорошо» [23, р.105].

²¹ «Не благородный, всепрошающий, очищающий катарсис, а введение в эталонный поток, выход из которого у каждого свой» [23, р.51].

²² «Из рассказа сотрудницы: «Русские д. б. с русскими, евреи с евреями»» [23, р.91].

²³ «СоЗнание – Знание – Неизвестное будущее Знание» [23, р.91].

²⁴ Сократ називав себе шанувальником розрізнення і узагальнення (Федр, 266 b), тих хто володіє цією здатністю він називав діалектиками.

завжди деякого роду індивідуальність, носій різного роду властивостей і якостей. Тіло речі є в античності носієм ознак, однак, «зовсім не є сумою всіх ознак речі» [10, с.787]. Будь-яка реальна річ, а, отже, будь-яке її реальне тіло, ніколи не є що-небудь цілком нерухоме і в усіх відношеннях стійке.

Плавне перетікання (континуальність) одного зображення в інше, викликає становлення нової речовій предметності та є, на мою думку, основним естетичним принципом у творчості Б. Михайлова, який призводить до трансгресії свідомості глядача – подолання бар'єру звичності і рамок буденності. Цей принцип використовується Б. Михайловим як у «Незакінченій дисертації», так і інших фото серіях і виражається за допомогою різних художніх прийомів, таких як: 1) використання тривалої витримки, 2) використання методу накладання кадрів (плівок) і монтажу парних зображень, 3) використання чужої (анонімної) фотографії (т.ч. «чуже» у Михайлова стає «моїм»), 4) комбінування текстів і зображень, 5) розфарбовування зображень аніліновими барвниками, 6) розфарбовування зображень кольоровими олівцями і фломастерами, 7) штучне «зостарювання» фотографій (сіра тональність відбитків, сепії, використання ч/б плівки), 8) розрив, продряпування, потертість фотографічних зображень, 9) використання скріншотів з екрану телевізора, 10) використання гліч-арту, 11) використання панорамної зйомки, 12) постановка мізансцен в кадрі і використання «театрального» реквізиту (ready-made) та ін. Палімпсест, нашарування різних, часто протилежних, смислів в одному кадрі у Б. Михайлова призводить в результаті до появи нової якості зображення.

Розглядаючи перший і інші плани зображень Б. Михайлова глядач часто стикається з непереборними труднощами в їх сприйнятті. Р. Арнхейм в есе «Блиск і злидні фотографа» говорить про те, що це пов'язано з психологічними закономірностями: «По-перше, психіка людини організована таким чином, що вона пристосовується до розуміння цілого, а щоб досягнути деталі, їй потрібен час; по-друге, всякий елемент, вихоплений з контексту, змінює свою природу і виявляє нові властивості» [2, с.136].

В есе «Про природу фотографії» Р. Арнхейм зазначає, що в останній чверті ХХ століття виник інтерес до фотографії, «пов'язаної з неприродністю вироблених зйомок і свідомим використанням її для символічної передачі образів і сюжетів» [1, с. 124], що ми спостерігаємо в серіях Б. Михайлова: «Я не я. В пошуках героя» (1992) [20], «Если бы я был немцем» (1994), «История болезни» (1997–1998), «Wedding» [24], «Look at me, I look at water...» (1998–2000) [21], «Футбол» (2002), «Boris Mikhailov: German Portraits: Braunschweig» (2010) [18], «Boris Mikhailov. Diary» (2016) [19] та інших. «В періоди, коли почуття форми і уявлення про мистецтво, як про втілення ідей поступає дорогу реалістичному копіюванню заради копіювання, ми стикаємося з творами, у яких невідповідність між формою і передбачуваним значенням, виробляє огидне або безглузде враження» [2, с.139]. Р. Арнхейм виділяє появу у фотографії цього періоду сюрреалістичних ознак, заснованих насамперед на ілюзіях та відвертого погляду на фотографію як на оголення. У Михайлова «реальне тіло» ототожнюється з соціальним тілом і є принципом побудови його космосу, поряд

з еротичним потягом, що виникає на основі потягу до іншого тобто знання, або розуму. Б. Михайлова цікавить справжнє знання, що міститься в справжньому бутті. А значить, космос Б. Михайлова є рухомим, пластичним (що стає) і розумним одночасно.

На завершення наведемо ще одну філософему – висловлювання [невідомого, анонімного(?)] автора в «Незакінченій дисертації» про проблему свідомості, в якому з усією очевидністю проявлено використання основних естетичних принципів Б. Михайлова. «Всередині свідомості – класичне маніпулювання елементів і штампів знання <...> собою за допомогою катарсису. Головною метою якої є [«є» закреслено Михайловим] [мета] зв'язати сучасне з відомими архетипами, викликаючи відчуття, близькі до релігійного світорозуміння. «Прикордонна свідомість» – можливість торкання невідомого знання» (цит. по: [23, с.73]).

Підсумовуючи дослідження, слід сказати, що основним естетичним принципом у творчості Бориса Михайлова є плавне перетікання (континуальність) одного зображення та змісту в інше, що викликає становлення нової речовій предметності. Прагнення до руйнування (деконструкції) традиційної художньої форми за допомогою різних художніх прийомів призводить Б. Михайлова до створення Нової фотографічної художності. Класифікацію художніх прийомів Б. Михайлова див. у Додатку 1. Філософськими підставами творчості Б. Михайлова є діалектика, моральна філософія та естетика постмодернізму.

ДОДАТОК 1.

Таб. 1. Класифікація художніх прийомів Бориса Михайлова

	Художні прийоми	Серії
1)	Використання тривалої витримки	«Сюзи та інші» (1960-ті – кінець 1970-х), «Календарі» (1965–1968) та ін.
2)	Метод накладення кадрів (плівок) і монтажу парних зображень	«Календарі» (1965–1968), «Вчорашній бутерброд» (1968–1978), «Незакінчена дисертація» (1984-1985) та ін.
3)	Використання чужої (анонімної) фотографії	«Лурики» (1971–1985), «В'язкість» (1982), «Незакінчена дисертація» (1984–1985) та ін.
4)	Комбінування текстів та зображень	«В'язкість» (1982), «Незакінчена дисертація» (1984–1985), «Boris Michailow: Äussere Ruhe (Drucksache NF4)» (2000), «Look at me, I look at water... » (1998–2000) та ін.
5)	Розфарбовування зображень аніліновими барвниками	«Лурики» (1971–1985), «Соцарт» / «Червона серія» (1965–1978), «В сутінках» (1993) та ін.
6)	Розфарбовування зображень кольоровими олівцями і	«Boris Michailow: Äussere Ruhe (Drucksache NF4)» (2000), «Look at me, I look at water

	фломастерами	...» (1998-2000), «Boris Mikhailov: German Portraits: Braunschweig» (2010), «Boris Mikhailov. Diary» (2016) та ін.
7)	Штучне «зостарювання» фотографій (сіра тональність відбитків, селія; використання ч /б плівки)	«Танці» (1978), «Соляні озера» (1986), «В'язкість» (1982), «Незакінчена дисертація» (1984–1985), «У землі» (1991) та ін.
8)	Розрив, продряпування, потертість фотографічних зображень	«В'язкість» (1982) та ін.
9)	Використання скріншотів, зроблених з екрану телевізора	«TV-mania» (2002), «Парламент» (2014)
10)	Використання «глітч-арту»	«Парламент» (2014) та ін.
11)	Використання панорамної зйомки	«У землі» (1991), «В сутінках» (1993) та ін.
12)	Постановка мізансцен в кадрі, використання театрального реквізиту (ready-made)	«Я ні я. У пошуках героя» (1992), «Якби я був німцем» (1994), «Історія хвороби » (1997–1998), «Look at me, I look at water ... » (1998–2000), «Футбол» (2002), «Boris Mikhailov: German Portraits: Braunschweig» (2010), «Boris Mikhailov. Diary» (2016) та ін.

Список використаної літератури:

1. Арнхейм Р. Блеск и нищета фотографа / Р. Арнхейм // Новые очерки по психологии искусства. – М.: Прометей, 1994. – С.133–141.
2. Арнхейм Р. О природе фотографии / Р. Арнхейм // Новые очерки по психологии искусства. – М.: Прометей, 1994. – С.119–133.
3. Афанасьев А. Биографический метод: нарратив и интерпретация / А. Афанасьев // Докса. – 2015. – Вип. 2. – С.111–120.
4. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт; пер. с фр., послесловие и комментарии М. Рыклина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 272 с.
5. Брунер Дж. Жизнь как нарратив / Дж. Брунер // Постнеклассическая психология. Социальный конструктивизм и нарративный подход. – 2005. – № 1 (2). – С.9–29.
6. Викулина И. Борис Михайлов – о том, как все начиналось и что из этого вышло / И. Викулина / Photographer. – 2008. – 31 июля.
7. Доманська Е. Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле / Е. Доманська; пер. з польськ. та англ. В. Склокіна; наук. ред. В.Склокін, С.Троян. – Київ: Ніка–Центр, 2012. – 264 с.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
9. Лиотар Ж.–Ф. Состояние постмодерна / Ж.–Ф. Лиотар / пер. с франц. Н. А.

- Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн. Кн. 1 / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 832 с.
11. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн. Кн. 2 / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 688 с.
12. Михайлов Б. Лекция / Б. А. Михайлов // Синий диван. – М.: Три квадрата, 2005. – Вып. 6. – С.173–186.
13. Михайлов Б. Подытоживая советское / Б. Михайлов / Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве / Сборник материалов; ред.-сост. Г. Кизавальтер. – М.: Новое литературное обозрение, 2014, – С.391–402.
14. Песоцкий В.А. Философема в структуре философского знания: опыт классификации философем / В. А. Песоцкий // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – 2016. – № 2. – С. 22–35.
15. Платон. Избранные диалоги / Платон; пер. с древнегреч. С.К. Апта, Я.М. Боровского, Т.В. Васильевой, А.Н. Егунова, С.П. Маркиша, М.С. Соловьёва, С.Я. Шейнман-Топштейн; вступ. ст., комм. Л.Сумм. – М.: Эксмо, 2013. – 768 с.
16. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
17. Mikhailov B. Boris Michailow = Boris Mikhailov: Äussere Ruhe (Drucksache N.F.4) / Boris Mikhailov, Marina Achenbach. – Kunsthalle Zu Kiel, Düsseldorf: Richter Verlag, 2000, 87 p. – German/English Edition.
18. Mikhailov B. Boris Mikhailov: German Portraits: Braunschweig / Boris Mikhailov, Inka Schube. – Steidl, 2010, 272 p.
19. Mikhailov B. Diary / B. Mikhailov; Multilingual edition. – Köln: Walther König, 2016. 430 p.
20. Mikhailov B. I am Not I / B. Mikhailov. – Morel Books, 2015, 64 p.
21. Mikhailov B. Look At Me, I Look At Water...Or Perversion Of Repose / B. Mikhailov. – Steidl, 2004, 132 p.
22. Mikhailov B. Suzi et Cetera / B. Mikhailov; Multilingual edition. – Köln: Walther König, 2007, 208 p.
23. Mikhailov B. Unfinished dissertation by Boris Michailov / Boris Michailov, Alexis Schwarzenbach, Margarita Tupitsyn. – Scalo Verlag Ac, 1998, 220 p. – English, Russian and Russian Edition.
24. Mikhailov B. The Wedding / B. Mikhailov. – Morel Books, 2010, 58 p.

**АВЕНИР ИВАНОВИЧ УЁМОВ КАК ПРЕДМЕТ СИСТЕМНОГО
АНАЛИЗА: ВЕЩЬ, СВОЙСТВА, ОТНОШЕНИЯ**

Под явным влиянием недавно прочитанных мною воспоминаний А. И. Уёмова о В. Ф. Асмусе [2, с. 86-100] я пришел к мысли о возможности обобщить и представить в ясной форме итоги моего общения с замечательным человеком и настоящим философом Авениром Ивановичем Уёмовым. Я познакомился с ним в 1992 году, когда аспирантом стал ходить на его семинар по общей теории систем (последняя среда месяца) и на философское общество (третья среда месяца), заседания которого он обычно проводил как председатель общества. Так продолжалось более двух лет, потом я менее регулярно посещал мероприятия, которые вел или на которых присутствовал Авенир Иванович, но наши встречи продолжались. В 1995 году он выступил экспертом-рецензентом моей кандидатской диссертации, и это совсем не было формальностью: он пригласил меня к себе домой и только после трехчасовой беседы согласился подписать положительное заключение. Позже, с 2002 года я оказался коллегой Авенира Ивановича по кафедре и мог наблюдать его в самых разных формах и направлениях деятельности.

Главное качество, которое я хотел бы отметить в этом удивительном человеке – его человеческий масштаб: почти для всех, кто сталкивался с ним (не возьмусь, правда, судить о впечатлениях студентов в последние годы его жизни), становилось ясно, что они имеют дело с незаурядным человеком. Трудно точно вычленить, что именно создавало это впечатление – возможно, соединение черт: не столько голос, сколько манера выражать свою мысль, особая пластика движений (с возрастом она проявлялась меньше из-за растущих слабости и полноты), какой-то удивительный интерес к миру при некоторой его разочарованности в направлении развития философии (помню, в 2005 году на кафедре работал английский философ, профессор Том Сорель, приехавший читать лекции для преподавателей, но его лекции посещали немногие, а преподаватели и вовсе лишь некоторые, но Авенир Иванович был одним из них). О разочарованности я скажу чуть ниже отдельно. Для меня главной отличительной чертой А. И. Уёмова была его способность выделять и формулировать саму суть того, о чем бы ни шла речь, говорить всегда о главном и сосредотачиваться на нем. Обсуждались ли учебные программы, готовился отзыв на диссертацию или требовалось решение административных вопросов – он всегда выделял сущностное ядро и обращался к деталям только для выявления сути. Ни у одного другого человека, кажется мне, эта способность не проступала так явно и последовательно. И конечно, суть вопроса он всегда обсуждал принципиально и со строго установленных позиций. (Мне говорили, что это не всегда было так, называли случаи, когда он менял стандарты или прибегал к разного рода уловкам, я верю, что такое случалось, но сам я не был свидетелем этого.)

Поэтому мне представляется необходимым говорить об Уёмове по существу. Он этого заслужил и уже не так важно, как он сам бы отнесся к этому. Говорить о нем по существу – значит рассматривать его с точки зрения философии, а для него самого это равносильно тому, чтобы взглянуть на него с точки зрения теории систем. Вот откуда взялось название моего сообщения. Я никак не системолог и неоднозначно отношусь к общей теории систем. Наверное, это должен был бы сделать кто-то другой, глубже погруженный в системный метод, так как сам Авенир Иванович считал общую теорию систем лучшей из философий, а со временем пришел к убеждению, что это – единственная философия и только с нею связывал возможность развития человеческого знания. Поскольку сам я вижу это иначе, было бы непозволительным кокетством или – еще хуже – игрой или банальным кривлянием представлять данный анализ в качестве строго систематического.

Если говорить о системном анализе такой вещи (в данном случае «вещь» – термин общей параметрической теории систем, «ибо исследовать можно только вещи» [4, с. 45]) как Авенир Иванович Уёмов и рассматривать ее в качестве системы (ведь все может быть представлено в качестве системы [4, с. 45]), то прежде всего следует задаться вопросом о концепте этой системы. Концепт как класс отношений, удовлетворяющих свойству, выраженному этим концептом [4, с. 126], может быть задан или установлен произвольно. Из всего, что может быть названо «Авенир Иванович Уёмов», я сосредоточусь на личности-философе, исследователе, человеке, осуществлявшем процесс познания и фиксирующего результаты этого процесса. Вместе с тем, этот аспект тесно переплетен с его деятельностью в качестве преподавателя, руководителя научных проектов и программ, его существовании как индивида, гражданина, просто человека и т.д.

Если система – «произвольная вещь, на которой реализуется какое-то отношение, обладающее произвольно взятым определенным свойством» [43, с. 58], то следует помнить, что произвольная вещь всегда может быть представлена как множество объектов, и здесь мы видим переключку с более ранним определением системы как множества «объектов, на котором реализуется определенные отношения с фиксированными свойствами» [4, с. 117]. Вещь наша определена, выбрана, но что это могут быть за объекты? Наверное, прежде всего его работы, представленные сегодня в виде текстов – книг, статей, тезисов. К ним можно добавить неопубликованные записи – диссертации, отзывы, рецензии, заметки и черновики, а также, но с большей осторожностью – воспроизведение по памяти его слов, оценок и т.п. Другой тип объектов, который необходимо назвать, – это научные (философские) проблемы, на которые исследования Уёмова были направлены, предложенные им решения, сделанные открытия или изобретения (такие как выводы по аналогии, разработанный вариант теории подобия для технических наук, параметрическая общая теория систем, язык тернарного описания и т.п.). Еще один класс объектов – это цели и задачи, которых он стремился достичь в более общем плане или считал свою деятельность способствующей их достижению (прогресс научного знания, совершенствование жизни, как отдельных людей, так и

общества в разных его пониманиях, распространение строгого научного знания на области и практики, ранее не поддающиеся этому и др.). Наверное, также стоит упомянуть еще один класс – основные предпосылки, из которых он исходил в своей научной деятельности, основания, служившие ему исходной позицией для научного поиска. (Например, кажется случайная вещь – его тип общения и работы со своими аспирантами, его принципы участия в их исследовательских проектах, но я знаю, какое впечатление это производило даже на тех, кто лично не был знаком с Уёмовым, я знаю тех, кто считал основание подобных поведенческих установок едва ли не главной чертой Уёмова-ученого).

Кроме необходимости выстроить сложную конфигурацию связей (отношений) между объектами этих четырех классов (если бы даже удалось выделить их основные члены), нужно учитывать происходящие со временем изменения в каждом из классов, а также тот факт, что члены одного класса при определенных условиях могли также попадать в другой (например, с течением времени найденные решения становились основанием для дальнейших поисков и т.д.). Кроме того, ни один из данных объектов нельзя взять изолированно, например, книги или статьи следовало бы рассматривать не только в плане поставленных в них проблем и предложенных решений, но и учитывать их восприятие научным сообществом, возникавшую вокруг них полемику, обсуждения или, наоборот, их повисание в безмолвии, отсутствие понимания, отклика.

Авенир Иванович Уёмов получил известность в профессиональной среде уже за разработку выводов по аналогии, но настоящий успех пришел к нему после выхода книги «Вещи, свойства, отношения» (1963). Один из его учеников и последователей, Арнольд Юрьевич Цофнас однажды в разговоре рассказал, какое впечатление произвела на него эта книга, особенно ее первая часть. Я был поражен, – говорил он, – что о философии можно писать так ясно, просто и глубоко; хотел бы я быть способен написать что-нибудь подобное. Сам же Уёмов с течением времени эту книгу оценивал сдержанно, считал, что он далеко ушел от нее и, сталкиваясь спустя десятилетия с восторженными оценками этой книги, едва ли не расстраивался. Последующие его книги, однако, такого успеха не имели. Немного сгущая краски, можно было бы сказать, что каждой следующей книге выпадало все меньше успеха и признания.

Это совершенно не соответствовало объему и напряженности работы, которую он вел. Все, что он считал наиболее важными своими достижениями, было создано им после выхода «Вещей, свойств, отношений» – разработка общей параметрической теории систем, языка тернарного описания, применения принципов выстроенной им теории в научной и производственной сферах и многое другое. Как выстроить систему отношений между этими фактами? Едва ли это возможно в рамках отдельно взятой статьи.

Сам Уёмов всегда отдавал предпочтение Аристотелю перед Платоном, и видел свою функцию в том, чтобы восполнить пустующее место Аристотеля в современной ему философии и науке. Один из близких ему людей рассказывал,

что он любил говорить о себе как о реинкарнации Аристотеля. Возможно, хотя полного доверия у меня к этим словам нет, хотя бы уже потому, что Авенир Иванович не очень хорошо знал восточную философию и не верил в реинкарнацию. Скорее он мог говорить об этом в платоновском ключе, он вообще долгое время представлялся мне больше похожим на Платона, хотя и не очень любил того. В нем постепенно росло разочарование в окружающем мире, отказывающимся принимать теорию систем как универсальное методологическое решение, а потому движущимся в неверном направлении. Росло, рискну сказать, разочарование в собственной школе. Очень по-платоновски звучали его слова, слышанные мною не однажды: сначала (я воспроизвожу по памяти смысл, но не точную формулу) я не заставлял своих аспирантов читать мои книги, считая, что они сами выберут правильное направление, но они шли куда угодно, кроме как куда было нужно, потом я стал рекомендовать им свои книги, теперь я понимаю, что их нужно заставлять читать мои работы и чем раньше, тем лучше.

Что касается книг, то несложный анализ может показать определенную тенденцию, во многом, возможно, определившую судьбу этих изданий. Уёмов с течением времени все меньше уделял внимания вопросам языкового стиля и композиции. Поздние его работы иногда вообще трудно читать из-за отсутствия редактуры. По большей части это устные лекции, записанные и переведенные в письменную форму, но часто то, что обладает привлекательностью, живостью и очарованием при аудиторном восприятии, теряет это на письме. По личным наблюдениям могу сказать, что работа «Системные аспекты философского знания» (2000), когда я взялся ее читать, разочаровала меня, а ведь она была записью тех лекций, что я слушал, и я взялся за чтение именно с целью уточнить и упорядочить то, что сохранилось в памяти и записях и все еще хранило очарование встречи с большой настоящей философией. Но в книге от этого не осталось почти ничего.

Более сложным является вопрос о судьбе системного метода в целом и параметрической теории систем в частности. Можно смело констатировать, что системный метод не оправдал возлагаемых на него надежд. Конечно, он так или иначе продолжает применяться, не прекращаются систематические исследования и исследования объектов в качестве систем, но ведь это случилось и до возникновения системного метода как такового. Насколько мне известно, ни в одной из научных областей, ни в одной из отраслей народного хозяйства не было совершено существенных открытий или решительных прорывов благодаря использованию системного метода. Впрочем, это мало что значит – ведь и большая часть рукописного наследия Аристотеля оказалось уже при четвертом поколении более чем на полтора столетия отправленной на хранение в сырой подвал за полной ненужностью. Общая теория систем во многом перешла в сослагательное наклонение: если применить к данной проблеме системный метод, то... Но в большинстве случаев применения не происходило, возникало еще одно описание, и не более.

Язык тернарного описания мог претендовать на определенного рода

совершенство – ни одному другому формальному языку описания не удавалось столь точное и пластическое воспроизведение описываемого объекта или феномена. Но, возможно, именно в этом совершенстве и таился определенный рода недостаток. Ограниченность обычных формальных языков позволяла им отбрасывать случайное, выявляя в строгих формулах лишь самую суть. ЯТО был способен формализовать практически все, проиграв тем самым в эвристичности – его творческий потенциал оказывался невелик.

Сотнося эти факты с объектами второго из выделенных выше классов, можно сказать, что это черта подлинно великого философа: оказаться ненужным времени, не решить поставленных задач, не быть понятым ни учениками, ни последователями. Понимал ли Уёмов, что происходило с его учением? Думаю, понимал, но не принимал и продолжал неуклонно и целеустремленно свой путь. Он ни на секунду не испытывал колебаний, насколько я могу судить по слышанным от него оценкам, он лишь жалел, что инициированное им движение не получает нужного размаха, и неоднократно говорил, что не видит вокруг себя никого, кто мог бы продолжать развитие общей теории систем, правда, за единственным исключением. Окончено ли его дело? В том смысле, что человек Авенир Иванович Уёмов сделал все, что мог – безусловно, да. А вот Уёмов-философ все еще продолжает оставаться живой системой, и не мне судить, развивающейся или нет.

Список использованной литературы:

1. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 184 с.
2. Уёмов А. И. [Воспоминания о В.Ф. Асмусе] / Вспоминая В. Ф. Асмуса... М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 86 – 100.
3. Уёмов А. И. Системные аспекты философского знания. Одесса: Негоциант, 2000. – 160 с.
4. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. – 272 с.

ФЕНОМЕН ФИЛОСОФА АВЕНИРА УЁМОВА

В научном просторечии это называется «быть явлением». Человек с именем Авенир (по-французски «будущее») – такое имя дала ему мудрая мать – действительно стал фаворитом времени. Его судьба стала его миссией. Он всё делал «заранее». Это сакраментальное словечко, как корона, венчающее его загадочную до сих пор триаду «вещи, свойства, отношения» – т.н. «язык тернарного описания», выводивший из себя киевского географа-системолога Юрия Тютюнника (загляните в его книгу «Тоталлогия»), который негодовал: кто, дескать, мог «задать» Уёмову его мастер-ключ заранее. Отвечаем: будущее время. То, которое пришло «раньше своего срока», по Олвину Тоффлеру, назвавшему этот якобы неожиданный «приход» футурошоком второй половины XX века, повергшим, якобы, человечество в смятение, в ощущение потери ориентации и т.п. А для человека с именем «Будущее», напротив, это стало временем расцвета философского творчества. Примерно в это время он переехал в Одессу из подмосковного Иванова и сразу же прослыл здесь «футурологом». К сожалению, эта одесская визитная карточка Уёмова пока плохо изучена. Сейчас в Одессе изучается и другая, небрежно оценённая философской идеологической критикой, тема мышления по аналогии. Это был ранний Уёмов, примерно такой же гениально необычный как детектив мисс Марпл из романов Агаты Кристи – она пользовалась именно аналогиями, а не пресловутыми доказательствами. Но Уёмову после критики его «аналогизирования» пришлось обратиться всё-таки к доказательствам. Это зрелый Уёмов – логик, аристотелевский адепт, влюблённый в Стагирита, хотя и не слепо, ибо, когда ему нужно было проанализировать изображение сущностей в искусстве, он не постеснялся заявить, что «отец всего и вся» (так он аттестовал Аристотеля) в отличие от Платона и Сократа не признавал существования сущности – тавтология, наверное, не случайная... Поэтому он был, объективно говоря, не упрямым аристотелианцем, а античником-«классицистом». Здесь мы подходим к апогею Уёмовского философского творчества в Одессе, ибо, как мы уже говорили вначале, его вела, а не «тащила» сама судьба, вела к Черному морю и городу, построенному в эллинском духе «сомасштабности» зданий и человеческого роста и притом из так называемого «понтического» известняка (в Одессе называемом ракушечником, ракушняком), вынутого, «выпиленного» строителями-итальянцами из слоёв, погребённых в земле античных колоний (Греция и Рим). Жаль, что ещё никто из местных историков культуры и краеведов не занялся проблемой, называемой «эллинизм», трактуемой как взаимодействие местных (локальных, «наших») культурных сил с античной традицией. А таких – «эллинистических» – пунктов немало в мире: и в Индии (знаменитая Гандхара), и в Египте, и на Ближнем Востоке (Сирия), и в Румынии... Но в славянском мире упоминание колоний типа Херсонеса, Ольвии и других никого, увы, вплотную, теоретически не заинтересовало. Они не

видели культурного взаимодействия народов в интеллектуальном плане, они просто отмечали исторически временную совмещенность «жилплощади». В этом смысле переезд Уёмова из Иванова в Одессу (а ему предлагали варианты) беспрецедентно знаменателен. Он выбрал место, где виден «эллинико-римский след». Уёмова неотвратимо потянуло в эти места, т.к. он был прирождённым, фатальным античником.

Юношей в МГУ он начинал с проблемы счастья в эпикурейском духе, преобладания положительных эмоций над отрицательными. Если вспомнить софокловское определение времени как некоего перехода от положительных эмоций к отрицательным и наоборот, то действительно, счастье – это факт «беспереходности» – это стойкое преобладание положительных эмоций, отрицательные эмоции в счастье не допускаются, времени как переходу «туда-сюда» конец. Действительно, «счастливые часов не наблюдают». Естественно, что молоденький студент – Уёмов, пытавшийся в ажиотаже учебы на философа-античника повторить на себе опыт с огнём Муция Сцеволы, действительно «смолоду был молод», признавая счастье как преобладание положительных эмоций, стойкое, постоянное преобладание. А позднее, пересев на аристотелевского «коня», он, конечно, не мог не прикоснуться к проблеме аристотелевского катарсиса, когда от несчастья (сострадания) можно получить «бонус» счастья, наслаждения в виде «очищения» и «просветления». Это не «или-или», а уже «и-и» – счастье рядом со страданием, рука об руку. Соотнесённость с моментом общего (Аристотель использовал этот термин вместо слова синтез (по Гегелю, которого Уёмов не любил и «не понимал», как он признавался на студенческих диспутах). Аристотелевско-уёмовской соотнесённостью с моментом общности сейчас занимается доктор философии, вдова и ученица Уёмова Людмила Николаевна Терентьева. Это понятно нам с позиций анализа катарсиса. Общее в соотнесённости – это плюс (радость) и минус (страдание) как некое нулевое состояние, по новейшему определению «жизни» в физике. Нобелевский лауреат Эрвин Шредингер в книге «Что такое жизнь с точки зрения физики» назвал жизнь квантовым феноменом в области абсолютного нуля. Жизнь, а не собственно счастье, мы находим и в сфере интересов зрелого, позднего Уёмова, в книге, например, «Метафизика», где он говорит о неопантропе, человеке новейшего типа, озабоченного поддержанием жизни не столько в себе, сколько вокруг себя. Культивировать – в погоне за эгоистическим счастьем – перевес положительных эмоций над отрицательными, более того, избегание отрицательных эмоций (довольно модное в наше время) стало предметом осуждения психологами даже не с психологической, а скорее с физиологической точки зрения. Аристотель действительно очень актуален в наше, мало сказать сложное время – трагическое время т.н. «последних времён». Аристотель жил в эпоху поздней эллинской классики, когда патетическое начало (жажда действия без надежды на успех, страсть, окрашенная скорбью) овладело древнегреческим обществом, для которого буквально политикой стало искусство трагедии, впоследствии выродившейся в драму – в Европе капиталистической формации, в эпоху обыкновенных, «маленьких» людей, так не похожих на

античных граждан. Мы видим, что Уёмов, подобно своему античному Учителю и кумиру, вечен, ибо актуален в любое время. Будущее не держит свои двери для таких мыслителей на замке, они для них всегда открыты. Уёмовское наследие ждёт новых исследователей. Даже проблема «человек – машина», которую Уёмов полемически обыгрывал на нашумевших в Крыму далёких лет конференциях, эксцентрично приглашая признать за машиной «креативность», не только гибельную, но и спасительную, пуповиной была связана с античным спасателем «Бог из машины», «Deus ex Machina» – обязательного Супергероя древнегреческой трагедии.

Да, Уёмов – кудесник, связывающий времена и страны естественно, органично, своим собственным сердцем и разумением. Это дано не каждому.

Особая страничка должна быть отведена Уёмову как философу, не праздно интересовавшемуся изобразительным искусством. Очень интересна проанализированная недавно Л.Н. Терентьевой статья Уёмова 70-х годов в одесской прессе, посвящённая защите художника-диссидента Олега Соколова «ОТ» поэта Юрия Михайлика. Это некий эпицентр полемических воззрений философа. В том, что художник О. Соколов из невидимой музыки создаёт «видимую» картину, говорило, видимо, творцу системы «вещь, свойство, отношение», что изобразительное искусство, по определению П. Флоренского, – «стойкое вещественное образование, проработанное духом», может сделать видимой картинной вещью невидимую музыку. Мне мало известно, как относился Уёмов к классическому изобразительному искусству, но «цветомузыка» Олега Соколова импонировала Уёмову не просто как человеку-зрителю, это были «его» печаль и радость – свойства и отношения обязательно подчинить реализации, сделать «вещью». А в религии есть и того более интересная переключка с уёмовской доктриной «языка тернарного описания». Как пример, приведём выражения из молитв: типа «умные и вещественные силы» (молитва к Богородице и моление о милости Божьей – святого Димитрия Ростовского), заканчивающиеся словами: «Яко же хоччеши, устрой о мне вещь» – т.е., видимо, дай мне реализоваться, быть, стать. Критики Уёмова утверждают, что он понимал и трактовал вещь только как тело. Он оправдывался, что это не так. Это Маркс в молодости писал, что человеку необходимо взаимодействовать с Природой, и это будет, дескать, составлять его тело, чтобы не умереть. А что же такое «дух»? Вернёмся к Флоренскому, цитированному на стр.3, утверждавшему, что искусство – это стойкое вещественное образование, проработанное духом. Определить дух – сложная задача для любого философа. Но в наше время даже религиозные деятели сравнивают дух с ... ветром (в книге «Доктрины Библии в простом разьяснении», Б.А. Рамсботтом, Хартенден, Хардшир, Алс, 3Bz, Англия, стр.21-22). Одним словом, правы те науковеды, которые утверждают, что наука, в конце концов, неизбежно придёт к искусству, а затем и к религии. Л. Ландау призвал учёных заниматься наукой из любви к искусству. Этот призыв был услышан – и, как жаловался американский философ Витгенштейн, картина мира в науке стала от этого очень неопределённой, просто-таки мистической. А связь науки с религией пророчил Вернадский: это

якобы произойдёт через обращение учёных к буддизму. Христианство в этом смысле ещё подождёт очереди, оно сложнее. Но картина Н. Рериха «Встреча Христа и Будды у подножия Гималаев» говорит о том, что Христос, предупреждавший: «Времени больше не будет», выбрал именно этот объект – Гималаи – горы, которые не двигались с места в эпоху Гондваны, когда происходил активнейший «дрейф материков». Здесь мы имеем то нулевое состояние, которое называется вечностью, по-буддистски нирваной (переход на другой берег жизни). То, что в Тибете осели на жительство воины из армии Александра Македонского, увидевшего в этих краях сходство с античной интермундией, «междумирием», обиталищем богов – знаменательный факт. И здесь виден указующий перст Аристотеля, учителя Александра Великого. Остаётся поздравить и Авенира Ивановича с тем, что и он был учеником Аристотеля. Поистине, как сказал поэт: «Есть избранность судеб». Нам посчастливилось знать такого Человека с большой буквы, слушать его, учиться у него. У меня с ним были беседы, связанные с Японией, когда я сдавала кандидатский минимум по философии. Он находил у японцев аристотелевский «мимезис» (природоподражательность, по-японски «мономанэ») и считал, что эта доктрина гениальна как для Запада, так и для Востока. На сегодняшний день, как пишут газеты, японцы признаны «самыми умными» в мире. Авенир Иванович понимал их на равных. Даже такую сложную для европейского понимания пословицу «завтракать надо с вечера». Это значит, что и по Аристотелю (о чём объявил Уёмов в своей последней книге «Метафизика») время неразрывно и непрерывно и что только в своих «иллюзиях», как пишет Харуки Мураками, всемирно знаменитый мастер японского оккультного детектива, мы членим время на прошлое, настоящее и будущее. Причинность и целеустремлённость – одно целое, доступное гениальному уму философского склада, человеку – учителю Жизни. Уёмов был прирождённым философом, который, если бы не был столь скромен, несмотря на мировое имя, мог бы сказать, подобно Френсису Бэкону: «Я не судья, я – перст указующий».

ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА «ПАРАДИГМА» В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ВЫДЕЛЕНИЕ ПАРАДИГМОПОРОЖДАЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Термин «парадигма» понимается в гуманитарных исследованиях весьма многообразно, поэтому задача систематизации способов понимания этого термина является актуальной. В процессе осуществления систематизации оказывается, что различия в понимании термина имеют более глубокую основу. Исследователи по-разному описывают парадигмопорождающие элементы парадигм: ими могут оказаться образец, метафора, концепт, идея, социокультурный компонент, принцип и т.п.

А.И.Афанасьев и И.Л.Василенко в статье «Парадигмы гуманитарных наук» даёт следующее определение парадигмы: «Парадигмой может быть назван любой более или менее осознанный образец практической и мыслительной деятельности, разделяемый некоторым сообществом... Понятие парадигма может применяться даже за пределами науки, например в теологии. Скажем, томистская идея гармонии веры и разума и формула Тертуллиана «верую, ибо абсурдно» могут рассматриваться как две противоположные парадигмы» [1].

Можно видеть, что, говоря о парадигме как об «осознанном образце», авторы в том же абзаце говорят об «идеях», которые могут лежать в основе ненаучных (например, теологических) парадигм. При этом предлагаются два методологически важных замечания: «парадигмы не сводятся к теориям, а включают в себя социокультурные компоненты» и «парадигмами в исторических науках часто выступают философские, психологические и иные концепции».

Таким образом, цитируемые исследователи выделяют три парадигмопорождающих элемента: осознанный образец, социокультурные компоненты, концепции. Каждый из этих элементов играет роль семени, из которого вырастают парадигмы.

Т.Н.Попова говорит о парадигме в контексте «проблемы шаблонов» [6, с. 34], она пишет о «стремлении к парадигмальности, универсальности приёмов, канонизации формотворчества, стереотипизации, тиражированию общепринятых образцов» [6, с. 34]. Можно видеть, что Т.Н.Попова понимает парадигму в первую очередь как образец, канон, стереотип, набор универсальных приёмов. В то же время в монографии Т.Н.Поповой проявляется ещё одна версия истолкования термина «парадигма», как основной идеи, которая в значительной степени определяет некую интеллектуальную деятельность. Так, излагая воззрения В.В.Ващенко [5], Т.Н.Попова пишет: «на смену позитивистской версии научной биографии как бесстрастному коллекционированию фактов жизни учёного пришла (пост) модернистская парадигма «кинематографической биографии», в которой автор выступает в роли режиссёра» [6, с.59]. В том же значении термин «парадигма» используется

автором, когда она пишет о двух парадигмах в области биографических исследований, которые сформировались в украинской историографической практике: «одна из них концентрируется в концепте «научная биография» и восходит к позитивистскому опыту XXI века..., другая апеллирует к научной метафоре «интеллектуальная биография», используя разнообразные постмодернистские техники» [6, с.60].

Парадигмопорождающими элементами в изложении Т.Н.Поповой и В.В.Ващенко выступают образцы, концепты и метафоры.

Юрген Хабермас пишет о парадигме как о фундаментальном принципе, определяющем деятельность или исследования: «парадигма самосознания, самоотнесенности познающего и действующего в одиночку субъекта будет затенена другой парадигмой – принципом взаимопонимания, т.е. межсубъектными отношениями социально активных и склонных к обоюдному признанию индивидов» [9, с. 320]. Термин «парадигма» в его понимании ближе к терминологическому конструкту «исследовательская позиция». Парадигмопорождающим элементом по Ю.Хабермасу выступает принцип взаимопонимания.

Дж. Ритцер предпринял попытку выделить уровни социальной реальности и сконструировать интегрированную социологическую парадигму [8, с.580]. Предложенная Дж. Ритцером интегрированная социологическая парадигма совмещает два континуума (микро-макро континуум и объективно-субъективный континуум), которые образуют четыре уровня социального анализа: макрообъективный, макросубъективный, микросубъективный, микрообъективный [8, с.581]. Парадигмопорождающими элементами в его метатеоретическом построении стали уровни социальной реальности и континуум.

О.П.Пунченко пишет о гуманитарных парадигмах: «функционирование и развитие этого понятия связано с деятельностью субъекта в сфере духовной культуры» [7, с. 104], он также подчёркивает «человекомерный характер» [7, с. 104] гуманитарных парадигм и говорит о том, что «Любая парадигма в гуманитарных науках отражает смысловые и сущностные характеристики конкретного социального феномена, и в этом плане исследователь находится в положении наблюдателя движения собственной мысли, однако это не просто пассивное наблюдение бытия феномена, а критическое осмысление его сущности, возможностей его преобразования, это специфический акт научного предвидения» [7, с.101].

Парадигмопорождающими элементами, с точки зрения О.П.Пунченко, являются смысловые и сущностные характеристики конкретного социального феномена.

Украинский философ А.И.Афанасьев приходит к выводу о «недостаточно адекватном современному уровню гуманитарного знания понятию парадигмы» [2, с. 102]. По мнению исследователя, несоизмеримость парадигм, прорастающих из разных парадигмопорождающих единиц, не позволяет говорить о едином понимании гуманитаристики. Объясняя это многообразие,

А.И.Афанасьев вводит термин «гуманитарная парадигма», полагая, что упомянутое многообразие является важным признаком всей гуманитаристики в целом: «Структурна і функціональна своєрідність парадигм гуманітаристики свідчить про постійний процес становлення гуманітарних наук» [3, с. 24].

Украинский философ Л.Н.Богатая пишет: «Сама по себе парадигма является сверхсложным открытым саморегулирующимся человекокосмомерным образованием» [4, с.12]. В этой формулировке присутствует описание целого класса парадигмопорождающих элементов: сверхсложных, открытых, саморегулирующихся и человекокосмомерных. В дальнейшем тексте Л.Н.Богатая уточняет, что парадигма – «это след (текущий, всегда изменяющийся) онтологического развёртывания человечества» [4, с. 14] и «плод коллективной творческой активности человечества» [4, с. 14].

Многообразие парадигмопорождающих элементов является одной из веских причин различия в понимании того, как определяется парадигма в гуманитарных дисциплинах. Парадигмы, используемые в гуманитарных дисциплинах, проявляются как синтез исследовательских конструкторов, осуществляемый в смысловом поле парадигмопорождающих элементов.

Список использованной литературы:

1. Афанасьев А.И. Василенко И.Л. Парадигмы гуманитарных наук. – URL: http://www.rusnauka.com/NIO/Philosophia/afanas_ev.doc.htm.
2. Афанасьев А.И. Понятие "парадигма" и гуманитарные науки // Науковий Вісник Чернівецького університету. – 2015. – №754-755. – С. 102–107.
3. Афанасьев О.І. Гуманітарні парадигми та парадигми гуманітарних наук / Олександр Іванович Афанасьєв // Науковий Вісник Чернівецького університету. – 2013. – Випуск № 663-664. – С. 19–26.
4. Богатая Л. Н. Размышления о парадигме и способах ее исследования // Науковий вісник Чернівецького університету. Збірник наук. праць. – 2013. – Вип. №663-664. Філософія. – С. 10–18.
5. Ващенко В. Концепт «интеллектуальная биография» и конструирование “научных биографий» в украинской историографии // Эйдос. Альманах теории и истории исторической науки. – Киев, 2009. – Вып. 4. – С.478, 486.
6. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.
7. Пунченко О. П. Смысловая культурологическая «нагруженность» парадигм гуманитарных наук // Труды БГТУ. История, философия, филология. – 2015. – №5. – С. 100–104.
8. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. – Москва: Весь мир, 2008. – 416 с.

СИСТЕМНЫЕ ДЕСКРИПТОРЫ КАК СРЕДСТВО КОНКРЕТИЗАЦИИ И ОБОБЩЕНИЯ СИСТЕМ

1. Проблема «Как формально определить понятие системного дескриптора и понятие системного параметра в Параметрической Общей Теории Систем?»

Многие понятия, важнейшие для *Параметрической Общей Теории Систем* (ОТС ПВ) ещё недостаточно формализованы. Такие понятия (как например, «дескриптор», «параметр», «значение параметра») до сих пор определялись в явном виде лишь содержательно. То есть, не формально. Часто – на *метауровне* для языка описания систем. А в ОТС ПВ таким языком служит *язык тернарного описания*. ЯТО [1 - 9]. Практика работы с описаниями систем для их оптимизации показывает, что такие понятия надо формализовать. Однако на пути к решению данной проблемы возникает следующий ряд препон.

1. ЯТО опирается на такие философские предпосылки, согласно которым свойства и отношения (согласно *принципу двойственности*) переходят друг в друга [1, с. 58 - 89; 10; 11]. Поэтому, например, *атрибутивный системный параметр* можно трактовать, в одном плане, как свойство, а в другом, как отношение. Это затрудняло их формализацию в ЯТО.

2. Если исходная системная характеристика задана формально и, если она считается значением Z_1 какого-то системного параметра, то он ищется путём её анализа. Однако этот анализ может дать разные результаты. Например, интенционально разные отношения разных дескрипторов. Поэтому параметры, имеющие значение Z_1 , будут разными. Это создаёт трудности в том, чтобы указать параметр и дальше варьировать его значения. А ведь такое варьирование важно для поиска остальных систем того же типа, что и исходная система, которой присуще данное значение Z_1 . Имеется в виду, что искомый параметр, принимая то или иное значение Z_i (из набора взаимно исключающих друг друга значений $Z_1, Z_2, \dots, Z_i, \dots, Z_n$), укажет нам всю соответствующую классификацию систем того же типа, что и исходная система.

3. Чтобы ввести понятия дескриптора и параметра формально, по-видимому, надо обобщать некоторые соотношения, отражённые в синтаксисе ЯТО.

В итоге, при построении весьма широко развёрнутых определений системы, возникают трудности, как только мы пытаемся алгоритмизировать процесс детализации этих определений.

Для того, чтобы получить формальные определения подобных базовых понятий ОТС ПВ, нужно очертить определённый путь к этой цели. Здесь мы предложим конкретную версию такого пути.

2. Исторически проторенный путь к определению системных параметров и их значений в параметрической общей теории систем

Понять, что такое *системный дескриптор, параметр и их значения*, можно легче всего, если проследить то, как они работают при *конкретизации* и

обобщении системы. Когда мы конкретизируем систему в языке ЯТО (с помощью *фундаментальных отношений*, лежащих в основе синтаксиса ЯТО), когда мы её так конкретизируем, то мы можем видеть этот процесс очень *детально*. Конкретизируя систему, мы, тем самым, указываем на *тот класс систем*, в который она попадает. Так мы становимся на *путь построения формальной классификации систем*.

Тогда же мы видим и *основание*, по которому система конкретизируется. Тогда же видно и то *ограничение*, накладывая которое на систему, мы её конкретизируем. Явно выделяется при этом и тот системный *дескриптор*, на который мы это ограничение непосредственно накладываем. В ходе конкретизации системы проясняются и *дефиниции* того, что такое «системный дескриптор», что такое «системный параметр», «значение дескриптора», «значение параметра» и т.д.

Забегая вперед, можно констатировать следующее. Например, на очерченном пути можно увидеть, что (с одной стороны) *параметр является дескрипторным отношением* для исходной (конкретизируемой) системы. А, с другой стороны, мы увидим, что этот же *параметр является свойством* для той системы, которую мы получили как модификацию исходной системы.

Трактовку системных параметров как *отношений* у системных дескрипторов (или – как *дескрипторных отношений*) можно назвать *реляционной*. Трактовку же системных параметров как *свойств* (у дескрипторных отношений), можно назвать *атрибутивной*.

В первом приближении, *системный параметр* – это *основание* для деления объёма понятия «система» [12, с. 17; 2, с. 9; 1, с. 152; 13, с. 67]. «Под системными параметрами будут пониматься характеристики систем, могущие быть основаниями деления объёма понятия «система» на ... классы...» [12, с. 17]. Уточняя определения, данное в [12, с. 17; 2, с. 9], можно сказать, что *атрибутивные системные параметры* – это основания для *классификации систем*. А *реляционные системные параметры*, как отмечал А.И. Уёмов, это основания для выделения *групп систем* (возможно, по ассоциации с понятием *группы* в математике).

Так говорилось системологами школы А.И. Уёмова ещё вначале, при зарождении Параметрического Варианта Общей Теории Систем (ОТС ПВ) [14]. По сути, это положение («параметр – как основание») до сих пор не отвергнуто в ОТС ПВ, но связалось с недоразумениями, о которых мы скажем позже. Затем язык ЯТО становился формальным аппаратом ОТС ПВ [3 - 7]. И позже оказалось, что, хотя это положение и хорошо описывает *системный параметр* в натуральном языке, но явное определение системного параметра в ЯТО, всё же, моделировалось с большим трудом и довольно приблизительно. Об этом – смотри анализ, проведенный Л.Л. Леоненко [15].

Изначально теория классификации систем строилась по аналогии с теорией классификации объектов, подпадающих под заданное понятие [2, с. 38 - 39; 14]. Каким был такой путь?

Понятие отражает объект. Признаки понятия отражают свойства или отношения объекта. Значения признаков отражают значения, придаваемые этим свойствам или отношениям объекта... Такой подход распространялся на объекты, представленные системно. «Вообще, значением *атрибутивного общесистемного параметра* называется фиксированное значение такого признака, по которому объём понятия «система» может быть разделён на классы... (при заданных дескрипторах системы)» [6, с. 56 - 57]. Таким образом, прежде, чем определять что такое «системный параметр», надо определить, что такое «системный дескриптор». О дескрипторах – см. ниже.

3. Описание предлагаемых определений

3.1. О предпосылках трактовки вещей

Далее мы будем обозначать готической буквой *схему формулы*. Скажем, **A** – это *схема формулы*, или *формульная схема*, где формула, соответствующая этой схеме обозначает объект, или вещь. В таком случае, для краткости речи, вместо словосочетания «вещь, скрытая под схемой **A**» мы будем говорить так «вещь **A**».

ОТС ПВ опиралась на обоснованные в [1 - 14] философские предпосылки *качественного представления*, или *качественной презентации* вещи. Здесь словосочетание «качественное понимание (или качественное представление) вещи» мы используем как синоним словосочетания «не пространственное понимание вещи».

3.2. О дескрипторе вещи

При *качественном представлении вещи* [1; 10], например, вещь **A** мы отождествляем с *комплексом её качеств*, то есть, с её *качествами*, вместе взятыми. Иначе говоря, с результатом синтеза некоторых вещей [16 - 17]. Последние *качества* – это некоторые её *внутренние*, или *граничные* свойства. И они являются её *компонентами*, *составляющими* (*аспектами*, *средствами*, или *факторами получения* этой исходной вещи **A**). Они суть её *сопродуценты*, которые найдутся в результате её анализа [1; 8 - 10; 14; 16 - 33]. Они присущи ей. По сути, они являются некоторыми такими объектами, которые можно назвать её *дескрипторами* [18 - 33].

Отметим, что понятие «системный дескриптор» трактуется здесь в более широком смысле, чем «системная характеристика первого уровня» [34]. А понятие «дескриптор» здесь трактуется в более широком смысле, чем понятие «системный дескриптор». *Дескриптор*, имеющийся у вещи, выделяется в *результате её анализа*. Системный дескриптор, присущий данной вещи, выделяется в результате её системного анализа. Для того чтобы вещь **A** имела объект **B** как свой дескриптор, для этого необходимо, чтобы данная вещь получалась в результате синтеза чего-то с этим объектом.

То качество, которым является данный дескриптор, можно назвать его *типовым качеством*. Оно отражается в *родовом* понятии относительно понятия об исходном дескрипторе, как о *видовом* понятии. *Типовое качество*, или *тип данного дескриптора* также выделяется в ходе *анализа* той вещи, которая

обладает этим дескриптором. Поэтому типовой дескриптор вещи – это тоже некий её дескриптор.

В монографии [8, с. 162 - 163] для системы выделялись *концепт Р*, структура **R** и субстрат **m**. По А.И. Уёмову, системные *аспекты* проявляются в одних случаях как основные *компоненты* [2, с. 9] системного представления вещи (то есть, как **P**, либо как **R**, либо как **m**), а в других случаях системные *аспекты* проявляются как *соотношения этих компонент* [8, с. 162 - 163]. Смотри Таблицы 7 и 8 там же. Как подчёркивал А.И. Уёмов, *аспекты* системного рассмотрения объектов и *системные параметры* нельзя отождествлять [8, с. 168]. В дальнейшем то, что в [8] называлось *аспектами*, стало называться *дескрипторами*. Раньше системные дескрипторы иногда назывались *системными переменными* [35, с. 23, 21]. В работе [36, с. 126] основные системные дескрипторы названы *системными определителями*. Подобно тому, как аспекты могли проявиться в виде соотношений других аспектов, так и дескриптор, понимаемый в обобщённом смысле, может проявляться в виде соотношения других дескрипторов. Дескриптор, имеющийся у вещи, также может оказаться присущим ей объектом (например, элементом), присущим ей свойством, свойством у отношения её дескрипторов и т.д. При этом понятие «*системный дескриптор*» и понятие «*системный параметр*» не отождествляются.

3.3. О конкретизации системы через значение дескриптора

Исходному дескриптору можно придать конкретное *отношение*. Нам, с учётом работ [18 - 28; 30 - 33], будет естественнее назвать его *функциональным значением* для этого дескриптора. Данный дескриптор, реализующий такое внешнее отношение, это уже *предметное значение* исходного дескриптора. А.И. Уёмов иногда называет *реляционным значением* то, что здесь названо *функциональным* [37].

Подобно тому, как конкретизируется понятие о данной вещи, можно конкретизировать и эту вещь, трактуя её как *комплекс (или синтез) качеств*. В языке ЯТО, описывающем системы, одна вещь может являться другою, то есть, быть результатом конкретизации этой другой вещи. Тогда последняя вещь – это результат обобщения первой вещи. Аналогично, пользуясь ЯТО, можно конкретизировать и обобщать также вещи, заданные системно [18 - 33].

Пусть, например, исходному дескриптору навязано конкретное, *внешнее для него отношение*, отношение, являющееся некоей *связью или зависимостью*. *Внешнее* для дескриптора значит, присущее ему не при всяких, но лишь при некоторых условиях. При этом та система, дескриптор которой приобрёл упомянутое внешнее отношение, уже *конкретизировалась*. Она конкретизировалась, приобрела новое свойство, образованное указанной *связью (или зависимостью)*. *Связи или зависимости* выражаются в ЯТО через те соотношения, которые являются *фундаментальными* для ЯТО. Они служат частями его синтаксиса.

Вообще, логические связи или зависимости между *понятием* о системе, признаками понятия «система» и значениями этих признаков – все эти

логические связи или зависимости *аналогичны* тем связям или зависимостям, которые есть в *системе*. Они есть между нею, её дескрипторами и значениями дескрипторов. Они также есть между нею, её *параметрами* и значениями *этих параметров*.

Теперь, – несколько подробнее – о конкретизации системы и о значении дескриптора. Вернёмся к тому случаю, когда исходному дескриптору системы мы *навязали конкретное, внешнее для него отношение, то есть, придали ему конкретное функциональное значение*. При этом, *такое конкретное внешнее отношение, реализовавшееся на дескрипторе, оказывается уже свойством для этой системы* (и, как мы увидим ниже, - *значением системного параметра*). Это свойство является *внешним для этой системы, а потому и конкретизирует её*. Такой *механизм* конкретизации системы назовём *реляционным*.

4. Путь к определению понятия «дескриптор вещи»

4.1. Путь к дескриптору – через обобщение предикаций в ЯТО

Понятие дескриптора можно определить формально, используя ЯТО [18 - 33]. Для этого, вначале следует смоделировать соотношение «объект **A** имеет вещь **B**». Обозначим его через $\{A>B\}$. Его можно получить, обобщив два фундаментальных для ЯТО соотношения прямых предикаций $\{(A)B\}$ и $\{B(A)\}$. Обобщив по методу обобщения через абстракцию¹⁾.

Замкнув формульную схему $\{A>B\}$, получим схему объекта, выраженного в соответствующем понятии. Это – понятие о вещи $[A>B]$. Оно отображает вещь **A**, имеющую объект **B**.

Кроме того, в ЯТО нужно смоделировать и соотношение «вещь **A** присуща (принадлежит) объекту **B**». Оно обозначается так: $\{A<B\}$. Его можно получить, обобщив два фундаментальных для ЯТО соотношения обратных предикаций $\{(A*)B\}$ и $\{B(*A)\}$. Обобщив, опять же, по методу обобщения через абстракцию.

Замкнув схему $\{A<B\}$, получим схему объекта, выраженного в понятии о вещи $[A<B]$. Оно отображает вещь **A**, принадлежащую объекту **B**.

Пользуясь полученными моделями, можно выразить следующее соотношение: «Вещь **A** имеет дескриптор **B**». Оно обозначается так: $\{A>-B\}$.

$$\{A>-B\} =_{\text{def}} \{[AJ[a>B]]\}. \quad (1)$$

Соотношение $\{A>-B\}$, то есть соотношение «Вещь **A** – её дескриптор **B**», может служить моделью следующей ситуации: «Вещь **A** получена путём *синтеза* с объектом **B**».

Например,

$$\{t>-B\} =_{\text{def}} \{[tJ[a>B]]\}. \quad (2)$$

Здесь вещь **t** представлена как нечто, имеющее объект **B**.

С другой стороны, - можно выразить и соотношение: «Объект **A** служит дескриптором вещи **B**». Оно обозначается так: $\{A-<B\}$. Здесь

$$\{A-<B\} =_{\text{def}} \{[AJ[a<B]]\}. \quad (3)$$

4.2. Дескриптор вещи – это не каждый объект, с нею соотносящийся

Не всё то, что оказывается *коррелятом соотношения*, выделенного при анализе данной вещи, служит её дескриптором. Дескриптор вещи – это далеко не всякий её коррелят (не всякий объект, как-то с нею соотносящийся). Скажем, универсум U всех вещей (вообще), этот универсум, не служит дескриптором системы.

Например, универсум U не выделяется в результате анализа вещи t . В результате анализа вещи t мы выделим лишь её отношение к универсуму. Вещь t не представляется как нечто, взятое вместе с универсумом U . В результате анализа вещи t мы обнаруживаем тот факт, что *она принадлежит универсуму*. Хотя вещь t непротиворечива, но универсум U противоречив. В результате анализа вещи t мы выделим лишь её отношение к универсуму. Хотя, разумеется, понятие об универсуме мы действительно сможем *абстрагировать* из этого отношения к универсуму. То есть, универсум служит *дескриптом*, по Карнапу [38, с. 71], но он явно не может быть дескриптором в смысле А.И. Уёмова. Здесь ситуация напоминает тот случай, когда, говоря словами А. Чёрча, универсум упоминается, но не используется [39, § 08, с. 58 - 59].

5. Как можно формально определить понятие системного дескриптора?

5.1. Системный дескриптор, заданный через системное представление вещи

Примером дескриптора является системный дескриптор. Пусть зафиксировано *системное представление*, или дана *системная презентация*. Обозначим её буквою Σ . Она означает, что вещь $\mathfrak{A}$ отождествляется с упомянутой *системой*. В этом случае, *системный дескриптор* $\mathfrak{B}$ у вещи $\mathfrak{A}$ выступает как такой её дескриптор, который служит коррелятом её *системного представления (системной презентации)*. При этом, *презентацию системы* следует делать, пользуясь усовершенствованной дефиницией¹⁾ системы в более новой версии ЯТО [40]. Содержательное определение понятия „система”, данное в натуральном языке, можно выразить более или менее подробно в формализованном языке. Потому может оказаться, что средствами более развитой версии ЯТО станет доступным выделить больше системных дескрипторов, чем их удавалось обнаружить средствами ЯТО-2 или ЯТО-3.

Заметим, что, по сути, коррелят системной презентации – это заместитель конкретной вещи $\mathfrak{A}$, указанной нами в данной презентации. Здесь заместитель конкретной вещи $\mathfrak{A}$, в данной презентации определяется так: это тот объект²⁾, который обладает каждым отношением указанной вещи $\mathfrak{A}$, свойственным этой (*системной*) *презентации* Σ . Таким образом, системный дескриптор выступает как аналог интересующего нас *коррелята презентации*³⁾.

Итак, пусть, например, в ЯТО-4 определена система относительно концепта t (как в работе [40]). Обозначим её s' . Пусть, далее, объект $\mathfrak{C}$ представлен как система, то есть, $\{\mathfrak{C}Js'\}$. Назовём это тождество презентацией объекта $\mathfrak{C}$ как

системы (относительно концепта t), или, коротко, *системной презентацией* объекта $\mathbb{C}$.

Представим эту *системную презентацию* как некоторое отношение конкретного объекта $\mathbf{ia}$:

$$\{\{\mathbb{C}\mathbb{J}s^i\} \Rightarrow [a(*\mathbf{ia})]\}. \quad (4)$$

Это – ситуация участия избранного конкретного объекта в системной презентации, взятой как отношение. Теперь можно рассмотреть такой коррелят системного представления, то есть, объект $\mathbf{ra}$, характеризующийся упомянутой *системной презентацией*. Он имеет схему

$$\{(\mathbf{ra})\{\{\mathbb{C}\mathbb{J}s^i\} \Rightarrow [a(*\mathbf{ia})]\}\}. \quad (5)$$

Схематически, это коррелят системного представления для объекта $\mathbb{C}$ (относительно концепта t). То есть, схематически, это *общесистемный дескриптор* объекта $\mathbb{C}$.

5.2. Системный дескриптор, определяемый через генетическое соотношение

Пусть предварительно, в ЯТО, определена следующая ситуация (см. выше, п.4.): «Объект $\mathbb{C}$ имеет дескриптор $\mathbb{B}$ ». Она обозначается так: $\{\mathbb{C} > \mathbb{B}\}$.

Тогда, очевидно, системную *презентацию* исходного объекта $\mathbf{i}_0\mathbb{C}$ можно представить как его (*дескрипторное*) отношение к некоторому объекту $\mathbf{i}_0\mathbf{a}$. Иначе говоря, системную презентацию исходного объекта $\mathbf{i}_0\mathbb{C}$ можно представить как ситуацию, когда такой объект имеет какой-то дескриптор $\mathbf{i}_0\mathbf{a}$:

$$\{\{\mathbf{i}_0\mathbb{C}\mathbb{J}s^i\} \Rightarrow \{\mathbf{r}_0\mathbf{a} > \mathbf{i}_0\mathbf{a}\}\}. \quad (6)$$

Затем можно рассмотреть такой дескриптор $\mathbf{r}_0\mathbb{B}$, который является коррелятом презентации Σ . Он имеет схему $\mathbf{i}_{\text{def}}\mathbb{B}$, где

$$\mathbf{i}_{\text{def}}\mathbb{B} =_{\text{def}} [(\mathbf{r}_0\mathbb{B})\{\{\mathbf{i}_0\mathbb{C}\mathbb{J}s^i\} \Rightarrow \{\mathbf{r}_0\mathbf{a} > \mathbf{i}_0\mathbf{a}\}\}] \quad (7)$$

Таким образом, системный дескриптор у вещи $\mathbb{C}$ выступает как *коррелят* её системной *презентации* Σ .

5.3. Дескриптор системы – это не каждый объект, с нею соотносящийся

Ситуация с дескриптором системы во многом аналогична ситуации с дескриптором вещи, рассмотренной как синтез каких-то объектов. Коррелят у того соотношения, которое характеризует систему, то есть, коррелят у её атрибута, иногда подобен *дескрипту* у этого соотношения (*дескрипту* – в смысле Р. Карнапа). Назовём такой коррелят *коррелятом системы*, или *дескриптом для системы*. В том случае, когда *дескрипт* системы ей не присущ (а является чем-то вне системы), мы можем назвать его *несобственным для системы, или её референтом*. Можно было бы также назвать его *апеллятом, иррелевантом, аутсайдером* и т.п. Очевидно, референт для системы не служит её дескриптором, по определению. Хотя, дескриптором у вещи t служит её отношение к универсуму (то отношение, согласно которому, вещь t *включается* в универсум). Универсум служит лишь референтом для вещи t .

6. Параметры как отношения

6.1. О параметрах системы как об отношениях

В работе А.И. Уёмова [9, с.70] к числу *системных дескрипторов первого порядка* отнесены атрибутивный и реляционный концепты, структура, субстрат и т.п. «Далее, через отношение структуры к субстрату, субстрата к структуре и т. д. могут быть определены дескрипторы второго порядка, в число которых входят организации разного типа. Понятие «элемент» тоже относится к системным дескрипторам» [9, с.70]. Здесь под *организациями* понимаются такие соотношения, как например, соотношения между субстратом и структурой и т. п. [8, с. 163].

В учебнике [6, с. 38], применительно к системному представлению, «... понятия «концепт», «структура» и «субстрат» объединяются в понятии **системного дескриптора** первого порядка». «Если мы выясняем отношения между дескрипторами данной системы, - концептом, структурой, субстратом и т.д., то мы получим атрибутивные системные параметры, а если нас интересуют отношения между дескрипторами разных систем, то мы станем изучать реляционные системные параметры (подчёркнуто мною – Н. Савусин)» [6, с. 55].

Очевидно, что отношение между основными системными дескрипторами служит свойством для системы (или свойственно системе). [11]. Поэтому, оно непосредственно является тем *основанием, по которому система может конкретизироваться, то есть, её системным параметром*. Причём, оно является именно *атрибутивным основанием* для выделения видов этой системы. Значит, оно является *атрибутивным системным параметром*.

Из работы [6, с. 55], можно видеть, что такое отношение действительно является атрибутивным системным параметром.

Кстати, в данном случае, упомянутое соотношение *основных системных дескрипторов* также и само служит своим свойством. Поэтому, и в таком смысле, оно тоже может служить *атрибутивным системным параметром*. Это поскольку (согласно ЯТО) любая вещь свойственна самой себе.

6.2. Параметры как некие дескрипторы

«Отношения между дескрипторами первого порядка будут дескрипторами второго порядка» [6, с. 38]. Так же трактуются *дескрипторы второго порядка* и в более ранней работе А.И. Уёмова [9, с.70], и в его более поздней работе с Г.В. Штаксером [41. с. 10]. Отмеченные в [9, с.70; 41. с. 10] различные *системные организации* (то есть, *дескрипторы второго порядка*) также должны проявляться как системные параметры, если следовать учебнику [6, с. 38].

Таким образом, *системные параметры* (как *отношения* между системными дескрипторами) – *это тоже некоторые дескрипторы*. Хотя, и - более высокого порядка. Скажем, второго порядка.

Как уже отмечалось, подобно тому, как системный аспект может проявиться в виде соотношения других аспектов, так и дескриптор, понимаемый в обобщённом смысле, может проявляться в виде *соотношения других дескрипторов*. То есть, в виде некоторого параметра.

6.3. Вырожденные параметры. Монарный параметр как вырожденный параметр

В работе [7, с. 24 - 36] А.И. Уёмов приводит примеры ряда общесистемных параметров. В явном виде, у него атрибутивные системные параметры – это некие соотношения между основными общесистемными дескрипторами. Общесистемный параметр должен быть присущ именно каждой системе. Однако, затем, каждый такой параметр здесь неявно преобразуется и берётся в так называемой абстрактной суппозиции. То есть, он берётся как таковой вообще, единственный в своём роде. Например, соотношение $([a(*a)])t$ концепта t берётся здесь как *такоево вообще, как единственное в своём роде* [7, с. 25]. Это означает, что ему нельзя навязать никаких внешних (ограничивающих) отношений (или свойств), и что оно не может приобретать никаких иных значений, кроме как характеризоваться самим собой. Оно не может проявиться ни в каком ином виде, кроме, как быть тождественным самому себе. И по нему нельзя выделить никакого особого, или частного случая системы. Значит, он уже не является параметром. Это – вырожденный параметр.

Такая картина подобна той ситуации, когда эллипс, вырожденный в пару прямых (или – в точку) [42, с. 64 - 67], не является эллипсом.

6.4. Атрибутивные параметры как отношения связи или зависимости

6.4.1. Системный параметр – это не каждое соотношение системных дескрипторов

Подчеркнём тот факт, что не каждое соотношение, реализующееся на каких-то общесистемных дескрипторах, будет *системным* параметром. Чтобы быть параметром, оно должно оказаться, в этом плане, *связью или зависимостью*. Действительно, если мы берём *отношение между основными общесистемными дескрипторами* (такими, например, как концепт, структура, субстрат), то мы видим, что между ними есть те *связи или зависимости*, которые отображены в основных правильно построенных формулах (ППФ) ЯТО. В частности, *субстрат* имеет некоторое (*структурное*) отношение (оно на нём реализуется); *структура* обладает системоопределяющим свойством (*концептом*) и т.д. *Эти связи или зависимости являются атрибутивными общесистемными параметрами*. А упомянутые ППФ отражают фундаментальные соотношения ЯТО.

Опыт показывает, что известные из работ [1; 3-9] значения системных параметров образуются за счёт наложения на дескрипторы именно связей или зависимостей, входящих в число фундаментальных соотношений ЯТО. Иначе мы не зададим значения системного параметра (в собственном смысле этого слова). Аналогично, желая конкретизировать систему (то есть, желая указать тот класс, куда она попадает), мы должны навязывать её дескрипторам (нескольким либо – лишь одному из них) *только связи или зависимости*. Причём, навязывать их как *внешние* отношения. Иначе мы не конкретизируем систему (и не выделим класса систем). Навязывая дескриптору ту либо иную связь, мы конкретизируем

систему так, либо иначе (прямым способом, либо альтернативным ему способом).

Если в системе появляются какие-то отношения, *не являющиеся связью* того или иного системного дескриптора, то система не приобретает от этого нового *системно-параметрического свойства* (или – нового значения системного параметра). По этой причине, она и не воплощается в некую свою разновидность, не модифицируется.

Пусть, например, мы обнаружили, что в системе по имени «*бригада шахтёров*» некоторый член бригады подумал о погоде в городе. Понятно, что, при этом, мы по-прежнему констатируем: «*бригада шахтёров* не изменила свой системный тип».

Очевидно, что в системе фиксированного типа могут появляться какие-то новые отношения её дескрипторов. Однако, не всегда соотнесённый при этом дескриптор, оказывается соотнесённым именно связью или зависимостью.

«Всё в мире взаимосвязано» [2, с. 12], но, в определённом, практически важном плане, эта связь может оказаться не существенной. Скажем, *биологический вид волков* (как *дискретная система*, по А.А. Малиновскому) определяется так, что связь волка из Украины и волка из Сибири не учитывается в составе структуры этой системы [2, с. 12].

Третий пример: *эмоциональное или познавательное соотношение*, реализованное на субстрате системы между её подобъектами (пусть, членами той же бригады), не является системным параметром, если оно, по сути, не является связью или зависимостью. Ещё пример: *один участник структурного соотношения в системе отрицательно оценивает свою роль в этом соотношении*. Но это *оценивание* по сути, может и не являться никакой связью или зависимостью. Поэтому оно и не будет *системным* параметром.

Значение атрибутивно системного параметра можно рассмотреть как описание системы, характеризующее её. Связи или зависимости в этом описании составляют его *концепт*. Если у какого-то дескриптора появляются отношения, не являющиеся связью или зависимостью, то они входят в *латентную структуру* этого описания, как *атрибута* системы. Здесь словосочетание «атрибут системы» употребляется как сокращение вместо словосочетания «атрибутивная структура системы» [29; 40].

6.4.2. Если мы указываем связь или зависимость между дескриптором и другим объектом, то мы указываем атрибутивный системный параметр

Если мы указываем связь или зависимость между дескриптором и другим объектом, то мы указываем атрибутивный системный параметр. Если это отношение навязывается дескриптору (придаётся ему, как внешнее для него), то мы, при этом, конкретизируем систему, то есть, указываем на тот её класс, куда она попадает. Связь или зависимость может выражаться через *фундаментальные соотношения ЯТО*.

Например, в ЯТО-4, наряду с определённым объектом *t*, вводится объект *Lt*, то есть, ограниченный объект *t* (он отражается в понятии «только *t*»). Вводится там и объект *t*, который отражается в понятии «*t*, отличный от только *t*».

Возьмём определение системы, укажем, что её концепт t совпадает с Lt , то есть, установим тождество $\{fJLt\}$. Получим особую систему (систему из особого класса). Альтернативой для этой системы будет та, где концепту t навязано другое тождество $\{fJt\}$. Подобную процедуру можно провести и применительно к структуре, и применительно к субстрату системы.

Заметим, что и вещь Lt , и вещь t , обе порознь являются разновидностями вещи t . В работе [5. Part II, p. 135] А.И. Уёмов отмечает, что смысл концепта t у системы считается заданным заранее и независимо от других системных дескрипторов. То есть, концепт t определён семантически. Однако, соотношение $\{fJ[a \Rightarrow t]\}$ совпадения концепта t с его некоторой разновидностью – это соотношение имеет синтаксический характер; оно может доопределять концепт синтаксически. Здесь, схема $\{A \Rightarrow B\}$ означает, что A является B , а формула $[a \Rightarrow t]$ означает нечто, являющееся объектом t .

В данном примере, соотношение $\{fJ[a \Rightarrow t]\}$ является общесистемным параметром, причём, атрибутивным. Это соотношение служит основанием для выделения таких систем, где $\{fJLt\}$ и дополнительного класса таких систем, где, напротив, $\{fJt\}$.

6.4.3. С чем совпадает качество, именуемое как «тип параметра», по А.И. Уёмову?

Естественно, что общесистемный параметр (как основание деления систем на классы) должен быть присущим именно каждой системе. Например, по отношению субстрата к структуре (то есть, по $\{m / R\}$ -соотношению), можно выделить такие системы, где субстрат имплирует структуру. Это будут *внутренние системы* [1, с. 165]. Иные системы – это *не внутренние* (а, как можно было бы сказать, *внешние*). У А.И. Уёмова эта ситуация учтена под № 11 в *Таблице 6* [1, с. 155]). Иными словами, этот параметр можно выразить так: «Это – внутренний либо внешний характер системы». То есть, это то, что может проявиться либо как внутренний характер, либо как внешний характер системы. Вспоминая термин «*оппозиция*», в толковании Ю.И. Зуева [43], назовём набор, состоящий из двух указанных «полярно противоположных» свойств («*внутренний характер системы*» и «*внешний характер системы*») набором *полюсов оппозиции* № 11.

А этот параметр назовём *потенциальным полюсом из оппозиции № 11* (по *Таблицы 6*). По своему определению, этот *потенциальный полюс оппозиции* тождественен типовому свойству (или результату обобщения) как внутреннего характера системы, так и внешнего характера системы. Понятие «этот *потенциальный полюс оппозиции*» тождественно более общему понятию для следующих двух понятий: «*внутренний характер системы*» и «*внешний характер системы*». По сути, это более общее понятие обозначает *типовой системный параметр*, или то, что в [1, с. 155, *Таблица 6*] именуется как *тип системного параметра*.

Однако, можно видеть, что «этот *потенциальный полюс оппозиции*» (этот *тип*) и совпадает с $\{m / R\}$ -соотношением. Поэтому $\{m / R\}$ -соотношение и является системным параметром. Тем, - который может проявляться иногда как *внутренний характер системы*, а иногда (в другом крайнем случае) - как *внешний характер системы*. В данном случае оппозиция была бинарной и пару её полюсов можно назвать *диполем №11*.

Соотношение между такими общесистемными дескрипторами, как m и R , А.И. Уёмов назвал *организацией системы* [8, с. 163].

6.4.4. Системный параметр как отношение при экстенциональных определениях системного параметра

А.И. Уёмов определял сначала (в первом приближении) системные параметры, исходя из их теоретико-множественных моделей.

Пара таких важных определений в [1, с. 144 - 145] такова. «Реляционный системный параметр – это набор отношений, таких, что любые системы находятся в каком-либо отношении из этого набора». «Атрибутивный системный параметр – это набор таких свойств, одним из которых обладает любая система. Любое это свойство является одним из значений атрибутивного системного параметра». Подобные экстенциональные определения имеют приблизительный характер, поскольку в таких случаях параметр неправомерно отождествляется с объёмом понятия об этом параметре.

Одно из экстенциональных определений атрибутивного системного параметра таково. «Атрибутивный системный параметр P экстенционально задаётся множеством свойств $P^1, \dots, P^i, \dots$ (значений параметра P) таких, что произвольная система обладает одним и только одним из свойств P^i » [44, с. 183]. Здесь набор $P^1, \dots, P^i, \dots$ значений параметра P можно назвать *многомерной оппозицией*. А такой параметр P можно выразить так: «Это – то, что может проявиться либо как значение P^1 , либо как значение... P^i , либо как значение P^n ...». По аналогии с предыдущими *полюсами диполя*, данный параметр P можно считать *потенциальным полюсом из многомерной оппозиции $P^1, \dots, P^i, \dots, P^n$* . По своему определению, этот *потенциальный полюс оппозиции* тождественен типовому свойству (или результату обобщения) как P^1 , так и P^i , и P^n и т. д. Понятие «этот *потенциальный полюс оппозиции*» тождественно более общему понятию для следующих многих понятий: « P^1 », ..., « P^i », ..., « P^n »... «...».

При этом, можно видеть, что «этот *потенциальный полюс оппозиции*» (этот *тип*) и оказался параметром P . По сути, здесь *многомерная оппозиция* – это объём понятия о параметре P . Если свойства $P^1, \dots, P^i, \dots, P^n$ ..., (как значения для P) – суть соотношения системных дескрипторов, *свойственные* системе, то и P – это соотношение дескрипторов, *свойственное системе*.

Параметр P оказался тем параметром, который может проявляться только как один полюс P^i из упомянутой *многомерной оппозиции* (она и есть *объём понятия о параметре P*).

Так можно обнужить, что тип атрибутивного параметра (как отношения) тоже является неким атрибутивным параметром.

6.4.5. Значение параметра как отношение и параметр как отношение

Внутренний характер системы свидетельствует о том, что ей придано (или, что она приобрела) такое *свойство*, которое служит *значением системного параметра*. Это значение является *значением организации системы*. Его можно обозначить (условно) как **V3-OpгS** и определить следующим образом:

$$\{\mathbf{V3-OpгS}\} = \text{def} \{ \{ \mathbf{m / R} \} \Rightarrow \{ \mathbf{m \rightarrow R} \} \}. \quad (8)$$

Данное значение ($\{\mathbf{V3-OpгS}\}$) получено лишь только конкретное *функциональное значение уже придано* такому общесистемному атрибутивному параметру, как *системная организация* $\{ \mathbf{m / R} \}$. Параметр же $\{ \mathbf{m / R} \}$, получивший упомянутое *функциональное значение*, превращается в своё *предметное значение*. Видно, что *это значение является частным случаем* $\{ \mathbf{m / R} \}$ -соотношения (оно является некоей *организацией системы*). Организация системы, имеющая *внутренний характер*, является какой-то *организацией системы*. Организация системы проявилась в виде внутренней организации. То есть, $\{ \mathbf{m / R} \}$ – это *атрибутивный параметр* для системы **S**. Аналогично, и *внешнего характера* организация системы тоже является какою-то *организацией системы*. То есть, $\{ \mathbf{m / R} \}$ – это, опять же, *атрибутивный параметр* для системы **S**.

Заметим, что выше (при выделении внутренней системы) мы *навязали* дескриптору $\{ \mathbf{m / R} \}$ внешнюю связь. Обозначим её так: $\{ (\{ \mathbf{a} \Rightarrow \{ \mathbf{m \rightarrow R} \} \}) \mathbf{T} \}$. Здесь **T** обозначает *истинность* (или *бытийность* [3] как свойство). Благодаря указанному *навязыванию*, выделился класс *внутренних систем*. Для них утверждается, что

$$\{ (\{ \{ \mathbf{m / R} \} \Rightarrow \{ \mathbf{m \rightarrow R} \} \}) \mathbf{T} \}. \quad (9)$$

В противоположном случае, навязав дескриптору $\{ \mathbf{m / R} \}$ альтернативную внешнюю связь $\{ (\{ \mathbf{a} \Rightarrow \{ \mathbf{m \rightarrow R} \} \}) \mathbf{N} \}$, мы выделим класс *не внутренних, или внешних систем*. Для них утверждается, что

$$\{ (\{ \{ \mathbf{m / R} \} \Rightarrow \{ \mathbf{m \rightarrow R} \} \}) \mathbf{N} \}. \quad (10)$$

Здесь **N** обозначает *ложность* (или *небытийность* [3] как свойство).

Обозначим теперь через **V** некоторую *валентность* (или *модальность*); она может проявляться либо в виде *бытийности* (**T**), либо в виде *небытийности* (**N**). Если проанализировать *навязываемые* выше *внешние связи*, то окажется следующее. Каждая из них – это связь

$$\{ (\{ \{ \mathbf{m / R} \} \Rightarrow \{ \mathbf{m \rightarrow R} \} \}) \mathbf{V} \}. \quad (11)$$

Последняя связь (11) может считаться *атрибутивным системным параметром*. Он проявляется то в виде такого своего значения, как (9), то в виде такого своего значения, как (10).

Проанализировав импликацию $\{\mathbf{V3-OpгS}\}$, можно обнаружить, что она является *связью организации* $\{ \mathbf{m / R} \}$ с *чем-то*. Обозначим эту связь так:

$\{ \{ \mathbf{m / R} \} > \mathbf{a} \}$. Как видим, и эта связь тоже может считаться *атрибутивным параметром*. Действительно, и она тоже проявляется в виде $\{\mathbf{V3-OpгS}\}$, то есть, в виде системно-параметрической особенности системы (или в виде значения атрибутивного системного параметра).

Эта же связь $\{\{\mathbf{m} / \mathbf{R}\} > \mathbf{a}\}$ тоже может проявиться в виде (характерной для внешних систем) связи $\{\{\{\mathbf{m} / \mathbf{R}\} \Rightarrow \{\mathbf{m} \rightarrow \mathbf{R}\}\}\} \mathbf{N}$. Значит, и эта связь $\{\{\mathbf{m} / \mathbf{R}\} > \mathbf{a}\}$ тоже может считаться *атрибутивным системным параметром*.

Так мы убеждаемся, что данное свойство системы может быть представлено как значение разных атрибутивных системных параметров. Эти параметры оказываются более или менее общими, либо частными примерами друг друга. Можно сказать, что они являются *типизациями* либо *видовыми проявлениями* друг друга. А это означает, что они служат либо внутренними, либо внешними свойствами друг друга. То есть, параметры, служат отношениями, свойственными друг другу. Это подобно тому, как ромб служит свойством квадрата (ибо квадрат является ромбом). Но, с другой стороны, ромб можно охарактеризовать как квадрат (то есть, придать ему свойство по имени «квадрат»), и, тем самым, получить квадрат.

Из приведенных примеров, как минимум, видно, что и *атрибутивный* параметр, и его значение, являются *соотношениями*. Видимо, подобное обстоятельство позволило А.Ю. Цофнасу *отождествить параметр со значением* (иногда – величиной) такого признака, по которому объём понятия «система» может быть разделён на классы [2, с. 37].

Различие между *атрибутивным параметром* и его значением относительно. Значение параметра – это отношение (точнее, *связь дескриптора*). В виде значения параметра проявляется параметр, тоже служащий связью дескриптора. С учётом этого, параметр может быть *типизирован*, а *типовой параметр* можно конкретизировать.

Задача выделить параметр, путём анализа того, что называется значением какого-то параметра (то есть, путём анализа той связи, где участвует дескриптор), это, часто, сложная задача. Тем более, сложно решить эту задачу формально (в ЯТО). Проще *навязывать дескриптору конкретную внешнюю связь* и, тем самым, фиксировать тип системы. Тогда объект (поданный как система **S**) приобретает *эту конкретную внешнюю связь как внешнее свойство, образованное какою-то связью*. По типу системы, легко очертить и класс систем такого типа.

6.5. Атрибутивный системный параметр как способность дескриптора к связям или зависимостям

6.5.1. Способность как отношение

Системный дескриптор *способен* связываться с чем-то или зависеть от чего-то. Он способен проявляться в этих связях или зависимостях в виде *своих предметных значений*. Например, *системная организация* $\{\mathbf{m} / \mathbf{R}\}$ как дескриптор, *способна* проявиться и как импликация $\{\mathbf{m} \rightarrow \mathbf{R}\}$: системная организация $\{\mathbf{m}/\mathbf{R}\}$ *способна* являться импликацией $\{\mathbf{m} \rightarrow \mathbf{R}\}$, как бывает во *внутренней системе*. Системная организация *может* проявиться и как нечто, отличное от импликации $\{\mathbf{m} \rightarrow \mathbf{R}\}$. Так бывает во *внешней системе*.

Способность проявляться в виде чего-то – это отношение. Оно таково, как роль, как место, как положение в конкретной ситуации. *Способность* аналогична *потенциалу*, как отношению, *могуществу* как отношению и т.п.

Таким образом, упомянутая *способность* оказывается основанием для выделения как внутренних систем (когда она фиксируется как указанная импликация), так и внешних систем (в противном случае). Иными словами, упомянутая *способность* оказывается *атрибутивным системным параметром*, а он предстает как *отношение*.

6.5.2. Сложность как отношение

Ситуация «Одна вещь как система сложнее другой по дескриптору (или, в частности, по параметру)» определяется через отношение таких дескрипторов (или, в частности, параметров), установленное по их определенности-неопределенности [18 - 33].

Определенность можно представить, как *способность* иметь нечто конкретное, в частности, *определенное* (например, можно представить, как *способность* принадлежать чему-то конкретному, в частности, *определенному* (например, как *способность* имплитироваться ним). Опять же, заметим, что *способность что-то иметь (или чем-то обладать) – это отношение*. Оно таково, как роль, как место, как положение в конкретной ситуации. Трактую простоту-сложность как *определенность-неопределенность*, мы также можем рассматривать общесистемный параметр по имени «*простота-сложность*» именно как *отношение*. Это отношение можно выразить чрез *фундаментальные соотношения ЯТО*.

6.5.3. Валентность связей (или зависимостей) как параметр, служащий отношением

Опять же, аналогично случаю со *сложностью*, обстоят дела и с другими линейными общесистемными параметрами. В частности, с *целостностью*. Определяющие целостность связи или зависимости в системе могут быть более или менее реальны, в большей или в меньшей степени возможны. Например, они могут быть действительными и даже безусловными [33]. Такая *валентность* связей (или зависимостей) так же, как и *способность*, тоже представима в виде *отношения*. И, опять же, такое отношение можно выразить через *фундаментальные соотношения ЯТО*.

6.6. Как можно определить понятие системного параметра в виде отношения?

Избранный *системный параметр* также можно рассматривать как частный случай системного дескриптора у вещи **A** [18 - 33]. Часто такой дескриптор – это *отношение каких-то иных дескрипторов* (или *отношение иного дескриптора*). Обычно, это отношение системных дескрипторов, выделенных с более глубокого уровня анализа, которому подвергнута вещь **A** как система. Дескрипторов, выделенных с более глубокого уровня, чем тот, где находится избранный параметр.

Можно убедиться в том, что отношение системного дескриптора является системным *параметром*, если оно выражает некую *связь* или некую *зависимость*. То есть, если оно подобно логической связи или логической зависимости (*логическому соотношению*).

Внешнее отношение **r** (*внешнее* отношение для избранного дескриптора), будучи навязано этому дескриптору, *конкретизирует* исходную систему, которой принадлежит этот дескриптор. То есть, это внешнее отношение **r** выступает как ограничение и образует новую систему. Тогда уже это отношение **r**, реализованное на упомянутом дескрипторе, будет *свойственно* новой системе.

Ограничение, навязанное (как внешнее отношение) дескриптору, служит *функциональным значением* этого дескриптора. Дескриптор, характеризовавшийся этим (функциональным) значением, становится своим *предметным значением*. То есть, он проявляется в виде своего *предметного значения*. Аналогично обстоят дела с *функциональным значением* системного параметра и *предметным значением* системного параметра.

Системный параметр объекта, таким образом, может служить основой для его конкретизации как системы и для выделения классов систем [12, с.17].

Отношения дескрипторов характеризуют систему (или соотносят системы по дескрипторам - так сказать, *по-дескрипторно*).

Можно также убедиться в следующем. Атрибутивный системный параметр - это такое соотношение конкретного дескриптора, которое является *связью или зависимостью*. *Реляционный параметр* - это то отношение *связи или зависимости*, которое соотносит те или иные *системы через их-дескрипторы* (к данному вопросу - см. [1; 7, с. 24 - 36; 9, с. 70 - 71; 8, с. 168; 13, с. 68; 6, с. 55; 18 - 33]). Эти системы можно считать набором систем, а реляционный параметр - атрибутивным параметром этого набора.

Заметим тут, что логические *связи* или *зависимости* могут проявляться в виде материальных *связей* или *зависимостей*. Например, - так, как это бывает в случае так называемых «нефизических взаимодействий» («*несиловых взаимодействий*» в микромире). Логические связи или зависимости могут предопределять собою те потенциальные возможности, те вероятности силовых взаимодействий или их потенциалы, которые (при случае, при достаточных для этого условиях) проявляются.

7. Параметр как свойство

7.1. Свойство у отношения дескрипторов как некий дескриптор

Дескриптор, понимаемый обобщённо, может проявляться также и в виде *свойства у отношения дескрипторов*. А *свойства у отношения дескрипторов* - это тоже атрибутивные системные параметры. При этом понятие «*системный дескриптор*» и понятие «*системный параметр*», опять же, не отождествляются.

7.2. Атрибутивные параметры как некие свойства, реализуемые в отношении второго порядка

В работе [8, с. 164 - 165] А.И. Уёмов писал «Системный же параметр понимается как свойство, реализуемое в отношении второго порядка, в число коррелятов которого входят различные аспекты системной модели, в частности, структура, т.е. отношение первого порядка. Можно уточнить это противопоставление, добавив, что системный параметр может выражаться через отношение и третьего, и более высоких порядков». Из цитированного описания позволительно понять, что параметр - это, иногда, и само отношение системных

дескрипторов, а иногда, - и свойство этого отношения. По крайней мере, не отрицается, что атрибутивные системные параметры являются отношениями дескрипторов. Ведь такие отношения служат свойствами для системы.

Согласно [5. Part II, p. 135], *характеристики системных дескрипторов* служат основаниями для классификации систем. То есть, атрибутивными системными параметрами. Поэтому и характеристики дескрипторов 2-го уровня, то есть, характеристики отношений между основными системными дескрипторами, тоже служат *атрибутивными системными параметрами*. Но характеристики, то есть, свойства, образованы отношениями. Поэтому, *указав отношение любого дескриптора, мы, тем самым, указываем его (дескриптора) характеристику*.

7.3. Атрибутивный системный параметр как свойство у отношения второго порядка в системе

Выше мы варьировали (по значению) такой общесистемный *параметр*, как *системная организация* $\{m / R\}$. Он проявлялся то как *связь, характерная для внутренней системы* (то есть, как *связь ВЗ-ОпрS*), то - как её альтернатива.

С другой стороны, можно было бы сказать и так: «Мы *варьировали свойство у этой связи*». И это свойство служило нам основанием для конкретизации (или классификации) систем. Тогда мы трактуем упомянутый атрибутивный системный параметр именно как *свойство междескрипторного отношения*, то есть, как свойство у отношения *второго порядка в системе*.

Следует заметить, что часто именно так и понимается атрибутивный системный параметр. Он часто понимается как *свойство у отношения второго порядка в системе*. При этом, отношением первого порядка считается *структура* (при *прямом определении системы*) либо *реляционный концепт* (при *двойственном определении системы*). А отношение второго порядка связывает такие дескрипторы как концепт, структура, субстрат и т.д.

Полученное выше значение (**ВЗ-ОпрS**) *общесистемного* параметра $\{m / R\}$ является неким *субпараметром*. То есть, параметром не общесистемным, но лишь присущим *системам частного вида*.

Это, полученное значение (**ВЗ-ОпрS**) *общесистемного* параметра $\{m / R\}$, можно конкретизировать и дальше, перейдя к новому *предметному значению* этого параметра. Например, можно конкретизировать связь $\{\{m/R\} \Rightarrow \{m \rightarrow R\}\}$ тем, что структура **R** свойственна субстрату **M**. Тогда мы получим значение $[(\mathbf{B3-OprS})\{(m^*)R\}]$. Очевидно, это новое значение также является уже *субпараметром*.

Согласно [6, с. 57], «Значения атрибутивных системных параметров можно определить как *свойства отношений второго порядка*, коррелятами которых выступают сами системные дескрипторы: концепт, структура и субстрат. Каждое значение атрибутивного системного параметра формально можно определить как некоторое свойство».

Таким образом, заметно, что различие между *системным параметром* и тем, что в [1] именуется *значением системного параметра относительно*. Это

различие подобно различию между общим и частным (между родом и видом, между типом и его проявлением, между видом и подвидом данного вида).

Любое свойство проявляется в каком-то конкретном отношении. Например, стекло проявляет свойство прозрачности в конкретном отношении к свету, который на него падает. Это конкретное отношение и *образует* свойство по имени «прозрачность». Аналогично, любое значение атрибутивного системного параметра образуется конкретным соотношением (*связью или зависимостью*) системных дескрипторов (или системного дескриптора). С другой стороны, это конкретное соотношение, свойственно данному значению.

Например, соотношение $\{m / R\}$ свойственно значению **V3-OpгS**. То есть, соотношение $\{m / R\}$ свойственно связи $\{\{m / R\} \Rightarrow \{m \rightarrow R\}\}$. Видно также, что **V3-OpгS** является неким соотношением **m** и **R**. То есть, **V3-OpгS** тоже является некоторой *организацией системы, неким её параметром*. По-разному конкретизируя **V3-OpгS** далее, мы работаем с ним (работаем с конкретизируемой связью $\{\{m / R\} \Rightarrow \{m \rightarrow R\}\}$) – именно как с основанием для классификации *внутренних систем*. То есть, эта связь тоже является неким параметром (хотя и *субпараметром*).

С другой стороны, можно сказать и так: «Мы *варьируем свойство у этой связи*». Тогда мы трактуем упомянутый атрибутивный системный субпараметр именно как *свойство междескрипторного отношения*, то есть, отношения *второго порядка в системе*.

Любой атрибутивный системный параметр (как свойство) также образован неким *фундаментальным соотношением ЯТО*. Аtribuтивный системный параметр также и является некоторым *фундаментальным соотношением ЯТО*.

Полезным будет учесть и тот факт, что не всегда системный параметр – это соотношение нескольких дескрипторов системы. Например, любая система входит в универсум **U** всех вещей. Но каждая система входит в него по-разному, занимает в нём своё особое место. Поэтому соотношение её концепта **t** и универсума **U** может быть разным, по его свойствам. Оно может быть той или иной связью или зависимостью. Значит, оно, по его свойствам, является общесистемным атрибутивным параметром.

Однако, универсум **U** всех вещей (вообще), этот универсум (подобно тому, как уже выше отмечалось для вещи **t**), не служит дескриптором системы.

Пример того, когда дескриптором системы служит *отношение её субстрата к невозможному объекту* **Ø**, можно увидеть в [1, с. 160]. Здесь объект **Ø** не *служит дескриптором* системы, хотя служит её референтом.

Заметим также, что мы моделируем *параметр системы* именно как некий её *дескриптор*, то есть, *в виде того, что присуще системе*. Но *дескрипт* системы (в его *карнаповской* трактовке) не обязательно *присущ* системе. Например, универсум **U**, представленный как некая структура $[u(\bullet a)]$, не служит параметром для вышеупомянутой вещи **t**.

7.4. Сложность как свойство

Ещё один пример *оппозиции* – это общесистемный параметр по имени «*простота-сложность*». Заметно, что здесь параметр – это, по сути, именно то', что может проявиться либо как простота, либо как сложность. Точнее говоря, это то' качество, которое может проявиться в виде одного из крайних значений меньшей простоты, но большей сложности, либо, наоборот: меньшей сложности, но большей простоты. Иначе говоря, *простота-сложность* – это то', чем порознь является и простота, и сложность. Это – результат обобщения как простоты, так и сложности. То есть, это то, что А.И. Уёмов мог бы назвать *типовым качеством* (или *типом*) и простоты, и сложности. Но тогда *тип простоты-сложности* и есть сам *параметр* по имени «*простота-сложность*». Здесь *параметр* и его тип *неразличимы*.

Найденное *типовое* качество, точнее, *типовое свойство*, имеет бо'льшую или меньшую интенсивность. То есть, это *линейное свойство*, (это *линейный параметр*). Другое дело, вопрос «*чему это свойство присуще?*» (или – «*где этот параметр содержится?*»). Ясно, что такой параметр, как *простота-сложность*, является общесистемным, и он содержится в любом дескрипторе системы, в любом другом её параметре. Хотя, быть может, и – в разной степени. Например, он есть в соотношении субстрата и структуры. Поэтому, *характер* этого параметра (*простота-сложность*), или его *род* (или его *тип*) также можно определить по тому дескриптору (или по тому отношению дескриптора), где этот параметр (*простота-сложность*) содержится.

Сложность-простоту можно смоделировать как некую *определённость-неопределённость* [18 - 33]. *Определённость-неопределённость* выступает как свойство *системной организации*. Это *свойство* может придаваться $\{m / R\}$ -соотношению как параметру (придаваться в большей или в меньшей мере). То есть, это свойство может выступить и как *значение параметра*.

Однако, любое *отношение дескриптора* (или дескрипторов) тоже можно понять как некую *определённость* (или, как некую, но малую *неопределённость*). То есть, *определённость* может проявиться в виде *отношения дескрипторов, а значит, в виде некоторого параметра*. Например, *определённость* может проявиться в виде *системной организации* (то есть, в виде $\{m / R\}$ -соотношения).

Сравнивая по *простоте-сложности*, разные *системные организации* (то есть, $\{m / R\}$ -соотношения), мы сравниваем их по их *определённости-неопределённости* и отвлекаемся от других качеств, присущих этим *системным организациям*.

Тот параметр, которому присуща такая *определённость-неопределённость*, можно также трактовать, как некую *определённость-неопределённость* (в частности, - как некую, большую или меньшую, *содержательность*).

Аналогично обстоят дела и с другими линейными общесистемными параметрами. В частности, с *целостностью*.

8. Взапно-двойственные определения атрибутивных системных параметров

В итоге, мы приходим к следующему выводу. То, что в литературе по ОТС ПВ именуется как «атрибутивный системный параметр данного объекта» можно понимать по-разному. Иногда системный параметр понимается как *отношение основных системных дескрипторов* этого объекта, а иногда и – как *свойство такого отношения*.

Поскольку, согласно философским предпосылкам ЯТО, каждое свойство можно истолковать и как некое отношение (и наоборот), то и атрибутивный системный параметр можно тоже истолковать двояко. С одной стороны, как свойство, а с другой стороны, – как некое отношение.

Атрибутивные системные параметры – это связи (или зависимости) между системными дескрипторами или свойства, образованные связями (или зависимостями) между системными дескрипторами. Отношение дескрипторов служит свойством у той системы, которая имеет это отношение. Любое свойство дескрипторных связей (или зависимостей) в системе можно реализовать как отношение. Как связь - с другим системным *дескриптором* либо *дескриптом*. Или – как подобную же зависимость. Например, как *способность*, или как *роль*, и т.п.

Реляционные системные параметры – это связи между дескрипторами разных систем. С другой стороны, т.е. двойственным образом, реляционный системный параметр можно представить как атрибутивный системный параметр, свойственный паре связанных систем.

9. Чем эффективна трактовка атрибутивного параметра как дескрипторной связи (или зависимости)?

Трактовку атрибутивного параметра как дескрипторной *связи (или зависимости)* назовём *связно-зависимостной*. Она нам представляется более эффективной, чем трактовка такого параметра как свойства у дескрипторной связи-зависимости. Параметр, истолкованный как дескрипторная *связь-зависимость*, проще формализовать. С ним также проще работать. Когда мы задаём формальное описание системы, конкретизируем его, детализируем, обобщаем, то эти процедуры становятся более простыми именно при *связно-зависимостной* трактовке параметров. В этом смысле, трактовка параметра как связи-зависимости более конструктивна и операциональна, чем трактовка параметра как свойства. Иллюстрацию, подкрепляющую данные преимущества – см. ниже.

10. Система, специфицированная по параметру

10.1. Путь к формализации значения для системного дескриптора

В работах [18 - 33] иллюстрируется следующее обстоятельство. *Системный параметр* можно представить в ЯТО как некоторое отношение *связи* или *зависимости*, реализованное на системном *дескрипторе (или на системных дескрипторах)*. То есть, как отношение системного дескриптора, подобное *логическим связям или зависимостям*.

Кратко очертим путь, на котором это можно сделать. Обратимся к *функциональному значению* системного дескриптора, как оно описано в вышеупомянутых работах.

10.2. Функциональное и предметное значения системного дескриптора

1. Обратимся к *функциональному значению* системного дескриптора, как оно описано в [18 - 33]. Вернёмся к системному дескриптору $\mathfrak{r}_{\text{дор}} \mathfrak{D}$ (см. формулу (7)). Пусть этому дескриптору придаётся фундаментальное для ЯТО отношение (или синтез таких отношений) $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$. Назовём его ролью (или функцией), которая исполняется этим дескриптором. Поэтому такое отношение выражает конкретную связь или конкретную зависимость. Заметим, что не обязательно это отношение является соотношением хотя бы двух разных дескрипторов (см. выше). Как видно из многих, упомянутых выше работ, отношение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ (придаваемое дескриптору $\mathfrak{r}_{\text{дор}} \mathfrak{D}$ у объекта $\mathfrak{r}_0 \mathfrak{O}$ как системы s'), это отношение можно считать *функциональным значением* для дескриптора $\mathfrak{r}_{\text{дор}} \mathfrak{D}$.

Для начала, мы должны явно указать в ЯТО, что отношение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ совпадает с некоторой связью или зависимостью. То есть, нам надо зафиксировать тождество $\{(\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}) \mathfrak{J} \{a > a\}\}$. Или же – задать тождество $\{(\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}) \mathfrak{J} \{a < a\}\}$. Можно также отождествить отношение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ с какими-то связями и зависимостями, вместе взятыми. В итоге реализуемое отношение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ может устанавливаться на своих носителях, будучи взято или целиком, или покомпонентно. Также совсем *не обязательно*, что отношение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ будет внешним для того дескриптора, на который оно накладывается. Например, для дескриптора $\mathfrak{r}_{\text{дор}} \mathfrak{D}$.

2. Рассмотрим *отношение* $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$, реализованное на дескрипторе $\mathfrak{r}_{\text{дор}} \mathfrak{D}$ исходной вещи $\mathfrak{r}_0 \mathfrak{O}$ как системы s' . Схема того, в виде чего реализовано отношение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ на указанном дескрипторе, – это $\mathfrak{r} \xi \mathfrak{Z} \mathfrak{Q}_{\text{дор}}$, где

$$\mathfrak{r} \xi \mathfrak{Z} \mathfrak{Q}_{\text{дор}} = \text{def } \mathfrak{r} \xi [\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F} (\bullet \mathfrak{r}_{\text{дор}} a)]. \quad (12)$$

Опять же, заметим, что отношение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ не обязательно является *внешним* отношением для дескриптора $\mathfrak{r}_{\text{дор}} a$.

Назовём этот результат $\mathfrak{r} \xi \mathfrak{Z} \mathfrak{Q}_{\text{дор}}$, то есть, результат реализации, *итоговой ситуацией*, или *итоговым состоянием* ролевого отношения $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$. По сути, это реализованная функция $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$. Иначе говоря, это приданное значение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$. Точнее, это функциональное значение $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$, приданное дескриптору $\mathfrak{r}_{\text{дор}} \mathfrak{D}$, в виде $\mathfrak{r} \xi \mathfrak{Z} \mathfrak{Q}_{\text{дор}}$.

С другой стороны, $\mathfrak{r} \Phi \mathfrak{F}$ – это значение, которое придаётся дескриптору. Это, например, его положение, место, позиция, которые дескриптор занимает

(или участие, которое он принимает) в итоговой ситуации. Указывая такое место, такую позицию, мы можем осуществить частный случай конкретизации. Конкретизация будет достигнута, если отношение $\iota\Phi\mathcal{F}$ является *внешним* отношением для дескриптора $\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a$.

3. Участвуя во *внешней* для него роли $\iota\Phi\mathcal{F}$, дескриптор $\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a$ конкретизируется, доопределяется, специфицируется. Дескриптор переходит в новое состояние, в свою модификацию. То есть, в своё предметное значение, схема которого

$$[\mathfrak{r}\Phi\mathcal{F}(\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a)]. \quad (13)$$

Если отношение $\mathfrak{r}\Phi\mathcal{F}$ *не* является *внешним* для дескриптора $\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a$, то предметное значение $[\mathfrak{r}\Phi\mathcal{F}(\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a)]$ этого дескриптора совпадает с этим же дескриптором.

4. Нетрудно убедиться, что значение $\iota\Phi\mathcal{F}$, которое придано дескриптору $\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a$ в виде *итоговой ситуации* $\mathfrak{r}\xi\mathcal{Z}\Phi_{\delta\sigma}$, – это уже *внутреннее свойство* для того дескриптора, который имеет это значение [11; 1; 14]. То есть, для состояния, или для *предметного значения* у дескриптора (14). Итак, $\mathfrak{r}\xi\mathcal{Z}\Phi_{\delta\sigma}$ – это также и внутреннее свойство для дескриптора

$$[(\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a)\mathfrak{r}\xi\mathcal{Z}\Phi_{\delta\sigma}]. \quad (14)$$

Здесь мы опираемся на то положение ЯТО, что отношение объекта свойственно такому объекту, который имеет это отношение [1, с. 88 - 89; 10; 11; 13, с. 23 - 26; 14; 26]. Свойство $\mathfrak{r}\xi\mathcal{Z}\Phi_{\delta\sigma}$, поскольку оно образовано отношением связи или зависимости, назовём *связным*.

5. Функциональное значение для дескриптора можно интерпретировать и как то ограничение, которое образует содержание понятия о вещи $\mathfrak{r}_0\mathcal{C}$, то есть, о той вещи, которая специфицируется упомянутым способом. Ситуация $\mathfrak{r}\xi\mathcal{Z}\Phi_{\delta\sigma}$ служит *характеристикой* для дескриптора $\mathfrak{r}_{\delta\sigma}a$.

Заметим, что, при таком понимании, термины «функциональное значение» и «предметное значение» могут служить обобщёнными аналогами соответствующих терминов, которые используются в логике [45, с. 95; 46; 28; 29]. В частном случае, *функциональное значение* допустимо уподобить такому отношению, как *диспозиционный предикат* Р. Карнапа, который можно применить к соответствующему дескриптору [47, с. 136 - 137; 48, с. 132; 49, с. 239 - 243; 50, с. 90 - 91].

Обозначим через $\mathfrak{P}\omega_{\delta\sigma}$ такое дескрипторное соотношение $\mathfrak{r}\xi\mathcal{Z}\Phi_{\delta\sigma}$ у исходной вещи $\mathfrak{r}_0\mathcal{C}$, на которое реляционным образом наложено *ограничение* $\iota\omega\mathcal{U}$. *Ограничение* – значит внешнее отношение (оно наложено как отношение $\iota\omega\mathcal{U}$ [21; 18 - 33]). Это ограничение также является *связью* или *зависимостью*.

Оно может вводиться подобно тому, как введено функциональное значение $\mathbf{1}\Phi\mathbf{F}$ выше. Здесь

$$\mathbf{1}\pi\mathbf{P}\omega_{\text{dot}} = \text{def } \mathbf{1}\pi [\mathbf{1}\omega\mathbf{A}(\mathbf{1}\xi\mathbf{Z}\Phi_{\text{dot}})]. \quad (15)$$

Характеристику $\mathbf{1}\pi\mathbf{P}\omega_{\text{dot}}$ (то есть, такую *ограниченную* характеристику дескриптора вещи $\mathbf{1}_0\mathbf{P}$) можно считать *определяющей* или *дефинитной* ситуацией для исходной вещи $\mathbf{1}_0\mathbf{P}$. Иначе – *специфицирующей* ситуацией. Она служит свойством для исходной вещи $\mathbf{1}_0\mathbf{P}$. Это свойство тоже является *связным свойством*, поскольку образовано *связью или зависимостью*. Обычно, *специфицирующая* ситуация отображается как описание исходной вещи, как контекст для неё или его фрагмент.

Заметим, что здесь понятие «описание», как и «контекст», истолковывается в объективистском смысле; это напоминает такие обороты речи, когда говорят, например, что *планеты описывают эллипсы вокруг Солнца*.

Контекст системного представления вещи при этом задаётся контекстом описания. Контекст, в котором дано описание объекта, обуславливает *системоопределяющее* начало – *концепт соответствующей системы*.

Из вышесказанного уже видно следующее. Дескрипторное соотношение $\mathbf{1}\xi\mathbf{Z}\Phi_{\text{dot}}$ служит *основой*, или *основанием* для *конкретизации*, или *спецификации* исходной вещи как системы. То есть, той вещи, чей дескриптор $\mathbf{1}_{\text{dot}}\mathbf{P}$ получает *функциональное значение $\mathbf{1}\Phi\mathbf{F}$* . Можно сказать, что $\mathbf{1}\xi\mathbf{Z}\Phi_{\text{dot}}$ – это *аспект*, или *ракурс конкретизации*. Иначе говоря, это *аспект*, или *ракурс спецификации*. Это, будто *план рассмотрения* исходного объекта, будто бы, *его степень свободы*, или *ось в пространстве его измерений*. Можно также сказать, что $\mathbf{1}\xi\mathbf{Z}\Phi_{\text{dot}}$ – это *предпосылка конкретизации* системы, или *план её проявления*. То есть, *это – системный параметр*. Причём, *атрибутивный*, поскольку он *характеризует систему, служит её свойством* [1]. Это свойство, по его природе, образовано *связью или зависимостью* (и выше названо *связным*). Напомним, что системным параметром в ОТС ПВ называется *основание для конкретизации системы* (и, соответственно, для *указывания типа, класса* системы) [9, с. 70; 13, с. 67; 21; 3; 4; 5, с. 136; 51; 7; 18 - 33].

Итак, дескрипторная характеристика $\mathbf{1}\xi\mathbf{Z}\Phi_{\text{dot}}$ выступает как *основа*, как *основание* для спецификации (или конкретизации). Конкретизируется та вещь, дескриптор которой имеет эту характеристику. Эта характеристика даётся или может даваться исходной вещи $\mathbf{1}_0\mathbf{a}$. Эта характеристика, будучи ограниченной отношением $\mathbf{1}\omega\mathbf{A}$, также может придаваться вещи $\mathbf{1}_0\mathbf{a}$. Причём, придаваться ей, как той вещи, что участвует (своим дескриптором) в конкретном соотношении, которое *ограничено* отношением $\mathbf{1}\omega\mathbf{A}$. Вещь $\mathbf{1}_0\mathbf{a}$, будучи охарактеризованной этой характеристикой (как свойством), конкретизируется.

8. Исходная вещь $\mathbf{1}_0\mathcal{O}$, которая характеризуется дефинитной ситуацией $\mathbf{1}\pi\mathcal{P}\omega_{\text{def}}$, имеет схему двойственной системы $\mathcal{S}$ (о двойственном системном представлении см. [1]).

$$\mathcal{S} =_{\text{def}} [(\mathbf{1}_0\mathbf{a})\mathbf{1}\pi\mathcal{P}\omega_{\text{def}}]. \quad (16)$$

По формуле (16), атрибут $\mathbf{1}\pi\mathcal{P}\omega_{\text{def}}$ системы образован *реляционным концептом* $\mathbf{1}\omega\mathcal{A}$. Здесь $\mathbf{1}_0\mathbf{a}$ – это *субстанция* системы. Таким образом, отношение $\mathbf{1}\xi\mathcal{Z}\varphi_{\text{def}}$ – это *основание*, или *предпосылка* $\mathbf{1}\xi\mathcal{Z}\varphi_{\text{def}}$ для конкретизации вещи $\mathbf{1}_0\mathcal{O}$ до статуса системы $\mathcal{S}$. Назовём вещь $\mathcal{S}$ системой, *специфицированной* (или *конкретизированной*) по отношению данного дескриптора. Иначе говоря, по параметру. Иными словами, её можно назвать *параметрически специфицированной* (или *специфицированной по параметру*). Синонимом также здесь может быть термин «система, означенная по параметру».

В итоге, *системный параметр* можно представить в ЯТО как некоторое отношение *связи или зависимости, реализованное на системном дескрипторе*. То есть, – как *связное отношение системного дескриптора*.

9. Характеристика $\mathbf{1}\pi\mathcal{P}\omega_{\text{def}}$ – это, по сути, *предметное значение параметра* $\mathbf{1}\xi\mathcal{Z}\varphi_{\text{def}}$. Её также можно назвать *атрибутивным значением для дескриптора* $\mathbf{1}_{\text{def}}\mathcal{D}$. Это так, поскольку можно убедиться, что он (дескриптор) характеризуется отношением $\mathbf{1}\varphi\mathcal{F}$, приданным ему в виде параметра $\mathbf{1}\xi\mathcal{Z}\varphi_{\text{def}}$. И, даже, в виде этого параметра, взятого в его особенном состоянии

$$[\mathbf{1}\omega\mathcal{A}(\mathbf{1}\xi\mathcal{Z}\varphi_{\text{def}})]. \quad (17)$$

То есть, в том состоянии, когда этот параметр ограничен отношением $\mathbf{1}\omega\mathcal{A}$.

Очевидно, параметр $\mathbf{1}\xi\mathcal{Z}\varphi_{\text{def}}$ свойственен системе, поскольку он соотносит её *субстанцию* $\mathbf{1}_0\mathbf{a}$ (соотносит по её дескриптору). Поэтому, такой параметр, по своей природе, атрибутивный. Атрибут $\mathbf{1}\pi\mathcal{P}\omega_{\text{def}}$ системы выступает как параметр, образованный ограничивающим отношением $\mathbf{1}\omega\mathcal{A}$.

Иначе говоря, атрибут выступает, как *состояние параметра*, как параметр, который имеет, так сказать, «*нормативное*» *функциональное значение*. В дальнейшем, ограничивающее отношение можно уточнить, конкретизировать. Например, – как *связь* или *зависимость*. Добавим, что кроме *нормативных*, в ОТС известны *факультативные* (возможные, но не необходимые) значения. Естественным будет полагать, что выше исходную вещь $\mathbf{1}_0\mathbf{a}$ специфицировано *нормативным значением* дескрипторного отношения. Это – значение $\mathbf{1}\pi\mathcal{P}\omega_{\text{def}}$

Атрибутивный параметр проявляется в виде своего *предметного значения*, а оно служит *атрибутом* системы.

Параметр системы $\mathfrak{S}$ аналогичен признаку понятия о ней. *Значение параметра аналогично значению признака.* По сути, $\mathfrak{S}$ – это состояние исходной вещи $\mathfrak{I}_0 a$. Это – исходная вещь $\mathfrak{I}_0 a$ в своём состоянии $\mathfrak{S}$. Если $\mathfrak{I}_0 a$ уже является системой, то $\mathfrak{S}$ – это её состояние.

10. Рассмотрим отношение самой роли $\mathfrak{I}\varphi\mathfrak{J}$ (которая придаётся дескриптору) к этому дескриптору как её подходящему исполнителю:

$$\{\mathfrak{I}\varphi a(*\mathfrak{I}_{\delta\sigma} a)\}. \quad (18)$$

Назовём это отношение («роль – её коррелят») *диспозицией роли*. По сути, она является реляционной предикацией, то есть, приданием функционального значения $\mathfrak{I}\varphi a$ дескриптору $\mathfrak{I}_{\delta\sigma} a$. Иначе можно сказать, что это – аппликация (то есть, применение) ролевого отношения $\mathfrak{I}\varphi a$ к его носителю $\mathfrak{I}_{\delta\sigma} a$.

Отметим в этом месте следующее. Предикация (1.8) – это соотношение второго порядка сравнительно с тем отношением (первого порядка), каким является роль $\mathfrak{I}\varphi a$ для $\mathfrak{I}_{\delta\sigma} a$. Здесь имеется аналогия с *приданием (приписыванием, или «сказыванием») предикабилити* Аристотеля [52; 53, с. 646, 205 - 209; 54, с. 206]. Отношение, обратное к данному отношению (1.8), указывает на исполнение дескриптором своей роли, на его функционирование, или, так сказать, на его «игру роли». Упомянутая предикация (1.8) может выступить как параметр системы. По нему систему можно будет конкретизировать. Аналогично, параметрами способны стать иные предикации, например, предикация, обратная к данной (18). А также, - предикации «параметр – его функциональное значение», «вещь $\mathfrak{I}_0 a$, которая конкретизируется – её атрибут $\mathfrak{I}\pi\mathfrak{P}\omega_{\delta\sigma}$ » и т.д.

11. Параметр системы можно интерпретировать также и как *координатную ось* в некоем абстрактном пространстве (или как степень её свободы и т.п.).

12. Качество, обозначенное через $\mathfrak{I}_0 a$, можно толковать как то, что определяет *род* для $\mathfrak{S}$ и отображается в *родовом* понятии для $\mathfrak{S}$. С другой стороны, $\mathfrak{S}$ – как то качество, которое отображается в *видовом* понятии для качества по имени $\mathfrak{I}_0 a$.

Значение $\mathfrak{I}\omega\mathfrak{A}$ для параметра $\mathfrak{I}\xi\mathfrak{Z}\varphi_{\delta\sigma}$ можно интерпретировать как отличительную особенность (*differentia specifica*) системы $\mathfrak{S}$, поданной в виде конкретизированного качества $\mathfrak{I}_0 a$. Здесь качество $\mathfrak{I}_0 a$ – это основа объекта $\mathfrak{S}$, тогда как характеристика $\mathfrak{I}\pi\mathfrak{P}\omega_{\delta\sigma}$ для него – это некий *придаток* для него, *адьюнкт*.

13. Важно, что процесс дальнейшей конкретизации системы $\mathfrak{S}$ можно также проводить по указанной схеме или по аналогичному ей пути: от (13) – до (17). Например, подставим $\mathfrak{I}\mathfrak{S}$ вместо исходной системы $\mathfrak{I}_0\mathfrak{P}$ в формуле (13) и введём соответствующие переобозначения (переименования готических букв и меток

при *йота-операторах*). Тогда мы получим путеопределяющие вехи в схеме дальнейшей конкретизации системы $\mathbf{1}\mathfrak{S}$. Атрибут $\mathbf{1}\pi\mathfrak{P}\omega$ вещи $\mathbf{1}o\mathbf{a}$ как системы $\mathbf{1}\mathfrak{S}$ допустимо будет понимать как *содержание понятия* о вещи $\mathbf{1}\mathfrak{S}$. Это аналогично тому, как Е.К. Войшвилло считает высказывание $\mathbf{A}(\mathbf{x})$ содержанием понятия $\mathbf{x}\mathbf{A}(\mathbf{x})$, то есть, понятия о таком $\mathbf{x}$, для которого верно $\mathbf{A}(\mathbf{x})$ [55, с. 181 - 203].

Примечания

1. Среди ППФ ЯТО-4 имеются формулы, отображающие различного рода *предикации*, или *соотношения*, являющиеся *предикациями*: $\{(\mathbf{A})\mathfrak{B}\}$; $\{(\mathfrak{B}^*)\mathbf{A}\}$; $\{\mathfrak{B}(\mathbf{A})\}$; $\{\mathbf{A}(*\mathfrak{B})\}$. В изложении ЯТО-4 [3, с. 169] для этих предикаций указывается схема $\mathbf{A}p\mathfrak{B}$. А. И. Уёмов, видимо, принял её по предложению Л.Л. Леоненко. По сути, здесь, на *метауровне* для ЯТО, указывается то соотношение, которое можно назвать *предикацией P* как *таковой вообще*. Оно оказывается также фундаментальным для ЯТО-4.

Его можно выразить во фразе « $\mathbf{A}$ обладает свойством или отношением $\mathfrak{B}$, или $\mathbf{A}$ присуще как свойство или как отношение для $\mathfrak{B}$ ». Разные предикации можно нумеровать индексами, например, так: $p_1, p_2, \dots, p_i, \dots$. Отношение предикации P подобно *предикабиялям* Аристотеля [52; 53, с. 646, 205 - 209; 54, с. 206].

Вводя предикации как фундаментальные соотношения ЯТО (а их схемы $\mathbf{A}p\mathfrak{B}$ – через синтаксис ЯТО) мы ещё не конкретизируем характер предикаций. Мы не конкретизируем упомянутые обладания или присущности (или реализуемости и т.п.). Например, как считает, А.И. Уёмов, «Вещь, обозначаемая $\mathbf{A}$, может иметь отношение, обозначенное через $\mathfrak{B}$, имея его «в себе, между своими элементами, она также может относиться этим отношением к другим вещам» [4: 1-2 as, 1995, V.15 n 1/2, p. 33; 56, с. 66; 3, с. 158;]. Кроме того, записав в ЯТО формулы (или формульные схемы) предикаций, *мы ещё не считаем их истинными, то есть, мы ещё этим самым их не утверждаем*. Вообще, этим мы ещё не указываем то, *в каком смысле обозначенная предикация понимается*, не указываем *тип* этой предикации. Например, записав схему $\{(\mathbf{A})\mathfrak{B}\}$, *мы ещё не указываем то, каким образом здесь объект обладает свойством* (оно случайно или необходимо и т.п.). Иначе говоря, мы ещё не указываем, является ли свойство *внутренним* либо *внешним* для объекта. Записав схему $\{\mathbf{A}(*\mathfrak{B})\}$, мы ещё не указываем то, каким образом здесь отношение под знаком $\mathbf{A}$ *придаётся* объекту под схемой $\mathfrak{B}$. Иначе говоря, мы ещё не указываем тот *способ* (или *режим*), *в котором отношение реализуется*. Мы ещё не указываем применение, или *апликацию* отношения и т.п.

Можно было бы отдельно обобщить предикации $\{(\mathbf{A})\mathfrak{B}\}$ и $\{\mathfrak{B}(\mathbf{A})\}$, обобщить их как фундаментальное для ЯТО соотношение типа «объект $\mathbf{A}$ обладает вещью $\mathfrak{B}$ ». Или – как соотношение типа «объект $\mathbf{A}$ имеет вещь $\mathfrak{B}$ ». В

английском языке этой ситуации отвечала бы схема «**A have B**» (или – ситуация, когда «**A has B**»).

В этом случае, вещь, скрытую под схемой **B**, можно назвать *придатком* (или *адьюнктом*) для объекта, скрытого под схемой **A**. *Адьюнкт* отображается в русском предложении как *дополнение*. В частном случае, *адьюнкт* мог бы интерпретироваться и как свойство или отношение.

Аналогично, можно было бы отдельно обобщить предикации $\{(\mathbb{B}^*)\mathbb{A}\}$ и $\{\mathbb{A}(*\mathbb{B})\}$, обобщить их как фундаментальное для ЯТО соотношение типа «вещь **A** присуща (*принадлежит*) объекту **B**». В английском языке этой ситуации бы отвечала ситуативная схема «**A belong B**» (или – ситуация, когда «**A belongs to B**»).

Как известно, глаголы английского языка *to have* и *to belong* выражают *связи* и *зависимости*. А последние (как соотношения) имеют *определённые направления*.

2. Заметим, что определение йота-операторов моделировалось также в работе [57].

3. *Презентацию системы* следует делать, пользуясь усовершенствованной дефиницией системы в более новой версии ЯТО [35]. Содержательное определение понятия „система”, данное в натуральном языке, выражается более или менее подробно в формализованном языке. Потому может оказаться, что средствами более развитой версии ЯТО станет доступным выделить больше системных дескрипторов, чем их удавалось обнаружить средствами ЯТО-2 или ЯТО-3. Ниже мы пользуемся ЯТО-4.

Здесь s^t – система относительно определенного концепта t . В прямом смысле (или при прямом её задании), она определена так: это – вещь, на которой реализовано некоторое отношение, обладающее определённым свойством t . Итак,

$$s^t =_{\text{def}} [(a)t(a)]. \quad (19)$$

Иначе говоря, система s^t – это вещь, образованная некоторым отношением, имеющим свойство t .

Систему в двойственном смысле (или при двойственном её определении), обозначим через s_t . Здесь s_t – это система относительно концепта t в следующем смысле:

$$s_t =_{\text{def}} [(a)[t(a)]]. \quad (20)$$

Она определена так: это – вещь, обладающая каким-то свойством, на котором реализовано определённое отношение t . Иначе говоря, система s_t – это вещь, характеризующаяся некоторым свойством, образованным отношением t [40; 29].

В частности, вместо системы s^t с неопределёнными дескрипторами (кроме её концепта t) возьмём конкретную систему $[u_r[(u_a)t(u_m a)]]$ с конкретными дескрипторами. Тогда презентацией объекта ⊕ как такой системы будет

ситуация $\{\{I \oplus J [I_R[(I, a)t](I_m a)]\}\}$. Из этой ситуации можно определить дескриптор по имени «основа структуры у объекта $\oplus$ » [40; 29]. Её схема:

$$[(I, a)\{I \oplus J [I_R[(I, a)t](I_m a)]\}]. \quad (21)$$

Значимость этого дескриптора видна на примере различения первичной и вторичной систем [1, с. 165 - 167]. Во вторичной системе налицо – следующий факт: отношение I, a , приобретае свойство t , то есть, превратившись в структуру $I_R[(I, a)t]$, образовало из субстрата $I_m a$ систему.

Аналогичным образом, в двойственной системе s , важно выделять также и основу атрибута у объекта $\oplus$ как системы [40; 29; 14]. Для основы атрибута у объекта $\oplus$ имеем схему

$$[(I, \pi a)\{I \oplus J [(I_m a)I_P[t(I, \pi a)]]\}]. \quad (22)$$

Список использованной литературы:

1. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
2. Логика и методология системных исследований. – Киев – Одесса: Вища школа. 1977. – 256 с.
3. Уёмов А.И. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1984. – М.: Наука, 1984, С. 152 – 180.
4. Avenir I. Uyemov. The Language of Ternary Description as a deviant logic. Boletim da Sociedade Paranaense de Matematica: Editora UFPR. 1-2 as, 1995, V.15 n 1/2, p. 25 – 35; II-(2s). V.17, 1/2, p. 71 – 81 (1997); III – 1998, V.18, N 1-2, p. 173 – 190.
5. Avenir Uyemov. The Ternary Description Language as a formalism for the Parametric General System Theory; Part I—Int. J. General Systems, - 1999 OPA, N.Y., Vol. 28 (4-5). Part II—2002, Vol. 31 (2), p.p.131 - 151. Part III – 2003, Vol. 32 (6), p. 583 – 623.
6. Ujomow A., Sarajewa I., Cofnas A. Ogolna teoria systemow dla humanistow. – Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001. – 276 s.
7. Параметрическая общая теория систем и её применения. Сб. трудов, посвящённый 80-летию проф. А.И. Уёмова. – Одесса: «Астропринт», 2008. - 248
8. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уёмов А.И. Принцип простоты и меры сложности. – М.: Наука, 1989. – 304 с.
9. Уёмов А.И. Теоретические основания и прикладное значение системного подхода // Проблемы методологии и современная наука. - Кишинев: Штиинца, 1988 – С. 47-84.
10. Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд.-во АН СССР, 1963. – 184 с.
11. Савусин Н.П. Взаимосвязь категорій «вещь», «свойство» и «отношение» в терминах языка ЯТО // Уёмовские чтения I – IV (2013 – 2016). Материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова. Наукове видання. Одесса, 2016. – Одесса: «Печатный дом». – 310 с. С. 257 – 265.
12. Уёмов А.И. Системы и системные параметры // Проблемы формального анализа систем. – М.: Высшая школа, 1968. – 170 с. С. 34, 42 – 69.
13. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. – Одесса: Студия «Негоциант», 2000. – 160 с.
14. Системология в Одессе. Сборник трудов республиканского семинара «Проблемы параметрической общей теории систем». Т.1 – 40. Одеса: ОТУСА ИПРЭЭИ НАН Украины, 1975 – 1996. Машинопись.

15. Леоненко Л.Л. Экспликация понятия «системный параметр» в языке тернарного описания: Открытые вопросы // Уйомовські читання VI (2018). Матеріали наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова / Відпов. ред. К.В. Райхерт. - Одеса, 2018. – 102 с. С. 46 – 50.
16. Уёмов А.И. Формализация элементарных приёмов познавательной деятельности в языке тернарного описания // Системно-кибернетические аспекты познания. – Рига: «Зинатне», 1985. – С. 41 – 88.
17. Уёмов А. И. Анализ операций как средство изучения динамики систем // Философия: вопросы методологии и логики. Научн. труды Лат. Ун.-та. – Рига, 1990. – Вып. 551. С. 143 – 170.
18. Савусін М.П. Ентропійно-негентропійні міри простоти-складності систем // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: філософія, соціологія, політологія. № 1 (63). 2015. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, - 2015. С. 106 – 120.
19. Савусін М.П. Порівняння значень складності систем на базі негентропійної міри різноманітності // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: філософія, соціологія, політологія. № 3 (65). 2015. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2015. С. 108 – 122.
20. Савусін Н.П. Критерии сравнения простоты-сложности систем в языке тернарного описания // Философ Уёмов. Bibliotheca dialogu. Под ред. Анджея Горальского и Арнольда Цофнаса. – Warszawa: Wydawnictwo Universitas rediviva, 2014. - 374 с. С. 239 – 240.
21. Савусін М.П. Філософські й теоретико-системні передумови критеріїв порівняно більшої визначеності об'єктів у мові тернарного опису (МТО). // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: філософія, соціологія, політологія. № 4 (62). 2014. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2014. С. 45 – 57.
22. Савусін М.П. Складність-простота системи як визначеність-невизначеність у значенні системного дескриптора // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: філософія, соціологія, політологія. № 2 (64). 2015. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2015. С. 107 – 120.
23. Савусін М. П. Приклади порівняння значень простоти-складності систем на базі передумов ентропійного вимірювання невизначеності-визначеності // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: соціологія. № 1 (67), 2016. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2016. С. 100 - 112.
24. Савусін М.П. Категоріальні й теоретико-системні засади концепції простоти-складності // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. Випуск 1 (34) 2015. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2015. С. 151 – 167.
25. Савусін М.П. Критерії порівняння складності систем через зв'язки та залежності між системними дескрипторами. Степені цілісності та складності // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. Випуск 2 (35) 2015. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2015. С. 95 – 111.
26. Савусін М.П. Конкретизація та узагальнення системи через зміну визначеності-невизначеності у значенні системного дескриптора // Наукове пізнання: методологія та технологія. Науковий журнал. Серія: філософія, соціологія, політологія. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 1 друк. аркуш. У друці.

27. Савусін М.П. Які системи складніші? Порівняння простоти-складності кривих (конічних перерізів) за інваріантами їх перетворень // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: філософія, соціологія, політологія. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського. 1 друк. аркуш. У друці.
28. Савусин Н.П. Моделирование процедуры обобщения понятий средствами языка тернарного описания (ЯТО) // Філософія і соціологія в контексті сучасної культури. Збірн. наук. праць. – Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 2001. – 272 с. С. 180 – 187.
29. Савусин Н. П. Системное исследование процедур формирования целевых комплексных программ. // Целевые комплексные программы хозяйственного освоения ресурсов Мирового океана. /А.И. Уёмов, Киев: Наукова думка, 1988. С. 107 – 117.
30. Савусін М.П. Системи, відображені в підпорядкованих і в підпорядковуючих, у контрадикторних і контрарних поняттях. Що складніше чого? // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. 2018. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2018. У друці.
31. Савусін М.П. Контрадикторні та контрарні поняття. Альтернативні та протилежні системи. Порівняння за складністю // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. 2018. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2018. У друці.
32. Савусин Н.П. Качественное сравнение систем по простоте-сложности // Тезисы областной конференции «Системный анализ научного знания». 24 – 26 ноября 1986 г., г. Одесса: Изд.-во Одесского обл. дома полит. просвещения, 1986. С. 90 – 91.
33. Савусін М.П. «Шляхи підвищення цілісності систем на базі загальної теорії систем (ЗТС)» // Наукове пізнання: методологія та технологія. Науковий журнал № 2 (29), 2012. Серія: філософія, соціологія, політологія. Випуск 1 (30) 2013. Одеса, 2013. С. 144 – 150.
34. Сараева И.Н. К проблеме определения понятия «общесистемная закономерность» в рамках параметрической общей теории систем // Системный метод и современная наука. Межвузовский сб. научн. трудов. – Новосибирск: Изд.-во НГУ, 1983. - 169 с. С. 3 – 13.
35. Уёмов А.И., Плесский Б.В., Сумарокова Л.Н. Информационные процессы в научном исследовании и проблемы их упрощения // Проблемы информатики. Заочный семинар. Вып. 3. – Новосибирск: Наука, Сибирск. Отделение, 1972, – 58 с.
36. Уёмов А.И. Метафизика. Учебное пособие. - Одесса: «Астропринт», 2010. - 260 с.
37. Уёмов А.И. Семиотика и общая теория систем // Диалектика познания и активность сознания. Межвузовск. сб. трудов. – Иваново: Изд.-во Ивановск. гос. ун.-та, 1985. – 152 с. С. 79 – 85.
38. Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Иностранная литература, 1959. – 384 с. С. 71.
39. Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1. – М.: Изд.-во иностр. лит.-ры, 1960. – 486 с.
40. Савусин Н.П. Формализация определения системы средствами новой версии ЯТО // Проблемы системных исследований. Межвузовский сб. научн. трудов. – Новосибирск: Изд.-во НГУ, 1985. С. 89 – 96.
41. Уёмов А.И., Штаксер Г.В. К проблеме построения измерительной шкалы для определения целостности систем // Системные исследования. Ежегодник 2002. М.: Наука, 2004. С. 7 – 33.
42. Корн Г., Корн Т. Справочник по математике. – М.: Наука, 1974. – 831 с.
43. Зуев Ю.И. Категориальная оппозиция «единичное-общее» и процедура обобщения. Рукопись. Одесса // Системология в Одессе, т. 23 (1). С. 6 – 79.

44. Леоненко Л.Л., Сараева И.Н. О применении языка тернарного описания к моделированию значений системных параметров и установлению общесистемных закономерностей // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1984. – М.: Наука, 1984, С.181 – 193.
45. Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.А.В. Логика и язык научной теории. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделен., 1982. – 191 с. С. 95 - 96.
46. Целищев В.В., Петров В.В. Философские проблемы логики. Сеиантические аспекты. – М.: Высшая школа, 1994. – 128 с. С. 42 – 43, 46.
47. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с. С. 20, 41.
48. Войшвилло Е.К. Философско-методологические аспекты релевантной логики. – М.: Изд.-во МГУ, 1988. – 140 с.
49. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. – М.: Наука, 1987. – 256 с. С. 239 – 243.
50. Клаус Г. Введение в формальную логику. – М.: Прогресс, 1960. – 391 с.
51. Уёмов А.И. Свойства, системы и сложность. – Вопросы философии, 2003 г., № 6, С. 96 – 110.
52. Аристотель. Топика. – Соч. в 4-х т., т. 2, - М.: Мысль, 1978. – 687 с.
53. Микеладзе З.Н. Примечания к Т. 2 кн.: Аристотель. – Соч. в 4-х т., т. 2, - М.: Мысль, 1978. – 687 с. С.646.
54. Луканин Р.К. Органон Аристотеля. – М.: Наука, 1984. – 291 с.
55. Войшвилло Е.К. Понятие. – М.: Изд.-во МГУ, 1967. – 286 с.
56. Уёмов А.И. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем, используемого для моделирования научных исследований по ЦКП. – Одесса: ИПРЭЭИ НАН Украины. – 1996. Машинопись. С. 60 – 118.
57. Савусин Н.П. Указание объектов в языке тернарного описания (ЯТО) с помощью аналогий // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке (научная конференция) 16 – 17 июня 1994 г. Тез. докл. Часть 1. Современные направления логических исследований. – СПб.: Изд.-во СПб. гос. ун.-та, 1994. – 105 с. С. 66 – 68.

Наукове видання

VII
УЙОМОВСЬКІ ЧИТАННЯ
(2019)

Матеріали Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова

(українською та російською мовами)

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет – К. В. Райхерт

Формат 60x84/16. Гарнітура Times New Roman. Ум.-друк. арк. 8,93